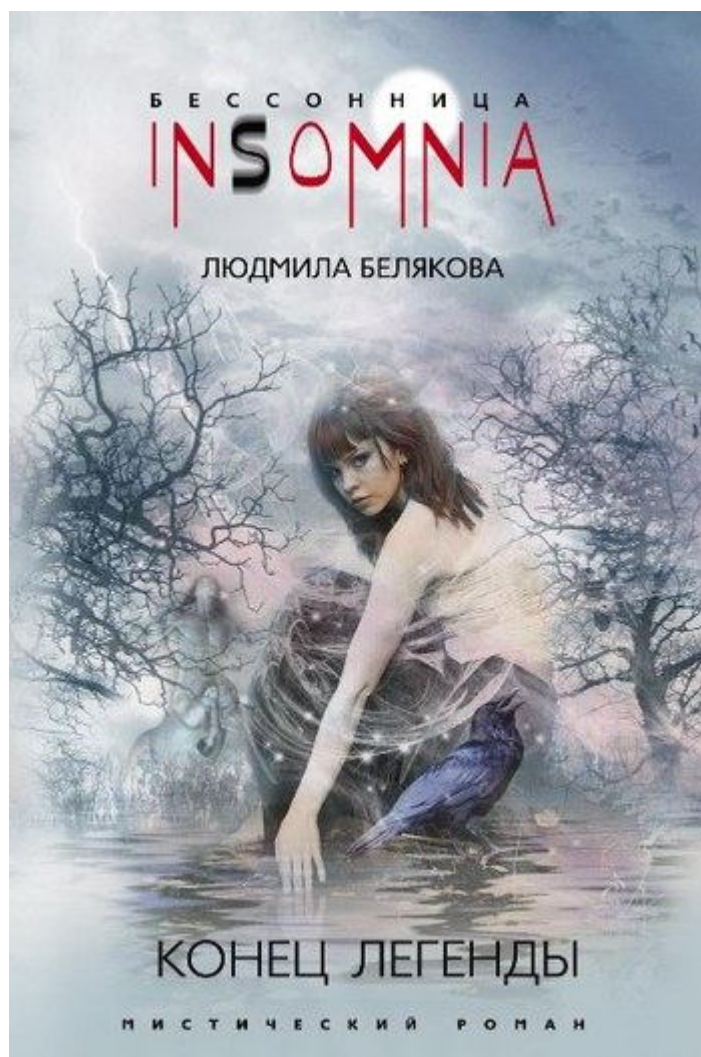

Людмила Игоревна Белякова Конец легенды

Андрей Полевой – главный редактор «Крестьянской газеты», но в душе остался все тем же авантюристом и газетчиком, который никогда не откажется от опасных журналистских расследований. Расколдованная его жаркой влюбленностью жена-русалка Анна благополучно родила девочку, но в роддоме они с мужем взяли еще и брошенного мальчика, став счастливыми родителями Маши и Вани. Оказалось, что природа приемыша весьма странная и таинственная. Вскоре крошек похитили. Через некоторое время маленькую Машу вернули, а Ваня пропал. Прошлое жены-русалки лишило покоя молодую семью. Однако любовь Андрея способна преодолеть козни нечистой силы и развеять самый беспросветный мрак.

От автора

Жизнь моих любимых героев, журналистов Андрея и Анны, вошла в спокойное русло. Они счастливо женаты, обеспечены и ждут прибавления семейства... Кажется, здесь можно было бы поставить точку – обычно романы оканчиваются свадьбами. Но... Не все события благополучно завершились, не все злодеи обезврежены, да и благополучие главных героев оказалось непрочным... Тех, кто хочет узнать, почему это произошло, какие тени прошлого

омрачили счастье Андрея и Анны, отсылаю к первым двум частям этой трилогии.

Конец легенды

Это было неуловимо странное и чуть тревожное чувство. Андрей помнил все события последних месяцев, но видел их как-то со стороны. Нечто отнюдь не лишенное своеобразной внутренней логики и почему-то приключившееся с ним, сыном потомственных московских интеллигентов.

Он встретился с Анной – то ли женщиной, то ли русалкой. Хотя и недолго, попортил кровь, пребывая в шкуре чудища поганого, на которого целенаправленно охотились «компетентные органы». Потом в одночасье сделался героем-победителем местного душегубца – водяного коня. Хотя тот, похоже, оказался вконец одичавшим бомжом... Но – кто знает, кто знает?... Далеко не все жители странноватого края верили в благополучное завершение давней темной истории с водяным конем... Да и что за существа населяли тихий районный город и его окрестности?!

Старик леший редактирует районную газету, существовавшую еще при царе-косаре. Ведьмочки разной степени ядовитости подвизаются репортершами в конкурирующем издании. Городская ясновидица идет на дело вместе с неуловимым, как котенок-баюн, юным воришкой. Как и, главное, зачем он, Андрей, столичный мальчик из хорошей семьи, оказался среди этих созданий?!

А то, что он въехал в эту ситуацию эдаким Иваном-царевичем на пожилой редакционной «девятке» вместо Серого волка?... Расколдовал героиню, естественно получив право на ее любовь... Подружился с добрыми волшебниками, защитил простой русский народ, разогнал по дальним углам татей да воров, сказочных и настоящих... Словно все они, Андрей с Анной, их родные, коллеги, знакомые, всем городом с окрестностями участвовали в какой-то навороченной ролевой игре с изменяющимися прямо на ходу правилами. А сейчас, наигравшись вдоволь – ну просто под завязку! – вернулись к обычной, даже нудноватой жизни среднестатистических граждан столичного региона.

И что – вправду вернулись?! Или – как?

Превратившись – наверное, слишком быстро – из замотанного репортера усыхавшей на корню газетки в главного редактора «влиятельного органа печати» и мужа очаровательной женщины, Андрей вспоминал себя прежнего и удивлялся – неужели самое худшее в его жизни позади?

... Лучшее из худшего состояло в том, что надо было доходчиво объяснить родителям, особенно маме, что в Москву он в ближайшее время возвращаться не намерен, поскольку... Ох, не надо об этом!..

Объясниться с отцом было проще.

– Ну, Ляля, вернуться в Москву он может всегда – тем более с опытом работы главным редактором, – увещевал отец расстроенную маму. – Это поправимо.

– Да, но само это место!.. По всем каналам передают!.. Там вечно каких-то женщин растерзанных находят...

– Ляля, мы воспитали настоящего журналиста и мужика! И давай прекратим эти разговоры... Андрей сам способен принять решение. А в Москве положение с женщинами ничуть не лучше. Зато журналистов на то же количество новостей гораздо больше.

– Да, но что за культурная среда в этом городишке?

Последнее замечание почему-то особенно задело Андрея.

– Мам, когда ты в последний раз вживую слушала своего любимого Вивальди?

– А при чем здесь это?

– Я просто спрашиваю... Мы в этом городишке за три вечера прослушали почти все лучшие симфонии Вивальди и Моцарта.

Мама была расстроена и не придавала значения слову «мы». Новость о том, что он в

этой жизни не один, Андрей благоразумно оставил на следующий заход. И о своих подвигах рассказал только Виталику – поздно вечером, когда все разошлись «по местам ночной лежки», как выражался его младший братик.

– Ну, ты даешь! Круто! – сделал круглые глаза Виталька. – И чего, в самом деле тот мужик, ну, типа оборотня оказался?

– Кто знает! Официальная версия – бомж, серийный маньяк. Раз безобразия прекратились – значит, действительно мутил. Пока тихо.

– Эх, жаль!.. Я б поехал, разобрался!

Виталька еще что-то бормотал о своих будущих героических свершениях, но Андрей его не дослушал – заснул, даже под ставший непривычным гул за окнами.

На «временном» месте работы Андрея дела обстояли следующим образом. Старинную рубиновую брошку, или, по-научному, фибулу, специалисты не без культурного шока признали подлинником Бенвенуто Челлини. Быстро, без шума в СМИ, ее продали некоему российскому олигарху – ни у Эрмитажа, ни у Исторического музея денег на приобретение не нашлось. Теперь воин в кроваво-красном плаще, ставший почетным пленником бронированного хрустального саркофага, проживал в вестибюле солидного банка, всем видом внушая клиентам священный трепет.

Его бывшая владелица, ставшая вдруг самой богатой женщиной района, переселилась из «убитой» однушки в просторные апартаменты в центре города. Завела горничную, машину с шофером, стала капризничать, мотать деньги и выкупила у города его самый любимый печатный орган...

На первом этаже того же здания нашлись офисные помещения, туда и переселилась сильно раздавленная в талии «Крестьянская газета». Сочетание недешевого офиса и названия по первости коробили Андрея, но потом и он, и его коллеги привыкли. Хотя всем было чуточку жаль двух комнатенок, где некогда ковалась славная трудовая биография «Крестьянки».

Андрею волей-неволей пришлось переодеться в костюм с жилеткой и галстуком, привыкнуть к тому, что Валя, сидящая в отдельном предбаннике, обращается к нему – по крайней мере, на людях – на «вы» и по отчеству. К счастью, когда им случалось общаться наедине, она по старой памяти называла его Андрюшей.

– Андрюш, а ты дедушку-то нашего не обидишь, нет? – спросила она в первые дни их нового быта, принесла ему чай.

– А... это ты о чем? – не понял Андрей, плотно прижатый не столько прямыми редакторскими обязанностями, сколь организационно-бухгалтерской возней.

– Ну, Михал Юрича не забудешь пригласить?

– Он же собирался работать внештатно, по сельхозугодьям? Сам же предложил.

– Да предложил-то он предложил... Ты еще молодой, не все понимаешь. На пенсию, даже на его, особенно не разгуляешься, да и гонорары много не добавят.

– Валя, ну ты прямо скажи, а? – начал раздражаться Андрей Валиным укоризненным взглядом. – Я сделаю.

– Он, по-моему, приглашения ждет... В штат.

– Ну и пригласим!.. Настасья Степанна же не станет возражать?

– Наверное, нет. Она его любит.

– Его все любят. И что бы ему такого предложить?

– Ну, пусть бы он с общественностью работал. А?

«Вот уж общественность в виде пенсионеров, чиновников, изобретателей и товарищей из органов я Бороде сдам с превеликим удовольствием!» – подумал Андрей, размашисто подписывая споро изготовленный Валею приказ.

Михал Юрич вернулся в редакцию загоревшим и помолодевшим, получил собственный кабинет и титул заместителя главного редактора по связям с общественностью.

С «компетентными органами» у Андрея установился молчаливый нейтралитет – он не

предъявлял им претензий за прошлые ошибки, они не пытались приписать ему новых... э-э... подвигов.

Не сразу получилось у Андрея и главное – мирная, размеренная интимная жизнь с Анной. Он так и не решился перевезти любимую женщину в съемную квартиру – слишком уж много неприятных дней и ночей провел там один. Зато теперь у них появилась своя, пусть служебная, зато хорошая, квартира. Они работали вместе, могли не разлучаться ни на минуту, но...

Однажды вечером, после ужина, Анна, как-то странно пряча глаза, спросила его, не передумал ли он оформлять их отношения. Андрей не первую неделю мыкался по кабинетам местных чинуш, переоформляя «Крестьянку» в собственность новобогачке Настасье Степанне и был очень усталым, слегка злым и не очень внимательным к любимой. Поэтому и ответил неопределенно – что за вопрос? Ну, постепенно... Окрутимся, не проблема. Чуть оклемаюсь от это чехарды... И сразу!..

– Угу... – Анна сидела понурая, сложив тонкие руки на коленях. – А когда будет это «сразу»?

Андрей был озадачен. Но если ей важно...

– Ну, давай хоть завтра пойдем заяву подадим.

– Ага... В четверг там как раз приемный день.

– Да?... Ох, извини, девочка! Завтра я весь день в мэрии... Я от них скоро сам мэрином сделаюсь. Давай на той неделе, а? Только ты мне напомни, хорошо? После пойдем куда-нибудь, отпразднуем.

То, что Анна уже прощупала подступы к оформлению отношений «через органы ЗАГС», Андрея слегка удивило. Разве это срочно? Ведь крепче их отношений, основанных на горячих чувствах и глубоких взаимных обязательствах, быть ничего не может. Зачем спешить? Тем более что они оба так заняты! Какая свадьба! Хорошее дело, конечно, но сейчас не до этого... Анна работала ответственным редактором и тоже пропадала в редакции целыми днями. Об организации пышного торжества думать было некогда.

Андрею – но не Анне.

Уже была середина октября, погода портилась, дел в редакции по-прежнему было выше крыши. Но Анна опять заговорила о свадьбе – Андрей так и не вырвался подать треклятое заявление. Он и дома-то появлялся не раньше десяти вечера, даже на работе Анну видел изредка.

И вот, в конце очередного дождливого, промозглого вечера Анна, угрюмо промолчав, опять напомнила Андрею о так и не поданном заявлении в ЗАГС.

– Если я у тебя только на то время, пока ты здесь работаешь, скажи сразу. Я приму это как данность. Но я должна знать, как мне строить мою жизнь! Мне нужна определенность, Андрей!

Анна не называла его так давно – может, только в первые эпизоды их непростой истории, это его насторожило. Что за новости! Он привык к тому, что Анна рядом, а тут на тебе – она строит «свою» жизнь?!

– А что тут неопределенного? Ты моя любимая жена...

– Я не твоя жена, Андрей! Я – твоя со-жи-тель-ни-ца! И меня это совсем не устраивает!.. Это ненамного лучше домработницы с проживанием.

Анна никогда не повышала голоса, а тут почти закричала на него. На глазах у нее появились слезы, этого Андрей тоже не видел с того момента, когда она рассказывала ему о похищении. На Андрея так и потянуло тяжким, могильным холодом из прежней жизни – а ведь он поклялся, что любимая никогда не будет плакать, ни единого дня – пока они вместе – не будет несчастной. Теперь она стояла посреди их кухни, почти плача крутила в руках какую-то цветастую тряпку... И выглядела такой жалкой и расстроенной... Андрей, как все нормальные мужчины, не переносил женских слез, поэтому ничего не мог сказать, только пытался сдержать какие-то неопределенные звуки в горле.

– Неужели ты не понимаешь, что со мной происходит?! – воскликнула Анна и почти

выбежала из кухни.

– Это выходит – мы там, на празднике, так славно постарались? – слыша, как глуповато-растерянно звучит его голос, уточнил Андрей.

– Да уж... Попраздновали, ничего не скажешь.

Анна ласково поводила пальчиком по его слегка взмокшему лбу.

– Ну, в охотку ж было, – согласился Андрей, довольно улыбаясь. – Значит, Ванькой назовем.

– Ва-а-анечкой, – с упреком протянула Анна. – Ваняткой.

– Согласен. Будет хоть с кем в старости коньяку выпить, – опять согласился Андрей и отхлебнул из бокальчика.

Такую новость он без расслабляющего средства не осилил бы.

– А чего раньше-то не сказала? Я б сразу...

– Я не сторонница браков по залету. Мне важно было убедиться...

– Ох, да в чем тут убеждаться! – поднялся с тахты Андрей. – Неужели ты до сих пор во мне не уверена?!

Андрей посадил Анну перед собой, она недовольно захныкала:

– Ой, Андрюшик, осторожно...

Он ослабил хватку и легонько прижал ее к себе.

– А как ты себя вообще чувствуешь?

– Нормально... Мама говорит, папа тоже ничего не замечал чуть ли не полгода.

– А, значит, не я один такой тупой. Это утешает.

– Не прячься за чужой отрицательный опыт!

Они еще немного посидели молча, как бы разговаривая без слов.

– Маме, выходит, ты давно поведала? – задним числом вдруг обиделся Андрей.

– Так то ж мама! Да она и сама б догадалась.

Через некоторое время Анна сообщила, что у них будет дочка. Андрея это не огорчило. Дочка так дочка. Будет такая маленькая девочка с длинными светлыми волосами, русалочка... Что-то больно укололо Андрея в сердце. Русалочка? Он попытался успокоить себя тем, что наполовину, а может, и больше их дочка – обычная земная девочка. Никаких проблем, кроме ослепительной красоты, у нее не будет.

А Ванятку они успеют забавить потом. Русалов мужского пола в природе, кажется, не бывает? Поэтому-то светловолосые чаровницы и обольщают земных мужчин.

* * *

Небольшой, но радостной профессиональной победой Андрея стала первая публикация самого юного внештатника «Крестьянки» Сергея Павлючка, ученика девятого класса. Нет, не ошибся в нем Андрей, не ошибся! История, попавшаяся в цепкие ручонки Павлючка, была, вероятно, достаточно обычной, но с помощью газеты встряхнула успокоившийся было город.

... Одноклассник Павлючка, тоже, видимо, не бог весть какой потомственный интеллигент, первого сентября явился в школу с буйно отросшими за лето вихрами. Мало того, новый учебный год он отметил, окрасив выгоревшие волосы в ярко-зеленый цвет. Настоятельные просьбы классного руководителя и директрисы привести себя в порядок должного действия не возымели. Зеленые лохмы собирались в разнообразные пучки и хвостики, что создавало среди однокорытников нездоровые настроения и желание подражать.

Когда непокорного дерзюку в очередной раз вызвали на директорский линолеум, там, кроме классного руководителя, обретались еще учитель труда и завхоз – главные мужчины в школе. Неслуха, отказавшегося обрить главу, по-быстрому скрутили и остригли. Волосатик

вопил и активно брыкался, поэтому орудия экзекуции оставили на ученической главе несколько царепин.

– А почему это с зеленым хаиром в школу нельзя? – вопрошал Павлючок, сидя в кожаном кресле в кабинете Андрея. – Ну почему?

– В принципе-то, конечно, это лишнее, – решил не топтать уж совсем славное российское учительство Андрей. – Школа не дискотека. Но с насилием и ножницами я тоже принципиально не согласен.

– Ага! Их трое на одного было!

– А что – директорша тоже участвовала? – уточнил Андрей.

– Ну, не знаю... Макс говорит – его так на раз-два заломали, что он не видел.

– Ты, Серега, уточни эту деталь у приятеля – это важно. А флешку с материалом Валентине Николаевне отдай – пусть перепишет. И не забывай текст на проверку ставить – вон сколько ошибок накашлял.

– Я сильно злой был. Сел прямо сразу, как узнал, и давай, и давай!

Павлючок изобразил, как он долбил по клавиатуре.

– Журналистская злость – это хорошо, от нее весь драйв, – сказал Андрей. – Но надо доводить дело до конца. Это тебе на будущее.

– Но вы это в газете напечатаете?

– Однозначно, – веско ответил Андрей. – Материал яркий.

– Яркий, да?

Андрей заметил, как дрогнули у Павлючка губы – он был польщен и обрадован.

«А что – может, и доведу я до ума этого бедолагу? Уж сколько времени на него не жалуются, не ловят, не отправляют куда следует... Или просто хитрее стал?»

– А ваще здорово вы здесь облохматились, – сказал Павлючок, покрутив головой.

– Да вот, свезло нам по-крупному. Ты сам-то вообще как? Как мамка, братишка?

– Да живы, нормально. Чего им сделается-то?

Ему стало скучно. Или хотелось пойти поделиться с кем-то новостью – он будет печататься в газете.

– Ладно, Серега, на сегодня свободен. Не забывай, приходи, приноси новости.

Андрей порекомендовал Анне выполнить ювелирную операцию – отредактировать павлючковский опус так, чтобы он не утерять «индивидуальный творческий почерк автора» даже после того, как будет очищен от таких перлов, как «преподы должны ответить за хомье».

Еще Андрей так и не смог уловить из контекста значение слова «голимый» и решил спросить у Павлючка в следующий раз. Подправленный Серегин материал Андрей снабдил послесловием, в котором приветствовал дебют молодого, талантливого журналиста.

«А пусть! Он же всю жизнь этот клочок бумаги хранить будет!..»

Когда Валя принесла на утверждение список свадебных гостей, Андрей искренне удивился обилию знакомых, появившихся у него за год с небольшим жизни в этом городе. И это не считая героев его статей! Поэтому их с Анной свадьбу было решено играть в самом большом зале города – златокольном «Интуристе». Родителям о предстоящем торжестве сообщить изустно и прямо Андрей не решился – послал по почте приглашения на открытке с голубками и розами. Понадеялся на отца, который мог и должен был взять на себя основной удар информационного взрыва.

Анна была счастлива – это было самое главное. Но почему-то она захотела надеть на венчание красное платье.

– А мы венчаться будем? – уточнил Андрей.

– Ну да, а как же иначе?

– Ладно, раз ты хочешь. А с чего красное? Ну, там кремовое, голубое – это понятно. Красное-то почему? – не слишком приятно удивился Андрей.

– Ну, белое только в первый раз надевают. Второй раз по православному обычаю

должно быть красное, – неохотно объяснила Анна.

– А мне по фигу! – бранчливо заметил Андрей. – Я в первый раз женюсь! И пусть будет белое и такое все – пыф-пыф! Все в кружевах! И чтоб фата до полу!

– Хорошо, хорошо! – поспешно успокоила Анна. – Будет фата, будет!

– А-а, поняла, кто в доме хозяин? – развеселился Андрей, уразумев вдруг, что выглядит глупо: бегают по гостиной и размахивают руками.

– Поняла... И еще поняла, что ты будущий тиран и самодур.

– Почему будущий? – остановился Андрей посередине комнаты. – Я всегда такой был. Ты просто не замечала.

До позднего вечера они сидели в гостиной и сочиняли конкурсы и игры для гостей, воображая, что было бы, если бы Михал Юрич принял участие в соревновании по бегу в мешках или Костику достался бы фант на исполнение песни – еще в раннем детстве фотокор был чудовищно изуродован каким-то медведем-шатуном.

Все было так мирно, уютно и чудесно.

«Нет, я не тиран и не самодур, – засыпая, думал Андрей. – Я просто прирожденный мещанин и обыватель. Притворяюсь героем, а на самом деле!.. Тюфяк тюфяком».

Рядом тихо дышала уже заснувшая Анна, и Андрей чувствовал, что к его бедру прижимается ее теплый округлившийся животик.

Если б их жизнь была книжным романом, здесь можно было бы поставить точку. Марш Мендельсона и шампанское, церковный хор и запах горящих свечей, крики «Горько!» и «Дюжину!»... Свадебные тожества благополучно закончились, жизнь продолжалась, и вроде бы неожиданных изгибов в ней не предвиделось – разве дежурные и сугубо положительные.

В редакцию «Крестьянки» пришло несколько новых сотрудников. На дамскую тематику плотно села сбежавшая из «Подмосковной мимозы» рыженькая Ксанка.

– А почему вы решили сменить место работы? – спросил ее Андрей. – Разница в окладах у нас как бы не принципиальная.

– Обстановка там нездоровая, – ответила девчонка. – Малокреативная. Главная наша требовательная больно стала...

– Я, Оксана Валерьевна, тоже требователен и к себе, и к другим, – перебил ее Андрей, думая, что разговор не состоялся.

– Во-о-от, Андрей Викторович! – всплеснула соискательница пухлыми ручками в заметных даже осенью веснушках. – А она – только к другим. И от этого такие гэгги!.. Форменный улет!

И Ксанка, тараща крапчато-зеленые, как форма десантника, глаза, поведала ему о том, что их «редакторша» уволила пару недель назад одну девчонку – якобы за гулянку в рабочее время. Девчонка отчиталась материалом, но отступить «эта стервь» не захотела.

– Так что та сделала в отместку, представляете? Подгадала, когда Галки в редакции не было, а большинство народу или в отъезде, или на обеде – все ж все знают, кто, где и с кем... И шмыг к ней в кабинет! Налила под ковер молока, за мебель, где не видно, кусочки мясного фарша накидала...

– Это зачем? – решительно не въехал Андрей в кулинарные изыски. – Чтоб тараканы появились, крысы?

– Круче!.. Тараканы – это когда еще! Уже через несколько часов все это в тепле протухло, и к утру у Галины в кабинете такая вонища была! На весь этаж – жу-у-уть!

– Ой, дамы, с вами не дай бог поссориться! Ну и чем все это кончилось?

– Галина-то к обеду обычно является, но девчонки ей позвонили утром, она так перепугалась, что службу спасения вызвала, заставила их помещение на радиацию и ртуть проверить... А когда все выяснилось, те очень не хилый счет редакции выставили – как за коммерческое обслуживание. И потом еще штуку с хвостом баксов за уборку офиса заплатить пришлось – все за счет премий сотрудникам. Весело, да?

Ксанку Андрей на работу взял, потому что дело она знала, писала лихо, в ситуациях

ориентировалась. А молоко на палас... У него в кабинете был паркет.

Кроме того, он никогда – или почти никогда – не обижал женщин.

Помимо Ксанки удачным приобретением оказался Стас, молодой, толковый репортер «с опытом работы в правоохранительных органах», протеже Михал Юрича. Он охотно взял на себя раздел криминальной хроники, но и его появление не обошлось без веселого события.

Буквально в первый же свой рабочий день Стас выехал на происшествие. И довольно скоро вернулся – на подгибающихся ногах и рыдая от смеха.

«Так, – подумал вышедший на шум в коридоре Андрей. – У нас, похоже, первая жертва профессионального долга».

Но все обошлось.

... Наслаждаясь первыми весенними вечерами, некая парочка прогуливалась в городском эконополисе – парке, одной стороной выходящем к Москве-реке. Ну и заметили влюбленные в кустах некий подозрительный предмет. Им был завернутый в пленку обнаженный женский труп – так издали показалось в мягких, синих сумерках. Как иначе – из пластика торчали голые розовые ноги, вываливались на грязноватый, пористый снег пышные белокурые волосы.

Голубки, хоть и повизгивали от ужаса, проявили гражданское мужество, вызвали милицию и терпеливо, замерзая на мартовском морозце, дождались милиционеров. Те, тихонько матерясь на тему начавшегося у граждан весеннего обострения, полезли в кусты, без труда выволокли оттуда подозрительно легкую упаковку и тут же ее бесцеремонно раскурочили.

Юной парочке, которую до времени не отпускали, сделалось дурно, причем больше парню, чем девушке, которая поддерживала спутника, приговаривая: «Потерпи, все скоро кончится». А менты, гогоча и изощряясь в эпитетах, вытащили под свет загоревшихся фонарей потрепанную резиновую секс-шоповскую куклу...

– ... Я уж тоже не мальчик, повидал, – передернул плечами вдруг посерьезневший Стасик. – Но никогда не думал, что это так пакостно выглядит – голая кукла... Голая женщина – это еще куда ни шло, но с... раскинутыми...

– Стасик, не надо, – тихо пробормотал Михал Юрич. – Здесь дамы.

– Дама – это нормально, даже голая, но это... до такой степени...

Стас покрутил пальцами в воздухе.

– Непристойно? – подсказала Валя.

– Да, наверное. И даже где-то жалко ее, куклу... Голая, на снегу, растрепанная, вокруг люди... Ребята эти ржут... Ф-фу... Гадко.

– И какие у тебя мысли на этот счет? – вернул Андрей разговор в профессиональную плоскость. – Какие у товарищей из органов версии? Как в парке появился данный... э-э... предмет?

Кто-то глумливо хихикнул.

– Ну, решили, что этот, ну, ее как бы... Короче, хозяин постеснялся рядом с домом выбросить. Ну, в кусты снес, подальше, ночью или днем, пока в парке никто не гуляет. И выкинул.

– Так, значит, с нашей резиновой сестрой, – вздохнула менеджер по рекламе Зоя. – Поматросил, сволоочь, и бросил?

Все уже насмеялись вдоволь, и ее замечание вызвало только тихий, скорбный вздох. Надо было расходиться по местам.

– Ну, вот тебе и первый материал, – сказал Андрей. – Опишешь все в деталях.

– А чего описывать-то? – удивился Стас. – Происшествия как такового не было.

– Как это не было?! – даже чуть прикрикнул Андрей. – Имело место чье-то безответственное поведение, нанесшее урон нравственности и спокойствию горожан. Зряшный вызов милиции. Вот, изволь изложить. В следующий номер пойдет! Работай!

Наступала весна. Анна, находясь на последнем триместре, уже была в официальном декрете, но помогала Андрею, просматривая дома окончательную верстку. Андрея же с некоторых пор стало раздражать, что он сам давно ничего не пишет, кроме небольших «Колонок главного редактора». И Анна, и Михал Юрич утешали его, говорили, что так и должно быть. У него ведь теперь другие обязанности.

В редакции все давно знали о скором прибавлении их семейства, и Костик взял привычку ерно подкусывать Андрея: у него-де двое парней, а он, эдакий богатырь, только и расстарался, что на одну девчонку.

– Не доработал ты, Полевой, – как-то в очередной раз цапнул его фотокор, – не дотянул... Было б у тебя две дочки – мы б с тобой породнились.

– Чтооо?! – поперхнулся чаем Андрей. – Да я!.. Я лучше... Матушке в монастырь дочку сдам, чем она Дудыкиной будет! Отзынь от меня, плесень, а то я за себя не ручаюсь! Удумал! Ду-ды-кин!

Их фамилии, когда они работали над материалом в паре, действительно смотрелись анекдотично: «А. Полевой. Фото К. Дудыкина».

– Зазнался ты, забронзовел, – не отставал Костик. – Звездная болезнь!

– Кто тут ссорится? – в кухню-столовую заглянул Борода.

– Да тут начальство нами недовольно, – скривился Костик.

– Не нами, а тобой! – уточнил Андрей. – Все, выдь давай, сделай мне репортаж о весне в городе! Неча в редакции задницу плющить!

– Да ладно тебе...

– Не «ладно», а пшел на задание, Дудыкин! Я сказал! Распустились тут... До среды тебе сроку! Чтоб на разворот! И не пустяки какие-нибудь, а вкусненькое!

Костик, так и не поверив тому, что его отправили работать, бочком вышел.

– Нервничаешь, сынок? – участливо спросил Борода, проводив фотокора взглядом. – Анечка себя плохо чувствует?

– Нет, с ней все о'кей. Работает даже.

– А у меня к тебе дельце одно... Ты сейчас в принципе свободен?

«Если дельце стоящее, сам сделаю... Мне тоже не вмоготу в кабинете сидеть. Или это обычные весенние заморочки?... Самцов на волю тянет».

Андрей кивнул, Борода сел и начал, изобразив душевное сокрушение:

– Я, был бы помоложе, сам сходил. Или Стасика, будь он опытней, посоветовал бы послать. А тут и не знаю. Ты сам-то как?

– А в чем дело, Михал Юрич? Вы говорите...

– В Духовицах или даже дальше, в каком-то поселении, фирма одна появилась или, скорей, московский филиал...

«Если опять какие-то путаны в сауне – откажусь или зашлю Стаса. Пусть он малоопытный, но хоть неженатый».

Видя, что Андрей презгливо поджал губы, бывший начальник замолк.

– И чего делают? – пришлось спросить Андрею.

– Они организывают что-то типа сафари для состоятельных людей. По моим сведениям, эти развлечения не всегда носят безобидный характер.

– Что – пейнтбол реальными пулями по живым мишеням?

– Да нет, до этого не доходило, но говорят, пару раз вертолет для эвакуации пострадавших вызывали. Интересно тебе? Ты ж у нас мастер журналистского расследования.

– Да мне-то интересно, Михал Юрич, и я сам в четырех стенах засиделся... Сходил бы. Но под каким соусом? Как они, эти сафаршики, журналиста в свои ряды допустят?

– А если не расшифровываться? – заерзал, будто подбираясь для прыжка, Борода. – Зачем? Вряд ли, если они из Москвы, тебя в наружность знают.

«Не насколько я популярен, ага».

– Ты вроде как тоже – развлекся, а?

В глазах у старика забегали искорки.

– По-моему, вы и сами могли бы пойти, – невольно улыбнулся Андрей.
– Ну, если летом... Сырость мне в кости лезет. Ну ты подумаешь, а? Наводки у меня есть.
– Я с Аней посоветуюсь. Сами понимаете – если она скажет «нет», придется отложить. А так – я не против. До конца недели сообщу.

– Да он, похоже, за меня все решил, Михал Юрич. Привык командовать-то.
Анна ходила дома в розовом флисовом брючном костюме, и Андрею она сейчас напоминала некогда дефицитный и поэтому желанный кондитерский товар – сливочную помадку в гофрированной бумажке.

– Ну, на три дня я тебя отпущу, – сказала она, забирая у него тарелку. – Главное, чтобы это прошло без каких-то...

Она не договорила.

– Ничего особенного не случится. Наш район, сезон относительно теплый...

– А если тамошние деятели узнают, кто ты?

– А кто я? Я и на самом деле бизнесмен, директор коммерческого предприятия.

Анна налила чаю и присела – осторожно, тяжело.

«А может, не стоит?... Или потом?»

– А узнают – сами рады будут, что про их заведение напишут... Доплатят еще, чтобы посочнее расписал.

– Ну ты и вправду деловой стал, – улыбнулась Анна.

Наутро в редакции, степенно беседуя с Валей, его ожидал старина Павлючок.

– А ты чего не в школе? – строго спросил Андрей.

– Да сейчас... У нас по идее зачет по лыжным гонкам, а какие сейчас лыжи? Все стояло. Я тут принес...

Его материал, напечатанный пару номеров назад, произвел впечатление на общественность города, и Павлючок, явно войдя во вкус, принялся разоблачать безобразия преподавателей с энтузиазмом истинного прозелита. Более того, к нему стали обращаться за помощью притесняемые негодными учителями ровесники.

– И чего – так прямо и написала на лбу? – не поверил Андрей, бегло просмотрев боевой репортаж Павлючка.

– Ага! Фломастером единицу нарисовала, расписалась и поставила пацаненка перед классом на весь урок. А те слявки и рады стараться! Ржали, бумажками пуляли! Потом его лечили даже, от нервов.

– Ну да?

– Да! Чё – я врать буду?

– А фамилию учительницы что не узнал? Это обязательно надо было сделать, я же тебе говорил. И здесь тоже – про химичку? Ни имени, ни фамилии... Недоработал, спецкор!

– Чё – не будете печатать? – явно огорчился Павлючок. – А я-то старался!

Он поднялся, собираясь уходить.

– Постой, Сергей. Я тебя не отпускал. Все мы это напечатаем, обязательно.

Павлючок сел опять.

– Но надо будет еще побеседовать с учителями. Мало ли – может, на них наговаривают.

– Они со мной говорить не станут – еще и нажалуются, – вздохнул парнишка.

– Это ты прав. Сделаем так – я покажу твой материал нашему сотруднику, со взрослыми он побеседует сам...

Павлючок кивнул.

– ... а впечатления пострадавших мы дадим в твоей интерпретации – от первого лица. Как тебе такой вариант?

– Ага. – Он явно что-то соображал, и это было забавно. – А деньги мне как заплатят – напополам с ним или как?

В начале следующего месяца Павлючок должен был получить свои первые честно

заработанные творческим трудом деньги, и это обстоятельство его, по-видимому, волновало.

– Штатники получают оклад, а ты получишь гонорар как за отдельную публикацию. Не обидим.

– Ну да... Понял.

– На, напиши номера школ, адреса, если помнишь, твой мобильный для связи. И – свободен.

Серега пошел окрыленный, а Андрей подумал – а почему самые вредные учителя в школе – учителя химии? И его когда-то доставала химичка – глубокая пенсионерка ростом с зонтик, и тут вот – некая зараза объявила, что всем, кто сделал пирсинг, больше тройки по ее предмету не видать... Реактивы, что ли, на психику плохо влияют?

«Не важно, что влияет... А посчитаться с химичкой, хоть задним числом, стоит!»

Андрей вызвал к себе еще одно недавнее приобретение – пухленькую блондинку Марго – и поручил ей разобраться с психологическим насилием в школах города и района.

– А как вам вообще – мои материалы нравятся, Андрей Викторович? – задержавшись на пороге, вдруг спросила Марго.

– Да... вполне, – чуть растерялся Андрей, уже переключившийся на другое. – Отчего сомнения? Все своевременно ставится в номер.

– Ну, это я так.

– Если вы, Рита, об испытательном сроке, то это скорее формальность. Нас ваша работа устраивает. Идите и творите.

«Не такой уж большой у меня выбор, если честно».

Марго прошелестела что-то на прощание и выскользнула из кабинета.

«Да, бывшая редакционная «девятка» меня бы выдала с головой, – подумал Андрей, медленно приближаясь по разъезженной грунтовке к железным воротам. – Оборудование серьезное... Интересно, чем здесь занимаются».

Никаких табличек с названием предприятия не было.

Его приезда не ждали, но и неожиданностью он не стал – на площадку перед воротами внаглую пялились две видеокамеры. Едва Андрей заглушил мотор и вылез из джипа, из калитки рядом с воротами вышел охранник весьма приличных параметров.

«Так, Полевой, – сказал себе Андрей, – не утратил ты своей знаменитой проникновенности, а? Сейчас выясним».

– Чего вы хотели?

– Здравствуйте, – будто не услышав вопроса, сказал Андрей.

– Здравствуйте...

– А хотел я по возможности ознакомиться с услугами, которые предлагает ваша фирма, и, если мне это подойдет, поучаствовать.

– Заезд вчера был, – буркнул охранник, продолжая ощупывать его взглядом.

– А я сегодня подъехал. Доложи руководству, а?

– У нас по путевкам.

– Я на месте оплачу. Доложи, не тани резину.

Андрей почувствовал, что еще пять секунд – охранник развернется, уйдет, после чего разворачиваться придется и ему. Но маленький журналистский божок проснулся от долгой спячки и начал действовать. Рация, висевшая на поясе охранника, зашумела и сказала далеким мужским голосом: «Ну, чего там, Саш?» Саше пришлось ответить.

– Вроде как клиент, но без путевки. Ага, понял... Обождите. Сейчас шеф выйдет.

Охранник вперевалочку отправился к себе в загон, минут через десять появился человек постарше, лысоватый, одетый в хорошую замшевую крутку. За время ожидания Андрей успел разглядеть, что металлический ребристый забор круто заворачивает в лес, а неподалеку, среди сырых еловых лап виднеется сторожевая вышка – совсем как в армейской части или зоне. Не доверяют видеонаблюдению?

Замшевый приближался неторопливо, явно приглядываясь к вторженцу. Но новый

джип и хорошо обдуманый прикид Андрея его если не убедили, то и не насторожили. Замшевый даже протянул руку.

«Ладонь в мозолях – железо ворочает, тренируется... Да, интересно».

– Откуда к нам припожаловали? – цепко глядя в глаза, осведомился замшевый, назвавшись Куприяновым.

– Непосредственно сегодня – из районного центра, где у меня бизнес, а сам я из Москвы. Там и о вашем заведении узнал.

– И что узнали?

– Ну, через знакомых – только что они остались довольны, а в детали не посвящен, сразу говорю.

– Неужели? – с едва заметной ехидцей произнес Куприянов.

– Да и не пытался вникнуть, – держал лицо Андрей. – Для остроты ощущений.

– Ну, – усмехнулся Куприянов, – этого добра у нас навалом.

«Ага, – внутренне возликовал Андрей. – И сколько здесь стоит минимальная порция адреналина?»

– Ладно, пойдемте, побеседуем в офисе... Нет, машину здесь оставьте. Если потребуется, Саша потом сам отгонит.

«Еще сомневается... Ну, тем слаще будет победа!» Они прошли за ограду. Там дремали несколько дорогих машин, неподалеку виднелись три двухэтажных здания. Куприянов провел Андрея в ближайшее – там, на первом этаже, был офис.

– Я все еще не понимаю, как вы на нас вышли, – Куприянов сел на стол, – но вы, я вижу, человек серьезный...

Он вопросительно посмотрел на Андрея. Тому пришлось кивнуть – коротко, веско, солидно.

«Главное – не переборщить с крутизной».

– ... так что можем договориться. Летом у нас, конечно, выбор побогаче и народу больше, поинтереснее...

«Не захотел в несезон клиента упускать! Жадность, жадность-матушка! Это хорошо!»

– Сейчас мы предлагаем только медвежье сафари. Интересно вам?

– А мне все интересно, – охотно, благо не надо было врать, улыбнулся Андрей.

– Хорошо, как скажете. Значит, стоять будет – на три дня – полторы тысячи евро. Хотя, раз вы припоздали – чуть меньше.

Андрей промолчал, Куприянов продолжил:

– Вы пропустили начальный инструктаж и первую тренировку, но завтра инструктор вас посвятит отдельно... Платить будете кредиткой?

– Кэшем.

– Сейчас мы вас оформим.

Андрей подписал договор на пяти страницах мелким шрифтом, забрал сумку из машины и был помещен в одноместный номер тут же, на втором этаже. Когда он остался один, уже смеркалось, тем более что день был пасмурный.

– Да я до сил пор не понял, что мы здесь будем делать, – сообщил он Анне. – Но сервис по высшему разряду. Все включено и работает.

– А девушки? – поинтересовалась Анна. – Девушки включены?

– Кроме секретарши, ни одной пока не видел. Сказали – не сезон. Программа в данном отношении ущербна... Холодно, темно, земля сырая...

– Что-о-о?!

«Ага, поняла намек?!» – довольно осклабился Андрей.

– То. На медведей охотиться будем. Только!

– Неужели там мишек убивают?! И ты собираешься принять в этом участие?

– Да нет, вроде о настоящей охоте речи не шло. Но если тут происходят какие-то безобразия, им несдобровать. У меня не отвертятся!

– Будь осторожнее. Ты поел?

– Сейчас пойду искать кафе.

Когда Андрей вышел на территорию, было совсем темно, но вдоль дорожки горело приземное освещение. От этого еловый лес, едва угадывавшийся в темноте, казался зловещим. Кафе располагалось в конце единственной «улицы» и называлось «Три медведя».

На вошедшего Андрея сразу устремились взгляды сидевших в зальчике. Анна могла быть почти спокойна – девушка среди присутствующих была одна. Но зато – длинноволосая худенькая блондинка. Она сидела за столиком рядом с далеко не юным, полноватым господином.

– Привет честной компании, – довольно громко сказал Андрей, но ответил ему только бармен. – «Хеннесси». – Андрей подошел к стойке.

– У нас же сухой закон. Разве вас не предупредили? Соки, безалкогольные коктейли, кофе – это пожалуйста.

– Ага, ладно, – легко согласился Андрей. – Упустил. А как бы поужинать?

– Присаживайтесь где хотите.

Подошел официант и подал меню, в котором, к счастью, не было медвежатины. Ожидая заказа, Андрей разглядел собравшихся. Это были мужчины, в основном молодые. Дресс-кода здесь, очевидно, не соблюдали, все были одеты по-спортивному, но дорого и добротно.

«Похоже, завсегдатаи тутошние... Или заранее хорошо знакомые с условиями таких предприятий».

Дизайн интерьера был специфическим – грубо струганное дерево, массивная, нестандартная мебель, вышитые черно-красными петушками скатерки. Словом, избашка трех медведей как таковая. Никакой inferнальности, даже чучел животных, павших по милости московских бизнесменов. Очень даже приятно и уютно.

До окончания вечера Андрей так ни с кем не поговорил и ничего для себя не выяснил. Расследование пришлось отложить до утра. Засыпая, он вспомнил, что не прочел своего «договора с дьяволом», огорчился утраченной профессиональной бдительности и наказал себе прочесть этот гроссбух прямо с утра.

Утро выдалось хоть и сырое, но ясно-солнечное. Разбудил отчаянно заспавшегося Андрея молодой парень, представившийся Алексеем, инструктором по юнифайту.

«Юнифайт? Это что – универсальный бой? Молотим всех без разбора?»

– Переработал я круто, – улыбнулся Андрей инструктору. – Вот и расслабился.

– Ничего страшного. Вы же отрываться приехали, ваше право... Тренировка в одиннадцать, успеете.

Пришлось по-быстрому встать, привести себя в порядок и отправиться на пищеблок.

«Да в общем, и не опоздал, – подумал Андрей, увидев, что в кафешке еще крутится парочка его товарищей по предстоящему шоу. – Или они из другой команды?... Эх, опять договор не прочел... Придется делать умный вид».

Андрей еще пил кофе, когда в зальчик вошел Алексей и попросил всех на выход.

«Так, вот сейчас все и узнаю».

Оказалось, что за избашкой трех медведей находилась расквасившаяся после дождя площадка, а от нее уходил, сколько хватало взгляду, вольер за сетчатой оградой метра два высотой. Хотя... Вольером скорей была сама дорожка, а по обеим ее сторонам за сеткой, на отдалении, вольготно перекачивались бурыми клубками... настоящие живые медвежата, совсем небольшие, может, со среднюю овчарку размером. Радуюсь солнышку, зверята играли, бегали друг за другом, порывивали, ста рались вцепить друг другу лапой по загривку. Андрей почувствовал, как губы разъезжаются в глуповато-счастливой улыбке.

«Мишки... Утро в сосновом бору, ага. Но мы-то здесь каким концом? Не убивать же мы их станем на самом деле?»

– А чего эти кубарики здесь? – спросил Андрей у Алексея, оказавшегося поблизости. – Разводите?

– Сами разводятся, – усмехнулся инструктор. – Сейчас дефицита медведей в средней полосе не ощущается.

– Неужели?

– Да, две с половиной тысячи голов на Московскую область.

Андрей представил себе две с половиной тысячи разновеликих мишек сразу и поразился.

– И где ж они помещаются?

– В лесу, где ж еще... Но в наших лесах уже не помещаются. Медведи же в принципе травоядные – как коровы, по четыре часа в день минимум траву щиплют. Но еды не хватает, они к людям выходят, на огороды, на свалки. Наглеют от голода... Взрослых, случается, убивают, малыши к нам попадают. Прикармливаем, выпускаем. Главное, чтобы к людям не привыкали, а то так и будут крутиться рядом, попрошайничать. Так, господа!.. Всем еще раз доброе утро!

Инструктор остановился.

– Сейчас мы пройдем в тир...

«Или все-таки предполагается кровопролитие?! Да еще детоубийство?! Я не участвую категорически! Меня жена домой не пустит! Коллеги отвернутся!»

– ... и повторим наш урок.

Они, группой числом в дюжину, двинулись вдоль сетки. Медвежата не обращали на них внимания, неуклюже резвились на низенькой прошлогодней траве. Андрей заметил, что девушки нет, а ее зрелый приятель идет один, разговаривая с каким-то тоже не юным господином в добротной куртке.

Тиром оказался неутепленный сарай без дверей, с незаабажуренной лампой под потолком. Здесь заправлял пожилой пузатый мужик, видимо обслуживавший занятия.

Постреляв немного, все присутствующие перешли к более интересному занятию. Алексей вывел их на свет божий и стал учить метать ножи. В предварительном слове он сказал, что это совершенно новое боевое искусство, нигде в мире пока нет устоявшихся приемов ножевого боя, хотя трудно найти мужчину, который хотя бы раз не попробовал швырнуть ножиком в забор или дерево.

– Поскольку действенного результата метание ножа не гарантирует, а оружия лишает, против человека метание ножа профессионалами не применяется.

Алексей обвел многозначительным взглядом стоявших кружком туристов – будто они были отпетыми киллерами и приехали сюда на курсы повышения квалификации.

– Хотя некоторые называют метание ножей последним доводом бойца.

– А как же спецназовцы? – решил уточнить Андрей.

– Спецназовцы, если им доводится принимать участие в соревнованиях по юнифайту, оказываются на этом этапе худшими из худших. Вот уж где наслушаешься выражений...

Алексей сокрушенно покрутил коротко стриженной русой головой.

– Но мы не профессионалы и ножи метать научимся.

– Тем более что упрочено, – пробормотал кто-то за спиной Андрея.

Тем временем пузатый вытащил на полянку за тиром деревянный, с подпоркой, щит полтора на полтора метра, поставил перед обучающимися железную треногу, в которой торчала жестяная воронка с кучей ножей. Туристы принялись по очереди швыряться ножичками в щит, сначала с пяти метров.

Это занятие оказалось куда сложнее пейнтбола. Ножи были настоящие, охотничьи, тяжелые, с широким лезвием, по которому проходила ложбинка – для оттока крови зарезанных на корню противников.

Пока мужики, расслабившись, гогоча и подкалывая друг друга, метали ножи, Алексей поведал, что они, оказывается, в данный момент тренируются в очень модном, новом и абсолютно российском боевом искусстве, которое повышает мышечный тонус, развивает координацию и глазомер. Оказалось, что выемка вдоль лезвия сделана только для механической прочности. Никакой крови!

Андрей, ожидая очереди на метание, пытался запомнить услышанное и подумал – что же они, здешние хозяева, так плотно шифруются? Хорошее дело, полезное...

Со второго подхода Андрей все-таки наловчился и попал почти в середину мишени так, что нож не вывалился в грязь, а остался эффектно торчать в дереве. В глазах инструктора он уловил уважение – у остальных результаты были поскромнее.

«Ну я и взмок! Одно слово – крыса редакционная! – подумал Андрей, вернувшись в номер. – Но цели наших трудов так и не узнал. Не ножички же летучие как таковые? Для этого не надо теребенькаться на границу с Рязанской областью... И чем занимались вчера мои товарищи?»

Андрей принял душ, позвонил Анне, на работу и отправился обедать.

После обеда его отозвал Куприянов.

– Вы ведь у нас не прошли первоначальный инструктаж, господин Полевой. Я сейчас отведу вас к нашему егерю. Побеседуете.

«Да я с милой душой! Может, материал появится... Просто ножички на публикацию не тянут».

Андрей вышел из кафе за Куприяновым, и они двинулись вдоль вольеров с медвежьей малышкой. Большая часть зверят куда-то подевалась, видно было только пару лениво шатавшихся за сеткой косолапиков. Они прошли до конца вольера, миновали тир и полигон, свернули, оказались у одноэтажного домика и вошли внутрь. Там было тепло, стоял аппетитный запах – будто варился мясной бульон. Андрей решил спросить потом, что это такое.

Куприянов толкнул одну из двух дверей. Им навстречу поднялся мужчина в бороде – типичный егерь, как их представлял себе Андрей.

– Вот, это наш старший по медвежьей части, – кивнул Куприянов.

– Потапов, – представился егерь. – Михаил Михайлович.

«Ну кто б сомневался!» – внутренне усмехнулся Андрей.

– Полевой Андрей Викторович.

– Присаживайтесь, господин Полевой.

Комната была оклеена изображениями медведей в самых разных видах.

«Заставка на компьютере тоже, поди, с медведем. Готов поспорить».

Андрей остался наедине с медвоведом. Лет ему было сорок с хвостиком. Хотя борода старит. Может, и меньше.

– А можно я вас сначала спрошу? – вдруг заявил старший по медведям, присаживаясь за стол напротив.

«Раскусил?!» – неприятно поразился Андрей, но ответил:

– Да ради бога.

– Что приводит сюда людей вроде вас?

– Ну как... Смена обстановки, желание встряхнуться... Что нас всех влечет к неизведанному? Инстинкт освоения новых территорий.

Потапов глянул ему в глаза. Похоже, помимо своей воли Андрей выдал правильный ответ, но медвовед молчал, разглядывал его.

– Ну да. А что же еще? – пожал плечами Андрей.

– Все это можно получить и в другом месте.

– И в другом, и в этом. Я вот в данный момент здесь оказался.

Похоже, Потапову вообще не слишком нравилось пребывание гостей на медвежьей территории. Андрея затянувшееся предисловие стало раздражать.

– М-да... В данный момент вы находитесь на территории бывшего государственного заказника «Серебряный ключ», – начал, наконец, Потапов, и Андрей понял, что его собеседник произносит стандартный текст.

– А почему бывшего? – встрял он.

– Разорились в девяностых, – кратко ответил медвовед. – Цель создания заказника –

сохранение поголовья российских бурых медведей. Сейчас, чтобы поддерживать хозяйство экономически, осуществляем различные коммерческие программы. Ваша программа называется «Бурый маршрут» и является экстрим-шоу повышенной опасности.

– Повышенной? – помимо своей воли выдохнул Андрей.

– Да, – удивился Потапов. – А что? Вы же договор подписывали, должны знать.

– Ага, подписывал, – согласился Андрей. – Я его прочесть не успел. Времени не было.

– Неужели? – усмехнулся Потапов.

– Да, я думал, вы меня сейчас просветите.

– Да просветить-то я могу... Но вам же завтра на маршрут идти.

– Ну и пойду, – выпятил губу Андрей. – Ходили мы по маршрутам, бывало. Пройдем и этот. Цель поставьте, а я уж как-нибудь...

– Как-нибудь? – Потапов и не пытался скрыть иронии. – С медведями как-нибудь может и не получиться.

– А при чем здесь медведи? Они же у вас ручные. На людей ноль внимания.

– Здесь-то ручные, хотя и здесь опасны – только отвернись... А вы будете идти по маршруту через территорию, населенную отнюдь не плюшевыми мишками.

«Ага, что-то вырисовывается... Специфический экстрим – на выживание среди диких животных. Оружие – шарик с краской и один ножик. Противник – медведь бурый, дикий и голодный, а по весне еще и сексуально возбужденный. Ну, вляпался ты, Полевой, домашний!»

– В детали посвятите, будьте любезны, Михаил Михалыч.

Похоже, то, что Андрею удалось сохранить спокойствие, произвело на егеря должное впечатление.

– Завтра утром вашу группу отвезут на начальную точку маршрута...

– Мы группой пойдем?

– Нет, каждый пойдет по своему маршруту – по жребию.

– Понял. Дальше!

– Продолжительность маршрута – примерно двадцать два километра, восемь часов в пути. Маршруты размечены – важно не пропустить метки.

– Мы на контрольное время идем?

– Ну что вы! Это же не соревнование, – махнул рукой Потапов пренебрежительно. – Ориентировочно. Лишь бы дошли.

– А что – есть шанс не дойти?

– Большой. Хотя летальных исходов не было. Но если учесть, что весной у мишек происходит как бы перераспределение ролей – подросшие особи претендуют на место под солнцем, на самок...

«О, это то, что нужно! Блеск! Подерусь с каким-нибудь Потапычем за такую зубастую-мохнатую... Победить-то не проблема... Вот куда потом ее девать – добычу-то?! Анна меня едва ли поймет».

– ... а старички отстаивают свои права. Дерутся – все злые, агрессивные... И если им на их территории попадется незнакомец...

– Местные объединятся против чужака?

– Да, временный стратегический союз, и...

– ... Всыплют нахалу по полной. Я, кажется, понял, в чем изюминка вашего шоу.

«Встретить злого, озабоченного медведя и со страху не обоср... заболеть медвежьей болезнью. Задачу понял. Выполняю!»

– Вы подписали документ о том, что берете ответственность за собственную жизнь на себя, – пожал плечами егерь.

– А я и без подписки всегда за себя отвечал, – задрал подбородок Андрей. – Справимся.

– Да, мне Леша говорил, вы хорошие результаты по метанию показали. Хотя...

«Что – обидно, профи?!»

– В лесу это не очень полезно. Замахнуться, прицелиться, попасть – все это в чаще

проблематично.

– Зачем же вы проводите тренировки? Деньги зарабатываете?

– Да, и деньги тоже. Но ведь и людям надо дать какую-то уверенность в себе.

«А иначе никто на маршрут не пойдет и вообще не приедет... Понятно».

– И чтоб клиент сразу не побежал – это точно спровоцирует медведя. Вы учтите. Это часть инструкции. В глаза мишке смотреть не надо – взгляд он обязательно воспримет как вызов. И бежать не надо. Надо вежливо уступить ему дорогу. Тогда есть шанс разойтись по-хорошему. Поняли? – Не дождавшись ответа, Потапов спросил: – Так пойдете на маршрут?

– А как же! – передернул плечами Андрей.

– Тогда в четыре часа еще одна тренировка – ориентирование. Будете метки искать.

– В лесу? С медведями?

– В нем, родимом. В том самом лесу. А насчет медведей... Это как повезет. Случалось, после нечаянной встречи вся группа отказывалась на маршрут идти.

– Я не откажусь.

Андрей встал.

– Учтите – чем моложе мужчина, тем больше шансов спровоцировать нападение. Они запах чувят. В лесу на женщин медведи практически не нападают – только в населенных пунктах, когда голодны или напуганы.

– Галантные какие, надо же! – усмехнулся Андрей. – Разбираются.

– Медведи, – глаза Потапова вдруг загорелись каким-то диковинным, вернее, диким огнем, – они же фантастические существа, необыкновенные – как люди в шкурах, только глубже, непредсказуемее. Ни один зверь так себя не ведет... Да вам это неинтересно...

– Ну почему же. Очень даже интересно. Я к вам еще загляну, – улыбнулся Андрей и вышел.

«Потом, когда все будет позади, возьму у этого медвовода интервью – настоящее. Он, похоже, круто на этих рыкучих повернут... Не выдаст он меня? А хоть бы и выдал – все уже будет закончено».

На порожке егерского домика Андрей столкнулся с инструктором.

– Как побеседовали?

– Нормально. Понял, что на медведей в упор пялиться считается невежливым.

– Ну что ж, уже неплохо. Пойдемте, все уже собрались.

Около офиса группу ждала небольшая машина армейского образца – в кузове, с которого сняли брезентовое покрытие, на двух узеньких лавках помещалось десять человек.

«Ага, кто-то уже отселялся, – радостно сообразил Андрей. – Покидали ножички за пятьсот евро в сутки – и будя... Следовательно, количество медведей, которые могут попасться игроку на маршруте, увеличивается. Замечательно! Просто улет!»

Они выехали за ворота, свернули и двинулись по глинистой колее вдоль кромки леса. Было совсем тепло. Солнце стояло высоко, но просека казалась сумрачной – лучи не проходили сквозь густые еловые ветви. Весна ощущалась здесь куда явственнее, чем в городе. На земле испускал последний дух небогатый в этом году снег, а где-то вверху перещелкивались птицы. Воздух был округлым и многообещающе-томно обтекал лицо. Пахло влажной, пожухшей травой и еще чем-то свежим, возможно омытой дождем хвоей.

«Да, пройти по лесу – это в самый раз. Ну, может, не двадцать километров и не с обозленными мишками... А не отказаться ли? Сказать, что жена у меня на сносях, прознала и запретила категорически... Да и потом... Что мне до этих людей и их мнения о моей персоне? Даже не узнают, если где-нибудь встретят».

Додумать эту богатую мысль не удалось, поскольку машина остановилась. Отъехали от базы самое большое на три километра. Из кабины вылезли Алексей и шофер.

– Так, господа, – скомандовал Алексей, – произвольно делимся на две группы... Пять человек идут за мной, еще пять – за Виктором.

Шофер постучал себя пальцем по груди – будто здесь находилась целая толпа проводников, и только один он – Виктор. Андрей подождал, пока его спутники, бурча, разобрались, кто с кем идет, и присоединился к тем четверым, которые доверили свою жизнь Виктору.

– Контрольное время – один час, – сказал Алексей. – Разбежались!

Он с места в карьер рванул в одну сторону, Виктор, махнув рукой, крикнул: «Все за мной!» – и быстро пошел в другую. Через три минуты полубега группа углубилась в чащу.

Лес был чист, не траченный любителями шашлыков, но Андрей заметил, что некое подобие тропы здесь все-таки имеется – осталось после зимы, когда, вероятнее всего, медвежьи корриды не проводились по причине зимней спячки у основных действующих лиц.

– Так, – замедлил ход Виктор, – маленькое пояснение. Тренировочный маршрут размечен предельно просто – для непрофессионалов. Каждую следующую метку видно от предыдущей. Вот метка... смотрим... находим... – он положил руку чуть ниже белого прямоугольничка, нарисованного эмалью на красноватой коре примерно на уровне глаз человека среднего роста, – сразу, на бегу, ищем глазами следующую! Сейчас скорость значения не имеет, но на основном маршруте задерживаться особо не стоит.

– Я вижу! – обрадовался Андрей и указал на заплатку впереди.

– Двинули! Учтите, маршрут в целом прямой, но есть повороты в обход препятствий.

– Индивидуальные маршруты могут пересекаться? – уточнил на перебежке молодой парень типично менеджерского вида.

– А индивидуальных маршрутов как таковых нет, – просветленно улыбнулся Виктор.

– Как – нет? – недовольно откликнулся кто-то.

– Так. – Проводник остановился. – Вот видите? Там метка и там метка. Пойти можно туда и туда.

«Ага, богатыри на перепутье!»

– А нам куда? – продолжил расспросы один из потенциальных русланов.

– Нам на базу, значит, на запад. Завтра каждому будет дано направление. Пошли!

– А если кто-нибудь заблудится? – решил уточнить Андрей.

– По джипиэрэске найдем, – легко ответил инструктор. – Обнаружим, не переживайте.

– То, что останется, – слышалось сзади.

– А то, что не доел, похоронят за счет заведения, – не дал спуска остряку Андрей.

Возможно, его профессиональное любопытство принимали за неуверенность или трусость. Нет, он завтра пойдет на маршрут обязательно, соберет всех мишек в лукошко и привезет в подарок любимой жене. И на сковородочку их, родименьких, под гнет! Медведь табака!

Уже час, перебежками от одной метки до другой, они передвигались по весеннему лесу. У Андрея намокли джинсы над резиновыми полусапожками, было жарко. Красот природы он не разглядел – его визуальная система работала только на распознавание меток и на то, чтобы не споткнуться о корни и поломанные сучья.

– Ну и где ваше зверье? – осведомился кто-то из группы.

– Какое зверье? – хитро усмехнулся проводник. – Шуму-то мы подняли, а? Мишки, они не идиоты, чтобы в одиночку на такую стаю нападать. Вот если один на один – это они подумают.

– Подумают-подумают и решат – надо разобраться! – развил мысль Андрей себе под нос.

– Вот именно, – охотно подтвердил Виктор, услышавший комментарий.

«Ага, пугает... Готовит клиента к основному удовольствию».

Через десять минут вышли к калитке в ограде, окружавшей территорию базы. Все оказалось довольно обычно. Андрей не слишком устал, слегка промок и уверился в своем могуществе. После ужина позвонил домой.

– Оказалось все довольно банально. Не стоило тех денег... Просто однодневный маршрут на выживание.

– А... ты выживешь? Уверен? – В голосе Анны слышалось явственные нотки беспокойства. – Мы с Манечкой за папу переживаем.

– А что – ты плохо себя чувствуешь?

– Да нет... Нормально. Просто она у меня по животику в данный момент активно гуляет.

«Или все-таки отказаться? Черт его знает, что из всего этого может выйти... Больно все просто у них – пошел, дошел... Не дошел – найдут... А у меня двое девок на шее, Анна и Маняшка».

– А... это так и должно быть? Гуляние? – спросил Андрей чуть хрипло.

– Так и должно. Дорожку наружу ищет.

Они еще поговорили о том о сем, и Андрей завалился спать.

Ночью ему несколько раз, с небольшими вариациями, снился один и тот же сон – он проворно бежит по лесу, от метки к метке, то сворачивая в еловую чащу, то выходя к тонким белым березкам, на которых почему-то сохранились прошлогодние лимонно-желтые листики. И вдруг замечает на тропинке... серый игольчатый комок.

Ежик! Настоящий ежик! Когда-то в детстве ему ужасно хотелось иметь ручного ежа. Говорят, они такие забавные и самостоятельные, забавно фыркают, ночью бегают ловить мышей, топчут по полу когтистыми лапками... И вот! Встреча с детской мечтой на едва заметной лесной тропке.

Андрей протягивает к добыче руки, и ежик, довольно большой, ловко сворачивается в клубок. Андрей садится на корточки и осторожно, натыкаясь на колючки, переворачивает щетинистый мячик. Из него торчит ужасно недовольная мордочка с черным носиком, в глазах-бусинках – укор и презрение... И тяжелое, утробно ворчание... Неужели это милое создание может так гнусно, тяжело пыхтеть?

Андрей поднимает голову и невольно выпускает колючего мышелова из рук. Тот откатывается на два шага, разворачивается и быстро-быстро, вперевалячку, ковыляет прочь. А над Андреем поднимается на задних лапах огромный бурый медведь... Ему же говорили, если медведь встает на задние лапы, значит, он нападает... Андрей даже не успевает подняться... Или просто не может, потому что в коленках обнаружилась жуткая, стариковская неразгибаемость...

А косматый все поднимается, растет – будто надувается огромное чучело, вроде резинового олимпийского Мишки. Только рыло у этого зверя отнюдь не умильно улыбающееся, а... просто никакое, почти ничего не выражающее, даже какой-то сверхособенной злобы... Только виднеются на ощеренной морде желтые клыки, на лапах – когти, черные, загнутые.

Так и не сумев встать, Андрей падает... и просыпается.

Кошмар отпустил только к утру, уступил место твердому решению отказаться от выхода на маршрут – позвонила беременная жена, наотрез запретила валять дурака, приказала немедленно сваливать домой...

На завтраке присутствовала вся компания, даже блондиночка с лысым приятелем. Практически незнакомые люди и так-то мало общались между собой, а сейчас в кафе было особенно тихо, только играла музыка и позванивала посуда, которую официант ставил перед завтракающими.

«Будто все надеются, что за ними не придут».

Но за ними все-таки пришли. Инструктор Алексей, лучезарно – или злорадно?! – улыбаясь, появился на пороге.

– Итак, господа! Доброе утро! Покушали? Готовы идти на маршрут?

– Готовы, – пробурчал парень, который ходил на тренировочный маршрут с группой Алексея.

– Значит, все в офис, к врачу, потом на заключительный инструктаж – и в поход.

– А чего это к врачу?

– Давление, сердцебиение – такой порядок.

«Вот, сейчас кого-то отсеют... А у меня голова как?»

Мужики стали подниматься, с разной скоростью и различной степенью решимости. В лицо друг другу никто не смотрел.

«Ну нет, я не отступлюсь! – неожиданно для себя подумал Андрей. – Пойду и дойду! Разгоню всех этих кудлатых на раз-два! Медвежонка поймаю – маленького, рукавичку меховую... Аньке подарю...»

– Все должны вернуться до сумерек, так что раскачиваться особо некогда.

Алексей ушел, за ним потянулись любители экстрима. Андрей заметил, что рвутся в бой только тот парень-менеджер и еще один, тоже молодой, а остальные, похоже, все еще пребывали в сомнении.

«Ага, дают возможность отказаться от выполнения непосильного задания... По дороге от кафешки до офиса есть возможность незаметно отколоться от группы и спрятаться в номере. А там – свалить втихаря подобра-поздорову».

У Андрея такой возможности не было – он жил в том же домике, где был офис.

«Ну, косолапые – берегись! Журналист идет! Сами напросились!»

Давление в комнатке за табличкой «Медпункт» у них мерил сам медвежий начальник Потапов, набросивший поверх свитера белый халат. Андрей заметил, что в помещении, как в настоящей больнице, пахнет спиртом, на плитке паровала металлическая канюля.

«Что, дезинфицируют инструмент для срочных операций? Пугают?»

– Извините, я сейчас... Вы присаживайтесь...

Потапов выключил прибор, вернулся к столику и принялся за пациента.

– Угу, давление в норме, – констатировал он. – Свитер поднимите. Сердце послушаем.

– А вы здесь и за медика? – решил уточнить Андрей.

– Я вообще-то врач-ветеринар с двадцатилетним стажем.

– Понятно. Если вы с бессловесной скотиной управиться можете, то уж с человеком...

– Это вы правильно поняли. Все в порядке, можете отправляться.

Андрей вышел из офиса. Инструкторы и пузатый из тира уже подогнали машину и грузили в нее какие-то ящики. Народу на этот раз набралось восемь человек, оба парня помоложе были здесь, и блондиночкин «папа» тоже – постеснялся перед молодой сдрейфить. Тех, кто остался, Андрей вычислить не смог – да и надо ли?

– Так, па-ма-ши-нам! – громко и весело скомандовал Алексей, будто они формировали колонну.

На этот раз ехали почти полчаса, даже выбрались на шоссе и снова нырнули в лес, на промятую в земле колею, теряющуюся за деревьями. Ехали молча – за прошедшие двое суток никто ни с кем так и не познакомился. День обещал быть пасмурным, но не дождливым. Наконец, машина остановилась.

– Последняя проверка, – сообщил Алексей, вылезая из кабины. – Я полагаю, на маршрут идут все...

– Да все, все – не тяни, – сказал кто-то за спиной Андрея.

– Как раз будем тянуть! – резвился инструктор. – Но только жребий!

Он протянул им ладонь с пластмассовыми шариками.

– И что от этого зависит? – все-таки поинтересовался Андрей, беря шарик первым. – Номер третий.

– А ничего, – пожал плечами инструктор. – Это просто порядок выхода на маршрут. Расстояние у всех одинаковое – двадцать один км до базы по прямой. Идем по инструкции, придерживаясь меток. Если кто-то владеет ориентированием, направление – на два часа дня или северо-северо-запад.

Шарики быстро разошлись по хозяевам, а потом вернулись к Алексею.

Первым должен был отправляться в одиночное плавание менеджер среднего звена, как определил его Андрей. Инструкторы открыли таинственные ящики – там лежали одинаковые серые разгрузочные жилеты.

– А это обязательно? – спросил клерк, прикидывая вес. – Тяжелый, черт.
– Я обязан вам это предложить – согласно договору, но надевать насильно не стану. Однако надеть рекомендую. К тому же здесь карманы для мобильного, для пистолета, боезапас и прочий прибабас.

«Летом точно аниматором прирабатывает», – подумал Андрей.

– Ага, еще и вес сбросить можно, – крикнул менеджер, все-таки надевая жилет.

– Тоже верно, – меланхолично согласился Алексей. – Обратите внимание – пистолет заряжен специальными шариками, наше ноу-хау. Там не краска, а спецраствор. При угрозе нападения диких животных достаточно выстрелить в сторону атакующего – запах отпугнет. Можно выстрелить просто в землю перед ним, даже лучше. Только не затягивайте – чтоб раствор успел...

– ... завонять, – сострил второй «менеджер».

– Ну да, в общем, так.

– Скунсяры мы долбанные, – фыркнул он же.

– А нельзя им просто натереться? – осведомился кто-то. – Чтоб вообще ни одна скотина не сунулась...

– Зачем тогда сюда ходить? Погулять и в парке можно, – вставил Андрей, которому уже было невтерпех. – Давайте поживей, а?

Алексей поморщился и продолжил:

– Верхняя часть жилета и воротник-стойка – кевлар. Так что, опять же при угрозе нападения, застегиваемся до конца...

– Авось горло не перегрызут, – поежился блондиночкин друг.

– Да, – без затей согласился инструктор. – Подарок из Африки... Нет, правда, их для африканских сафари производят, в разных модификациях... Так!

Он хлопнул руками. Все вздрогнули.

– Вопросы есть, номер первый?

– Нет, – пожал плечами парень.

– Тогда удачи. Вон первая метка. Не торопитесь, смотрите внимательнее – к ужину успеете. Удачи!

– К черту! – бросил парень и довольно решительно зашагал в сторону леса.

«А мы и представить не могли, что видим его в последний раз...» Так и напишу, если что», – подумал внутри Андрея гадкий, циничный журналюга.

Через полкилометра высадили второго путешественника, уже почти без наставлений, потом пришел черед Андрея. Он взглянул на часы: было без двадцати десять.

«Два с половиной километра в час. По бездорожью – только-только к ужину. Да и стемнеет... Справлюсь».

– Готовы? Вопросы есть? – уточнил Алексей.

– До встречи на базе, капитан.

Андрей шел уже три часа. Успел проголодаться, съел полплитки шоколада, что приятно оживило впечатление от одинокой прогулки. Большей частью маршрут проходил по относительно чистой территории – красноствольные сосны росли часто, не пропускали солнца к земле, подлесок был жидким, почти не цеплялся за ноги. Возможно, с такой скоростью передвижения он уже одолел больше четверти пути.

Облака не расходились, но и дождя не было. Наверху в кронах перекликались птицы, один раз его, бранчливо тарахтя, отругала за вторжение длиннохвостая черно-белая летунья, наверное, та самая сорока из поговорок.

Андрей стал ловить ее в камеру мобильного и пропустил очередную метку. Пришлось возвращаться и брать новое направление. Исправиться помогла нештатная отметина – брошенная кем-то красная упаковка от чего-то съестного.

«Не могут не мусорить, сволочи!» – подумал Андрей и решил вставить эту деталь в будущий репортаж.

Его маршрут пересек едва заметную тропинку, потом еще одну.

«Я что – выхожу к очагам цивилизации?! По времени не получается... Или меня вынесло куда-то не туда?»

Сделалось досадно и неудобно – не справляться с ситуацией в его планы не входило, но потом грязновато-белые заплатки увели его в чащу. Тут лес был невысоким, больше лиственным, но с завалами сучьев, коварно маскировавшими «путеводные звезды». Еще пару раз пришлось возвращаться к предыдущей метке и искать следующую. Ориентироваться по солнцу не получилось бы – облака сгустились, даже мутного желтого пятнышка, который утром мелькал между ветвями, не было видно.

Андрей откровенно соскучился – так радовался, чуть отключившись от суеты и даже от счастья семейной жизни, а к середине третьего дня затосковал. Под ногами хрустнула жестянка от тоника – ага, здесь до него были люди.

«Ведь сказано же – к мишкам с алкоголем ни-ни! Хотя, может, это был неорганизованный турист. И его съели... Не хватало кости обглоданные найти, фу!»

Заканчивался пятый час путешествия. Ход замедлился, не очень сильно, но все же. По бурелому особенно и не разбежишься. Ноги не так охотно переступали через валежник. Не особенно вдохновила и вторая половина шоколадной плитки.

Чаща осталась позади, опять пошел смешанный с кустарником перелесок. Возможно, лет сто тому назад его организовал лесной пожар. Очень кстати.

«А чего я, собственно, извожусь? Сяду на пенек, если не съем пирожок, то хоть передохну. Чего нестись-то? В график укладываюсь. Отдохну – потом в один миг доскачу. До захода солнца часов пять, дороги – на три... В самый раз».

Андрей благоразумно настроил будильник на полчаса – чтоб не разоспаться с устатку на свежем воздухе. На большее телефон не годился, доступность «гуляла» около нуля, периодически исчезая вовсе.

«Во забрался!.. Вроде недалеко, а связь не работает».

Андрей присел, вытянул гудящие перегруженным трансформатором ноги, оперся спиной на белый ствол березы и прикрыл глаза.

«Господи, хорошо-то как... Давно надо было объявить привал».

... Будильник запел досадно скоро, это было все, что можно было себе позволить. Не открывая блаженно слипшихся глаз, Андрей нащупал трубку в верхнем кармане разгрузочного жилета. Пиканье смолкло.

«Сейчас, сейчас... поднимусь и пойду».

Глаза упорно не разлеплялись – разморило его в охотку. Но было неудобно – земля, хоть и прикрытая слоем жухлых листьев, оказалась сырой и холодной, а спина протестовала против выпуклой березовой опоры. Хотелось есть.

«В экстремальных условиях у человека обостряется нюх. А на базе сейчас, поди, прощальный ужин стряпают. Теперь на запах все как миленькие добегут... Так, бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают!»

Андрей усилием воли подбросил себя вверх... и тотчас услышал треск сучьев и какой-то короткий звук – будто всхрап. Это он сам, что ли, рычит? Озверел?

Неотдохнувшие глаза отказывались глядеть в одном направлении, их тоже пришлось призывать к порядку. Когда восприятие вернулось к норме, Андрей увидел медведя. Совсем рядом. Метрах в десяти, не больше.

Зверь стоял на четырех лапах, повернувшись к нему кудлатым, в свалывшейся шерсти задом. Вероятно, любопытный туземец наблюдал за ним давно, а когда Андрей зашевелился, отпрянул, но убежать не стал и теперь созерцал человека, презрительно глядя на него через плечо. Возможно, колебался – драпнуть или цапнуть.

«Говорили же мне – не задерживаться. А я залег... Теперь этот куцехвостый решит, что я пришел сюда навеки поселиться».

Метка виднелась в паре метров за косолапым, слева и справа пути обхода преграждали

густые кустарники – не хватало еще запутаться в них, как муха в паучьих тенетах, и дать хищнику дополнительный шанс.

Прикидывая, как обойти и не думающего убираться с дороги потапыча, Андрей медленно оглянулся. И сразу же пожалел о содеянном – слева от себя, гораздо ближе, он увидел второго медведя. То ли оттого, что он был ближе, то ли впечатление соответствовало действительности – этот показался Андрею значительно крупнее, матерее. Мишук стоял на всех четырех, мордой к Андрею, и тоже что-то усиленно обдумывал.

Пауза неприятно затягивалась.

– Чё, пацаны, – неожиданно для себя самого обратился к собравшимся Андрей, – прикидываете, хватит ли на всех? Да вы не стесняйтесь, подходите... Девяносто кэгэ чистого веса. Может, сейчас даже больше – работа сидячая, знаете ли...

Первый косолап, перегородивший едва заметную в жухлой траве стежку, отвернулся от Андрея и повел мордой куда-то в сторону. Не предвидя ничего хорошего, Андрей проследил за направлением его взгляда.

И точно – к компании ковылял еще один зверь, размером с первого.

«Система оповещения об ужине сработала четко».

– Так, понял – на троих меня сообразить вздумали, да, мужики?

«Что ли, на мобильный снять эту компанию... Или лучше запечатлеть прощальный привет Анне, дочке и родителям?»

Тому экземпляру, который висел на левом фланге, суетливое копошение в нагрудном кармане не понравилось. Он всхрипнул, резко приподнялся, но вставать на задние лапы раздумал, просто ударил передними о землю. И тут Андрея понесло...

– Ну-ка, красавцы, улыбочку в тридцать два желтых зуба! Или сколько там у вас?

«Ох, не надо бы про это!»

Глядя скорее на дисплей, чем на реальных мохнато-бурых, Андрей шагнул вперед, обнажая тыл, скудно прикрытый березкой. То, что сзади слышалось невнятное урчание, его уже не трогало – главное, панорамку сделать повнушительнее!

И тут из телефона грянул рок! И какой – родной, незабвенный – «Куин»!

Тум-тум-тум! Тум-тум-тум! Тум-тум-тум!

Андрей, настраивая мобильный на побудку, предусмотрительно включил максимальную громкость, теперь старина Фредди ревел про «биг дисгрейс» во всю безбашенную мощь своего голоса, и это «уи-и уилл, уи-и уилл...» среди меланхоличной тишины весеннего леса звучало как-то удивительно по-хамски.

Третий медведь, так и не добравшись до столовой на открытом воздухе, то ли рыкнул, то ли поперхнулся, но отпрянул и бросился наутек, трусовато оглядываясь на Андрея.

– Что, морда небритая, не нравится?! Те чё – девчочковые группы подавай, да? С голыми пупками? Ну, я вам щас устрою корпоративчик!

Решив непременно заснять того гада, который посмел топтать на него своими грязными лапами,

Андрей направил надрывающийся гитарными переливами мобильник в его сторону, но поймал в камеру только кудлатый мишкин зад. Тот удирал!.. Упущение оказалось не очень досадным – в кадр попал... четвертый зверь!

Довольно большой, он, обалдело раскрыв пасть, сидел на дорожке, по которой сюда пришел Андрей, и будто подпевал, двигая нижней челюстью и мотая головой.

Это было до того смешно, что, Андрей, рискуя испортить запись, согнулся пополам от хохота и, кажется, тоже стал подпевать Фредди – только заменяя «рок ю» на другое, очень похожее слово...

– И чего – ты этими шариками хитрыми так и не воспользовался? – удивленно задирая пегие брови, спросил Борода.

– Да я про них даже не вспомнил! – махнул рукой Андрей. – Ножики, пульки – все из головы разом вылетело, в неизвестном направлении. Правильно инструктор говорил...

Пустое дело! Вот братец Меркьюри – тот в самый раз оказался... Не выдержали таежники классического рока! Драпанули!

Они, почти всей редакцией, не в первый раз просматривали добытое с риском для жизни видео, на котором скакавшая вверх-вниз камера ловила то одного, то другого медведя.

– А ведь струхнул ты, Полевой! – заметил донельзя довольный Костик. – Руки дрожали...

– А кто бы не струхнул! Скажешь, Костик, – заступился за Андрея Борода.

– Действительно, – буркнула Маргарита.

– Я и не отказываюсь, – пожал плечами Андрей. – Еще хохот дурацкий меня пронял...

А после уже, на разборе полетов типа банкет-мальчишник, главный по медведям сказал, что впервые столкнулся с таким явлением.

– С каким, Андрюша? – спросила Валя ласково.

– С таким, что медведи начали охотиться стаями. Хотя, может, это совпадение... Он предположил, что на меня медведица с медвежатами-двугодками вышла... Все потом распишу – когда в голове уложится.

– Да, богатый материал, – солидно произнес Борода. – А что с тем парнишкой?

– Парнишкой? Да он постарше меня вроде... Не свезло ему – никто в нужный момент не позвонил. Царапки у него не хилые были. Главный по медведям три шва наложил. Хорошо хоть, недалеко от базы на засаду налетел, доковылять смог. Отстреливался!..

– Ну да?! – гоготнул Костик.

– Да, иначе бы каюк мужику... Косолапые – они, как правило, не отступают. Его ребята-инструкторы уже искать пошли, отогнали этих, поэтому все более-менее прилично закончилось. А то б додрали и скушали.

– И каков твой вывод, а, Андрюша? – спросил Борода. – Насколько легитимны эти развлечения?

– Ну, там лицензия на стенке висит, инструктаж, тренировки проводятся... А элемент реального риска – так за этим мужики и едут. Пока кого-нибудь насмерть мишаки не загрызут, клеймить их нет повода.

– Слышь, начальник, – заговорил Костик. – Я никак не въеду – сколько зверюг там было?

– Четверо, сколько ж? Не меньше.

Костик наморщил не бог весть какой высоты лобик.

– Что, сомневаешься? Клавишник, ударные, гитара и бас. Все как у людей.

Марго хихикнула.

– Да я наоборот, – досадливо мотнул головой Костик. – Мне все кажется... Можно?

Он взялся за мышку и оттянул запись немного назад.

– Вот это здесь что? – подергал он стрелкой по экрану.

Изображение было размытым, потому что на этом месте Андрея разобрал истеричный смех и держать кадр ему было не по силам... Но точно, в зеленоватых, уже налившихся соком кустах виднелось еще одно животное. Именно животное, оно явно двигалось – небольшими рывками, когда они стали просматривать запись покадрово.

– Еще один член преступной группировки? – удивился Стас. – И как ты его углядел, Костяра?

– Профи потому что, – процедил сквозь зубы Костик, щелкая мышкой.

«Профи, да – кто спорит», – подумал Андрей, но промолчал.

Костик нащелкался в досталь и, отпав на спинку стула, шумно выдохнул.

– Вот это что было, а, шеф? – чуть ехидно поинтересовался фотограф.

Ему удалось отбить кусок записи, всего секунд пять.

За кустами промелькнуло нечто. Точно не медведь, потому что было слишком высоким, поджарым и не бурым, а скорее рыжеватым. Двигалось оно не к Андрею и от него – оно просто проходило мимо. Как ни старался профи Костик, это было очень размытое пятно, в котором только угадывалось туловище и как будто поворачивалась на камеру

кудлатая голова на короткой шее.

– У, блин, – пробормотал Стас. – Чё-то есть, чё-то есть... А, ребята?

– Не знаю, не видел, – признался Андрей. – Помеха, брак изображения... Нет?

– Ну, как хочешь, начальник. Но, по-моему, ты что-то все-таки упустил.

– Главное, медведи Андрея упустили, – назидательно произнесла Валя, вставая.

– Всем спасибо. – Андрей откашлялся. – Летучка окончена. Оксана, задержитесь, пожалуйста.

– А мне не надо? – спросила Маргарита.

– У вас же есть задание на ближайшее время, – пожал плечами Андрей. – Вот и действуйте. Номер собирать надо.

Коллеги вышли из кабинета.

– А вы, Оксана, ползайте по Сети и найдите материал сходной тематики – кто и как с ума сходит. Обзорно – по три-четыре строки по каждому виду сумасшествия. Гонки на носорогах, плавание в бассейне с тигровыми акулами...

Оксана хихикнула.

– Сделаем, Андрей Викторович. А перманентную охоту на снежного человека упомянуть?

– На ваше личное усмотрение.

Накануне, сразу после возвращения, Андрею по полной программе влетело от Анны – почему не ответил?! Перезвонить он ей не смог – батарея его сотового вымоталась на музыкальное образование лесных обитателей и видеосъемку, и Анна бес покоилась все время, которое Андрей добирался до базы и телефона. Хотя, по понятным причинам, добрался он быстро.

– Там мобильная связь не берет, – оправдывался Андрей. – Это по определению медвежий угол. Так и статью озаглавлю. Ну, не надо кукситься, я тебя умоляю! Бывало и хуже.

Показать ей экстремальное видео Андрей не решился... Тем более тот, обработанный Костей фрагмент. А жаль... Тот факт, что звонок любимой женщины избавил его от больших неприятностей, а может быть, спас жизнь, мог бы стать самой интересной частью материала. Но сейчас его придется вынести за скобки – чтобы не пугать Анну, пусть и задним числом. Ведь она доживала последние недели.

«Потом... Буду издавать книгу очерков, там и вверну».

Надо было приниматься за текущие дела. В город возвращалась весна, прошло равноденствие. После очередной сомнительного качества зимы снег в городе сошел быстро, в воздухе неумолимо разливалось любовное томление. Все мартовские номера, не только первый, выходили откровенно дамскими – только что розовые бантики из них не торчали.

«Еще, что ли, одного парня в штат взять? Одни любовные трагедии девицы приносят», – раздраженно подумал Андрей, подписывая в печать последний номер за март.

Его мысли словно услышала Марго, просунувшая в дверь кабинета умильно наморщенный носик – можно?

– Заходите, Рита, я уже закончил. Что у вас?

– Санкцию на поход за материалом, Андрей Викторович.

В редакции сложилась традиция – в рабочей обстановке обращаться к нему на «вы» и по отчеству. Андрею это нравилось.

– И?... Что-то остренькое?

– Да. Ну как сказать... Там такая история... Женщина, уже в возрасте, вдова, замуж вышла, а дочка ее решила этот брак поломать.

– И чего ей было не так?

– Ну, вроде она отца очень любила и посчитала, что мамаша предала его светлую память.

– Как она это осуществила?

– Самым простым и надежным образом – соблазнила отчима, который на тридцать лет ее старше.

Похоже, самой Марго очень нравился этот нетривиальный ход.

– Да, дамы, с вами надо поосторожнее.

– С нами вообще надо очень осторожненько, – многозначительно улыбнулась девушка.

– Ага, учту... И что теперь будет?

– Ребенок будет, чего ж еще.

– Господи! – со вполне искренним ужасом воскликнул Андрей.

– Да, девочка отыгралась по полной. Мало того что отчима соблазнила, так и забеременела от него! И мамочке все прямым текстом выложила – вот, мол, смотри, мама родная, с кем связалась! И все, заметьте, живут в двухкомнатной малогабаритке. Девочка родит аккурат на летних каникулах, и жизнь у них станет са-а-авсем веселая.

– И вы хотите поехать узнать, как они эту ситуацию разругивать собираются?

– Да, попробую. Не впервой. Я же в «Мимозе» рубрику «Жилетка» вела, опыт есть. В принципе грядущая бабуля не против об этом поговорить.

– Ну что ж, давайте. А каков, так сказать, нравственный посыл публикации?

– Посыл обычный – «Я ему отдала лучшие годы, а он ушел к молодой!». То, что он ушел в другую комнату к дочке-подростку, не принципиально.

– Я не об этом. Какой против таких коллизий рецепт?

– Такой, наверное, что не надо отдавать лучшего, тем более – всего, тем более – мужчине. Как только ты отдашь ему лучшее и последнее, он сразу уйдет к другой, с которой есть что взять.

– Это эгоизм. И цинизм в какой-то мере.

«Вот я хочу отдавать и хочу, чтобы мне тоже отдавали».

– Это еще и разумный, практичный подход. Вы не согласны?

– Согласен – не согласен, это не так важно. Это ваш материал. А дочка – она кто, по-вашему?

– Дочка была убеждена, что мамка принадлежит ей, прав на собственную личную жизнь не имеет. Папина светлая память – это только повод, я думаю.

– М-да, возможно...

«Вот они, дочки-то, а? Каково!.. Ну, моя-то будет другой».

– Так что – я беру тему? – прервала Рита затянувшиеся раздумья шефа.

– Да, разумеется. Я хочу получить от вас хороший, сочный материал.

– Будет сочный, – запальчиво сказала Марго. – Не сомневайтесь.

– Я в ваших способностях не сомневаюсь. Да, и не забудьте найти способ проконсультироваться с юристом – что в принципе светит этому горе-папаше за связь с несовершеннолетней. Она ведь школьница, девица эта, как я понял?

– Да, десятый класс заканчивает. А про юридический аспект я как-то не подумала, извините.

– Извиняться тут не за что, просто сделайте. Дадим как справку, выноской.

Кажется, Марго хотела спросить еще что-то, но тут зазвонил телефон, и Андрей кивком отпустил девушку.

«Наверное, великий вождь и учитель Михал Юрич Борода прав – без моих публикаций газета утратила мужественность... Пожелтела с лица. Но, может, теперь, когда переходный период позади, буду я хотя бы через номер публиковаться?»

Обедал теперь Андрей почти всегда дома, благо для этого надо было выйти из редакции, обогнуть здание и зайти в подъезд со двора.

Кулинарка из Анны была пока средняя, но Анд рея жидковатые супчики не слишком огорчали – можно было иногда пополдничать в «Макдоналдсе».

– Ты сейчас не очень занят? – спросила Анна, уже наливая чай.

– А что?

Сейчас почти каждый такой вопрос жены его болезненно тревожил – вдруг начинается?

– Ты мне молока топленого не принесешь? В нашем магазине нет, а далеко ходить я не хочу.

– Да принесу, конечно... Ты себя нормально чувствуешь?

– Нормально. Просто до безумия хочу именно топлени. С нашей сестрой такое часто случается.

– Сейчас сбегает, не переживай.

– И еще ряженки пакетик, любимый.

Андрей чмокнул Анну в подбородок на голове и, чуть озабоченный, пошел по молоко в центральный универсам.

«Надо, что ли, у Вали спросить, чего это Аннетту на такие продукты повело? – рассеянно соображал он. – Это хорошо или плохо?»

Проходя мимо ГИБДД, Андрей был разбужен громким скандированием и стуком деревяшек о тротуар. Там, спиной к нему и лицом к окнам служебного здания, выстроился ряд людей, выкрикивавших какую-то речовку и стучавших о мостовую древками знамен.

«О, если кто-то в такие погоды проявляет социальную активность... И это не бабушки-пенсионерки, вышедшие на подработку... Вроде выборов нет? В этом надо разобраться немедленно и конкретно!»

Андрей стал не спеша подбираться к пикетчикам, стараясь разглядеть надписи на самодельных плакатах. Тексты, намалеванные цветными фломастерами, были таковы:

«Здесь врунов нет!», «Честным людям – честные номера!» – и что-то в этом роде.

Поняв, что отчаянно не въезжает в проблему, Андрей решил спросить у протестующих, за что они, собственно, борются.

«Профессиональный долг зовет!»

На несколько секунд манифестанты прервали черлидинг, чтобы отдышаться, в паузу вклинился Андрей.

– Мужики, всем привет, – довольно громко сказал он, раскрывая удостоверение. – Я из «Крестьянской газеты». Что здесь происходит? Ситуацию для прессы проясните, пожалуйста.

Краем глаза Андрей увидел, как пара-тройка милиционеров, наблюдавшая за происходящим, отключила зады от бетонного парапета и напряглась.

«В крайнем случае Михал Юрич выручит», – подумал Андрей и вынул блокнот.

Толпа напряженно молчала. Андрей заметил, что один манифестант, косясь на него, что-то быстро шепчет на ухо другому, а тот мерит его ошалелым взглядом.

«Что – взгляд из прошлого?»

Ведь когда-то, пусть на несколько дней, описание его внешности любимая милиция развесила по всем столбам города... Не так давно это и было.

– А ты сам посмотри, пресса! Вон она, ситуация, поехала! – наконец ответил один из пикетчиков.

Он ткнул пальцем в отъезжавший от здания автомобиль. Андрей оглянулся. Это была новая, чистенькая иномарка.

– А что? – не понял Андрей.

– А номер видел?

– Нет... Не успел.

«У меня легкая, типично интеллигентская близорукость».

– Глянь – еще один! – подсказал ему звонкий девичий голосок.

Номер у тачки был такой – ВРУ 007. Проблема начала просматриваться яснее... 007 – это, конечно, суперкулл, но литеры!

– То есть, если я верно понял, вы против этого «ВРУ», – стараясь сдержать улыбку, уточнил Андрей.

Протестующие заговорили все разом, громко, будто радуясь, что хоть кто-то их слушает. Помогонив минуту, устало примолкли.

– Да, я на такой позорной тачке ездить из принципа не буду! – добавил один. – Я ее

лучше на тещу в соседней области зарегистрирую!

– А у них что за слоган дежурный? – поинтересовался Андрей, почувствовав некий подтекст.

Сообщество обменялось понимающими усмешками.

– А хрен редьки не слаще, – подъял кто-то из толпы, которая свернулась из линии в окружность и замкнулась вокруг Андрея. – Там – МРУ!

Мужики дружно гоготнули.

– А что – для тещи в самый раз, – прокомментировал некто.

– Так, граждане! Что здесь происходит?

Все разом повернули головы на резкий, трескучий голос. Неподалеку стоял капитан милиции в фуражке, не по уставу сдвинутой со лба на затылок.

– Вот, с прессой беседуем – раз ваши начальники нас игнорируют, – довольно мирно сказал парень, который ответил Андрею первым – наверное, заводила процесса.

– А вы откуда? – едва разжимая губы, процедил капитан и перевел взгляд на Андрея.

– Из «Крестьянской газеты».

«Возможно, тут не только историей с номерами пахнет... Ну и хорошо. Мы несколько усугубим ситуацию... Чуть-чуть».

– Документы есть? Предъявите...

– Представьтесь, пожалуйста, – произнес Андрей спокойно. – Как положено. Фамилия, должность...

– Что-о?!

Капитан был Андрею по плечо, и это обстоятельство вряд ли ему нравилось. И что ж это вечно в менты каких-то недомерков берут! Или они лезут в милицию – потому что недомерки. Властью свои комплексы избыывают.

– То, что слышали, товарищ капитан. Представьтесь, будьте любезны.

– Да я... ты!.. А ты еще!.. Та-а-ак!

Капитан, чуть не лопнув, все-таки взял себя в руки.

– Пройдемте! Сейчас разберемся! Мы сейчас со всеми тут разберемся!

Он попытался схватить Андрей за предплечье и поволочь, но разница в весовых категориях не позволила капитану даже сдвинуть его с места.

– Не имеете права, – так же спокойно произнес Андрей. – Я не совершил никаких противоправных действий.

По рядам протестующих прокатился одобрителный ропот – во, не боится! Наш человек!

– Напротив, это вы мешаете журналисту выполнять профессиональные обязанности. Статья двести вторая. Знаете такую? До двух лет лишения свободы.

– Не пойдешь? – просвистел сквозь не разжимающиеся от ярости зубы капитан.

– А почему бы и нет? – светло и наивно улыбнулся Андрей. – Теперь у меня аж два повода побеседовать с вашим начальством. А ну пошли!

Андрей неожиданно для капитана широкими шагами двинулся ко входу в здание. Капитан, опешив, сначала приотстал, потом ему пришлось прибавить шаг, чтобы нагнать Андрея и снова схватить его за предплечье.

– Не надо меня хватать, молодой человек, – процедил Андрей. – Я сам иду!

– Ты у меня пойдешь! Ты у меня далеко пойдешь! – взвизгнул капитан.

«Сказать ему разве – а-а-атстань, пра-а-ативный?»

Очутившись в вестибюле, Андрей все-таки оторвался от несносного ухажера, в два шага очутился у стеклянного загончика дежурного и протянул ему удостоверение.

– Добрый день. Могу я побеседовать с кем-либо из вашего руководства?

Дежурный, лейтенант, молодой и не такой плюгавый, внимательно сверил фото с оригиналом и, не отдавая Андрею удостоверение, хмуро спросил:

– По какому вопросу?

Капитан все крутился рядом, пытаясь вставить слово и заглянуть в красную

книжицу.

– По двум вопросам, – обстоятельно разъяснил Андрей, глядя в глаза лейтенантику. – Во-первых, желаю знать, что за акция протеста проходит там, напротив здания, а во-вторых, меня возмущают противоправные действия вашего коллеги, который сначала помешал мне собирать информацию, а потом... все время меня хватает, хватает руками!.. Слушайте, товарищ капитан! Да перестаньте меня, наконец, лапать, а?! Я вам не девушка, и мы не на тискотеке!

«... пра-а-тив-ный!»

Капитан зашелся, чуть не брызжа слюной, а лейтенант ощутимо страдал, не решаясь сделать замечание старшему по званию.

– Доложите? – участливо спросил Андрей у парня.

Тот, не ответив, стал судорожно набирать чей-то номер, все так же держа удостоверение перед собой. Капитан чуть сдал назад. Слышались невнятные звуки, бормотанье, шарканье ног по камню, все это доставляло Андрею немало удовольствия. Ждет отважный капитан, когда можно будет кинуться и впиться? А не получается...

«Эх, такая погодка кого угодно озверит!.. Я, наверное, не исключение. Я б тоже с кем-нибудь поцапался. Но только не с ментом!»

Дежурный прочитал в трубку богатое содержание его удостоверения.

– Сейчас, подождите. Паспорт есть с собой?

Андрей протянул руку за удостоверением. Чуть поколебавшись, лейтенант отдал его. Тогда Андрей, глядя в никуда, лениво порылся во внутреннем кармане пиджака и достал паспорт.

Капитан за спиной Андрея чуть слышно зарычал. Но это уже не имело значения: лейтенант выписал пропуск и протянул его Андрею.

– Кабинет двести два. Не забудьте отметить пропуск при выходе.

Так и не глянув на капитана, Андрей двинулся к лестнице.

– Так что, пока не выдадим все девятьсот девяносто девять таких номеров, – развел руками подполковник, – новые не появятся. Протестовать бессмысленно. Это реальность. Было бы очень хорошо, если бы вы разъяснили это населению.

«Ага, так и будет – как ни выйдешь на улицу, там – вру, вру, вру! Не повезло нашему району... Но не худший вариант, если задуматься».

Будто услышав его мысли, подполковник хитро прищурился.

– Вы представляете, что происходит сейчас в Сургуте?

– А что? – насторожился Андрей. – Там что? СУР... нет?

– Нет. Этим достались буквы – СРУ. Чуешь? Это не ВРУ и не ГНУ и даже не МРУ.

– Это хуже, да, – вполне серьезно согласился Андрей. – Да, но самые, э-э, неблагозвучные сочетания все-таки были исключены изначально?

– Ну да, – пожал плечами подполковник. – Что сильно сократило количество выдаваемых номеров. Материальное положение населения улучшается, граждане приобретают личный автотранспорт и, соответственно, становятся на учет в ГИБДД... Номеров катастрофически не хватает. Поэтому увеличивается количество зон. Но и они скоро кончатся. Тоже проблема. Скоро, видимо, придется вводить четырехзначные номера. Так... С этим все?

– Да, благодарю. Очень интересно.

Андрей демонстративно убрал блокнот.

– У вас ведь было два вопроса?

– Пообщавшись с вами, я как-то даже заколебался... Вы так доброжелательны, так открыты для общения с прессой. Хотел на вашего коллегу пожаловаться... Но не буду, – широко улыбнулся Андрей.

– Нет, вы скажите, – поскущел подполковник.

– Да так... Капитан один – не знаю фамилии, он не представился... Вклинился в мое

общение с населением, угрожал расправой... Неприятное впечатление, знаете ли.

– Мм, видите ли, здание охраняется силами УВД. В каком-то смысле это не наш сотрудник... Но я распоряжусь, чтобы разобрались...

– Да ладно, – махнул рукой Андрей, поднимаясь.

«Драться с этими людьми?»

На прощание заверив подполковника, что пришлет материал на просмотр и сверку, Андрей ринулся вон из здания – срочно, чтобы не растерять куража.

Проходя к себе мимо Вали, поймал ее вопрошающий взгляд.

– Анечка звонила – ты был недоступен. Она беспокоится.

– У-уй, блин! – хлопнул себя по лбу Андрей, с резким визгом затормозив посреди приемной. – Ох же я и мерзавец!.. Валь, послушай... Ты меня всегда выручала... А?

– Да ты говори, говори...

– Я Ане обещал принести молока и ряженки... И вот, в ментовку попал!

– Да ты что?!

– Ерунда, по глупости... А молока не купил – из головы вылетело! Возьми машину, купи, отвези ей, а? Мне стыдно!.. Я телефон на себя переключу, сам послушаю.

– Да ладно, я схожу, тут недалеко.

Вид у Вали был недоуменный и чуть испуганный.

– Только про милицию ей не говори, скажи – дело срочное подогнали. Хорошо?

... Стараясь не вспоминать, как он гнусно опозорился в качестве заботливого мужа, Андрей вдосталь поиздевался над неказистыми буквосочетаниями в номерах, между делом сообщил читателю, что в крупных зарубежных компаниях есть специальные люди, которые следят за тем, чтобы названия продуктов не совпадали с ругательными словами в языках потенциальных клиентов. К примеру, в языках кечуа и суахили – а иначе брезгливые кечуанцы и целомудренные суахильцы не станут покупать дурнозвучащие холодильники и двусмысленные шампуни. Вот у нас, в России, такого не делается, а жаль. Знали, скажем, создатели «очень вкусного майонеза», что его название на одном довольно распространенном языке означает буквально «козявка в носу», а в фигуральном смысле и вовсе худо – «мразь»? Не знали... Теперь знают!

Закончил Андрей изгиляться практическим советом автолюбителям – во-первых, раз так сложились объективные обстоятельства, не бунтовать понапрасну и взять существующие номера. Во-вторых, если уж совсем в облом будет ездить на отчаянно «врущей» тачке, поставить ее на время в гараж. А в-третьих, дождавшись, когда пойдет другая серия, сменить номер – если не жалко на это времени, сил и полштуки кровных из семейного бюджета.

«Да, но что будет, если сургутские автомобилисты придут к сходным выводам и проведут кампанию искусственного изъятия? И что мы будем делать, когда эти номера, «СРУ», как освободившиеся, плавно, ну, так – в порядке ротации, переместятся в Московскую область?» – подумал Андрей, но писать этого не стал.

Во-первых, было страшно, а во-вторых, тот подполковник по сравнению с остальными ментами был настоящим милягой.

А номер служебного редакционного мерса был МГУ-251, и самому Андрею по понятным причинам очень нравился.

Извиняться вечером перед Анной все же пришлось – она была грустна, хорошенькое личико портили отечность и синие круги под глазами, Андрею было ее ужасно жалко.

– Я просто никак не привыкну быть чьим-то мужем и чьим-то начальником одновременно, – разводил он руками. – Я даже по отдельности не привык!.. Ты меня должна понять и простить... Ну кто, как не ты?

– Я прощаю, – сказала Анна, не глядя на него. – Может, мне на время переехать к маме? Раз ты так занят...

– Что?! Нет!.. Еще не хватало! Лучше я отпуск возьму и буду с тобой сидеть до самых этих... твоих...

– Ну что ты говоришь! – отмахнулась Анна досадливо. – Я же не лежащая больная. Ничего не надо, все в порядке. В конце концов, ты тут, рядом.

Они уже почти месяц спали в разных комнатах; Анна осталась в спальне, которая скоро должна была стать детской, Андрей переехал на диван в гостиной.

«Чем все это может закончиться? Наверное, слишком быстро все произошло... Был я свободный храбрец-молодец, а тут – хлоп-хлоп! – и почти отец. Вот, стихами заговорил... Вот так нас, больных, девки окручивают... Хотя, если б они этого не делали, да еще так виртуозно, род человеческий прекратился бы».

Утром Андрей постарался подольше задержаться дома, усиленно общался с Анной, но к десяти часам надо было, хочешь не хочешь, спускаться в редакцию.

– Вот, Андрей Викторович, товарищ к вам.

Валя бегло, внимательно глянула ему в лицо. Верно, успели вчера с Анной переменить ему косточки за невнимание к беременной жене, и теперь она искала на его физиономии следы раскаяния.

«Не дожидетесь! Обуяли...» В приемной ждал парень, предводитель пикета недовольных автомобилистов.

– А, да... Мы знакомы. Статья по вашей теме будет в следующем номере, – сказал Андрей. – В пятницу читайте.

– Да? Спасибо... Но у меня другое. Можем мы поговорить? Я так приперся... не знал, что вы главный редактор.

– Я пишущий главный редактор. Пойдемте в кабинет. Вас как зовут?

Парень сел, Андрей включил старый диктофон. К новому, бирюлькой висящему на шее, он так и не привык.

Как водится, Максим недоверчиво покосился на горящий хищно-алым глаз агрегата и, старательно подбирая слова, начал рассказывать. История оказалась занятной.

– И ведь кто-то этот знак установил? И как, главное, шустро! Именно там, где наши тачки припаркованы были, а? Вычислили, гады!

«Так, теперь я и мое яркое творчество будет на заметке не только у милиции, МЧС, но и у ГИБДД. И везде меня станут встречать с распростертыми объятиями! Блеск!»

А дело заключалось в следующем. Было ли это простое совпадение или спланированная месть ГИБДД с привлечением вспомогательных дорожных служб, но...

– Значит, пока вы в очередной раз стояли пикетом напротив помещения ГИБДД, на месте парковки ваших автомобилей некто в спешном порядке установил знак, запрещающий парковку. И ваши авто, соответственно, гуртом отправили на штрафстоянку? Я правильно понял?

– Да! Это ж надо, а? Оперативно-то как расстарались! – Макс хлопнул себя по коленям. – У меня жена завуч в школе – так она два года ходила, просила, чтобы у школы знак ограничения скорости поставили или «лежачего полицейского» сделали! Пока ребенка насмерть не сбили, пока подписи родители не собрали, они пальцем о палец не стукнули! А тут – на раз-два! Хорошо, один наш человек на мобильный конец этой акции снял – есть от чего оттолкнуться. А то ведь ничего не докажешь...

– Ну хорошо, – задумался Андрей. – А какова, по-вашему, роль газеты в этом деле?

– Напечатайте, – прожал плечами Максим. – Нам поддержка общественности нужна.

– Да за этим дело не станет. Была бы польза. А вообще... Закон обратной силы не имеет, так что с точки зрения юриспруденции ваше дело правое.

– У нас закон, знаете, как дышло... И пока тачки наши на стоянке парятся – это бабла-то набегит! – Он схватился за голову. – Немерено!

– Лучше заплатить сейчас, а потом вернуть через суд. Плюс моральный ущерб. Вряд ли тут имеется другой выход.

– Да это ж сколько по судам ходить придется!.. Во дела у нас в городе!

Парень повозмущался еще немного, начал было собираться на выход, но замялся на пороге.

– А... слушай... У нас тогда еще у ГИБДД мужики поспорили – это ты коня водяного ухандокал? А? В городе разное болтали... И девчонку какую-то спас?

– Никого я не хандокал, – устало и чуть досадливо разъяснил Андрей. – И коня никакого не было. Девушку у бандюгана одного я отбил, это было. По рылу однозначно наваял за такие дела – чтоб никому не повадно было. А сдох он от паралича сердца, уже потом. Медицинский факт.

– А девчонка та где – знаешь?

– В декрете, – усмехнулся Андрей.

– Че-го-о? – поднял брови Макс.

– Жена моя теперь.

– Ну, дела...

Андрей увидел в глазах Макса искреннее восхищение.

– Да, брат, вот такая история у нас вышла.

Макс ушел, крепко пожав Андрею руку. Андрей мощным усилием смел с лица довольное выражение... Работать, работать надо, а не давними подвигами перед простым народом бахвалиться!

«В сущности, по пустякам мужики-то бодаются – что те, что эти! Мои б заботы им!»

Текст о происках ГИБДД Андрей набросал легко – значит, три номера подряд выйдут с его материалом. А дорожная разметка, ловко, прямо-таки виртуозно нанесенная прямо под припаркованным автомобилями – это находка для первоапрельского номера. Да, уже первоапрельский... Но это шуточки. А потом идут более серьезные вещи – пасхальный номер.

Андрей открыл на компьютере папку «В номер», которую для него заполняла Валя. Материала о Пасхе, довольно давно порученного Маргарите, не было. Андрею это не понравилось. Он нажал кнопку на пульте местной связи.

– Валь, а что у нас Марго – в монастырь к матушке ездила? Почему я материала не вижу? Выясни, пожалуйста.

«Нет, парнишку толкового мне еще одного точно не помешало бы. Пока еще Павлючок вырастет... И братик Виталька тоже сырой совсем. Вот мне же не надо было два раза повторять? Работнички!»

От «воспоминаний о будущем» отвлек стук в дверь. В щелку заглянула Марго.

– Вызывали, Андрей Викторович?

– Да... То есть нет... Ладно, зайдите. Я просто поинтересовался, где материал о Пасхе.

– Я... еще в процессе.

Девушка стояла у двери. Пригласить пройти и сесть? Она вроде этого ждет?

– А когда данный процесс завершится? – Андрей решил не задерживать человека, работающего над срочным материалом.

– Да завтра, наверное. Или послезавтра.

– Я хочу, Маргарита, чтобы он завершился не наверное, а наверняка. И завтра. Иначе мне придется делать материал самому, за счет личного свободного времени, которого у меня и так не слишком много. Я понятно выражаюсь?

– Да, понятно. – Она была явно огорчена. – Я срочно все это...

– Будут вопросы и проблемы – приходите. Но материал надо сдать вовремя.

– Да-да, я все поняла. Извините.

Она выскользнула из кабинета.

«Может, я что-то не так делаю? Нечетко формулирую задания? Недостаточно вежлив? Чего она трясется?... Надо посоветоваться с Михал Юричем – он же мэтр. Кубический мэтр даже. Подскажет».

Андрей набрал внутренний номер своего зама – все-таки крестный отец. Его через секретаря не вызовешь.

– Да, сынок? – по-свойски отозвался Борода.

– Я заскочу? Вы один?

– Один. Давай, сынок, заходи.

– Я у Михал Юрича, – бросил Андрей, пробегая мимо Вали.

Краем глаза Андрей увидел, что рядом с Валею сидит Марго. При его появлении девушка уткнулась в какой-то листок, лежащий рядом с Валиным компьютером.

«Надо было спросить, что у нее за проблемы, – сообразил Андрей, уже оказавшись в коридоре. – Ладно, потом».

– Я вот что. – Андрей поспешно сел.

Ему было не по себе, когда Михал Юрич вставал при его появлении.

– У нас как в редакции – все путем? На ваш взгляд?

– Да, – явно удивился Борода. – У тебя какие-то сомнения?

– Мы не слишком «пожелтели»? А то эти девицы из «Мимозы»... привнесли, так сказать, известный элемент бульварности. Нет?

– Ну, – насупился Борода, – мы не можем позволить себе издавать сугубо политическую газету...

«А вам бы очень хотелось, да, Михал Юрич?»

– ... и некоторая желтизна – это дань читателю ниже среднего культурного уровня. Так все сейчас делают. Иначе газета не будет продаваться.

– Да?... Ну ладно. Если вы это серьезно, ладно.

– Что-то у тебя, я смотрю, настроение не очень... Анечка как себя чувствует?

– Для ее положения вроде нормально.

– Но ты переживаешь...

– Ее жалко дико! Почему мы не морские коньки? Я б ей тогда помог.

– Что?!

Борода явно испугался. Еще один молодой папаша сбрендил...

– Да это я так, – махнул рукой Андрей. – Не берите в голову. Морские коньки, они беременность пополам делят. Первую половину мама, вторую половину папа с пузом плавает. И рождает тоже он. Смешно, да?

– А, ну ты шутишь! – расслабился Борода. – Ничего, сынок, все через это проходят. Все нормально будет. Я Анечке позвоню сегодня. Или зайду даже?

– Ага, давайте. Она рада будет.

Проходя в свой кабинет, Андрей Маргариты рядом с Валею не увидел и почему-то решил ничего у секретаря не спрашивать. Пасхальный материал – это несложно. Вон он как его год назад сделал... С пустого места. И Марго сделает.

На его личный адрес электронной почты пришла «упаковка» – Валя переслала сообщение с пометкой «Нам это интересно?».

Но не успел Андрей щелкнуть мышкой, дверь с треском распахнулась и в кабинет ввалился некий краснолицый субъект мужского пола с вцепившимся в него охранником редакции Лешей и повизгивающей от страха Валею в арьергарде.

Андрей неожиданно для себя вскочил. Мысль – что-то с Анькой!!! – мелькнула и сбежала, напуганная.

– Вы?!! – возопил немолодой, толстый, лысоватый мужчина, одной рукой указывая на Андрея, а другой пытаясь отлепить от себя охранника. – Вы!!!

– Ну, да... я, – сглотнув, выдавил из себя Андрей – чтобы не молчать.

Ноги обмякли – но все-таки меньше, чем при встрече с бурыми.

«Господи, да что ж мы такого напечатали, чтоб так мужика довести?!»

– Вы знаете, кто вы?!! – снова взвизгнул гость, тщетно вырываясь из объятий охранника.

– Я главный редактор газеты «Крестьянская правда», Андрей Полевой, – чуть откашлявшись, ответил Андрей. – А что?

Валя куда-то исчезла.

– Я... я у вас все здесь отсужу! Все!

Свободной рукой прищелец попытался обвести вокруг, подразумевая, видимо,

обстановку кабинета, но из-за того, что композиция из двух тел неловко топталась на пороге, окружность превратилась в мятый эллипс. В кабинете появился еще один охранник, тот, который обычно стоял у входа на этаж. Он перехватил указующий перст агрессора.

– Не смейте меня хватать!

– Пошли, пошли! – прошипел редакционный Леша.

Из-за них в кабинет заглядывала Валя и кто-то еще.

– Алексей, стой!... Чего он хочет-то? – спросил уже начавший злиться Андрей.

– Отпустите меня!

– Прилично води себя, а, мужик? – рявкнул Леша и попытался за шиворот вытащить посетителя вон. – Тогда отпущу.

– Это я – неприлично?... Отпустите меня немедленно!

У полноватого растянулся галстук, выехала пола рубашки, но он все еще сопротивлялся, пытаясь вывернуться из рук «людей в черном».

– Отпустите его, ребята, – бросил Андрей, совсем пришедший в себя.

– А стоит? – осведомился Леша, криво ухмыляясь. – Может, ментов вызвать?

– Не стоит пока. Может, он чего путного скажет, – откровенно издевательски сказал Андрей.

Предположений, чем старушка «Крестьянка» так уязвила этого субъекта, не было, и поэтому стало интересно. Охранники осторожно, подозрительно косясь на посетителя, ослабили хватку. Мужчина стряхнул с себя их руки и, усиленно сопя, попытался привести себя в порядок. Он вернул на место скинутый на спину серый пиджак, поправил галстук. В секретарском предбаннике накапливались привлеченные шумом сотрудники. Андрей увидел широко раскрытые, обалделые глаза Михал Юрича и почему-то почувствовал себя увереннее.

– Может, представитесь, сударь?

В предбаннике воцарилась тишина.

– Я – сын Анастасии Степановны Прянишниковой! – вскинул подбородок пришелец. – И я все это у вас отсужу!

По предбаннику прокатился недоуменный ропот.

– Вы – сын Настасьи Степановны?! – вполне искренне удивился Андрей.

– Да, я ее родной сын! Куда вы дели мою мать?!

Он рванулся вперед, намереваясь вцепиться в Андрея. Охранники, которых, видимо, не обмануло временное затишье, снова взяли его в клещи.

– Трудно поверить, что вы ее сын, – выпятил губу Андрей. – Настасья Степановна для нас образец интеллигентности и деликатности... Вы ничего не путаете?

– Где моя мать?! – истерично взвизгнул визитер.

– Да как вам сказать... В конце февраля мы весело отпраздновали ее семидесятилетний юбилей и отправили отдыхать в Венгрию.

– Венгрию?! Какую Венгрию? Что вы врете?! – снова подскочил на месте гость.

– Может, все-таки сдать его на хрен? – предложил начавший уставать охранник из вестибюля. – Надоел, гад... Неадекватный какой-то.

– Сейчас, погодите... Сдать его, тем более на хрен, не проблема. – Андрей задумался. – Если господин Прянишников – вас ведь так величать? – обещает вести себя спокойно, мы его выслушаем и, возможно, даже поможем в его прискорбном положении. Попробуете?... Ребята, вы как?

– Хорошо, – неохотно пробормотал Прянишников, поводя плечами.

Охранники, переглянувшись, отпустили его.

– Так что вы имели нам сообщить?

– Где моя мать? – уже не так решительно спросил Прянишников.

– Я вам сказал – ваша матушка отпраздновала с нами, искренне уважающими ее людьми, свое славное семидесятилетие и уехала на курорт в Венгрию подлечить суставы.

Прянишников не нашел что сказать, вынул из кармана пиджака носовой платок и вытер

лысоватый, гармошкой, лоб.

– Насколько я помню, она должна вернуться на днях, – продолжил Андрей. – Я прав, Валентина Николаевна?

– В понедельник в Шереметьево встречать поедом, – ответила Валя из-за спин сотрудников.

В приемной уже давно дребезжал телефон, но все были слишком увлечены происходящим, чтобы снять трубку.

– Вот... А вы расстраивались. – Андрей широко улыбнулся. – Вернется ваша матушка, да еще как новенькая будет.

– Я все равно у вас это отсужу, – упрямо повторил Прянишников, решительно, но неловко заправляя рубашку под брючный ремень.

– Да о чем вы? – всплеснул руками Андрей. – Толком можете сказать?

– Я отсужу... у вас.

Он оглянулся на приемную, заполненную людьми.

– Что и у кого вы собираетесь отсуживать, господин Прянишников, объясните членораздельно.

– Вот это все.

Он почему-то невежливо ткнул пальцем в толпу, находившуюся у него за спиной.

– А с нами судиться без толку. Нам здесь ничего не принадлежит, – терпеливо объяснил Андрей.

Борода показал ему два сжатых кулака – так его, так!

– Анастасия Степановна, – вкрадчиво продолжил Андрей, – владелица нашего медийного предприятия, а мы, все здесь присутствующие, – наемные работники. И с кем это вы здесь судиться вздумали, не представляю!

Андрей презрительно скривился.

– Тогда я у нее отсужу, – пробормотал Прянишников.

– Как-как?! – Андрей наклонил голову и сделал шаг в сторону посетителя.

Охранники, не поняв посылы, встрепнулись – может, и его, чего доброго, заломать придется?

– Вы что – с родной матерью сутяжничать надумали?

По толпе снова прокатился негромкий шум. Прянишников нервно дернулся и глянул через плечо. Андрей подступил к нему еще на шаг.

– Не слышу ответа.

– А чего она с нами не поделилась? – закинул голову Прянишников, и Андрей наконец разглядел его лицо, немолодое, какое-то невнятно-одутловатое, откровенно расстроенное. – У нее двое внуков, а она... в Венгрию...

– А вы бы приезжали, да с внуками, да почаще, с праздниками маму-бабушку хоть изредка поздравляли, – нарочито приторным голосом пояснил Андрей, – тогда бы такой ситуации, когда пожилая дама к чужим людям со своими проблемами идет, не сложилось.

Прянишников покрутил головой, затягивая галстук. Он мельком оглянулся на дверь – путь наружу закрывали сотрудники редакции, внимательно следившие за происходящим.

– А деньгами своими она будет распоряжаться сама – как пожелает. Это понятно?

Похоже, Прянишников собирался их покинуть.

«Не будем ему мешать в этом благом начинании», – подумал Андрей и громко сказал:

– Охрана! Проводите господина Прянишникова до выхода, будьте так любезны.

Гость с трудом оторвал ноги от пола, развернулся и пошел прочь. Андрей не удержался и негромко прогундел ему вслед:

– А Настасью Степановну мы нежно любим, искренне уважаем и в обиду никому не дадим, даже родному сыну.

Народ нехотя расступился, помятая серая спина исчезла.

– Так! – не сумев вовремя притормозить, рывкнул Андрей на коллег. – У нас что, номер уже сдан? Или как?... Ну-ка все быстро по стойлам!

Не видя немедленного всеобщего послушания, он ринулся из кабинета в приемную. Народ отпрянул, сбился в плотную стайку, тихонько галдя, зашпешил вон. Через несколько секунд приемная опустела. Остались только взъерошенная, в красных пятнах Валя и прижавшаяся к стенке Марго – очевидно, ее оттеснили напуганные хозяйским окриком коллеги.

– Андрюша, может, чаю? – робко предложила Валя.

– Нет! Валерьянки! Семьсот тридцать капель... Марго, вы чего-то хотели?

– Я... ничего. Я... просто в шоке. Сейчас пойду. – Она глубоко вздохнула, приложила руку к пышному бюсту. – Вы так здорово держались... Как Зевс-громовержец.

– Да, я такой. – Андрей прошел к себе.

На столе заливался городской телефон. Номер на определителе был домашний.

– Господи, Андрюшик, что у вас там творится?! Ни по одному телефону дозвониться не могу!

Андрей хотел ляпнуть про «бандитский наезд», но вовремя прикусил язык.

– Извини, рыбка, тут такое дело было...

– Но ты в порядке?

– Да, да, все о'кей, солнышко. Просто неожиданно объявился родненький сынок Настась степанны и потребовал выделить ему долю имеющихся богатств.

– Ой... А ты разве можешь?

– Нет, но он не хотел понимать, и я разъяснял ему ситуацию – популярно, то есть сугубо матерно.

– Да? – Анна едва слышно хихикнула. – Не слышала тебя в этой партии.

– Еще услышишь.

– Ага, ну ладно... А ты обедать придешь?

Судя по голосу, она уже успокоилась.

– Мм, я лучше пораньше поужинаю. Идет?

– Ну смотри... Ты правда в порядке?

– В полном, лапка. Целую.

Андрей положил трубку и только потом вспомнил, что не спросил, как Анна себя чувствует, обругал себя «мерзайцем попоухим» и «свиньей подкольной». Изобретения были Виталькины, школьные еще, но сейчас пошли неплохо, в тему.

«А чем я занимался, когда все это бузотерство началось?»

Компьютер заснул и, будучи бесцеремонно растолкан, показал боксик с электронной почтой и вопросом «Нам это интересно?».

«Нам все интересно!» – сказал Андрей, хоть и без особого энтузиазма, и чуть было не кликнул мышкой. Но...

«Ох, все-таки надо узнать поточнее! Что еще этому лысому в голову взбредет?»

Он нажал на клавишу внутренней связи.

– Михал Юрич, зайдете? У меня ноги не идут, простите.

– Да, да, сынок, я сейчас, сейчас!

– ... Ты не волнуйся, я попрошу там... Наши ребята отследят. Но шансов у этого прохиндея никаких, не волнуйся. Наше дело правое.

– Ваши слова да Богу в уши, Михал Юрич.

Борода ушел, хмыкая и сокрушенно вертя головой.

«Не слишком он уверен в правоте нашего дела...» Работать хотелось, как топиться в ноябре. Было половина четвертого.

«Пойду-ка я домой, к любимой жене, а? Этот день у меня за три пойдет – как на военных действиях».

– Меня сегодня не будет, – бросил Вале на ходу.

«Во, пройдуся-ка я по воздуху, – подумал, выйдя из здания. – Апрель на подходе. И Аньке вот-вот рожать... Свободы и покоя осталось на два вершка».

В том, что эта сцена далась ему совсем нелегко, признаваться не хотелось, ни себе, ни

кому-то еще. Михал Юрич – не в счет. Ему можно.

«Но Марго же восхитилась тем, как я держался? – утешил себя Андрей. – Значит, и другие оценили... Все в порядке».

– Значит, Михал Юрич уверен, что газете ничего не грозит? – уже не в первый раз за вечер спросила Анна.

– Ань, я, кажется, сказал.

– Ну, это я так. В порядке уточнения.

Но Андрей заметил: она каким-то испуганным взглядом окинула их гостиную. Боялась, что красно-лысый выгонит из казенной квартиры, разрушит недавно устоявшееся благополучие.

– Ань, не надо этого, а?

– А я что? – подняла она преувеличенно удивленные глаза.

– Ты знаешь что. У тебя и у ребенка будет все, что нужно, – здесь, в другом месте, не важно.

– А я ничего... Чай будешь?

– Попозже.

Андрей включил телевизор.

В конце концов, у них есть однушка – наследство почившей бабушки Екатерины Васильевны. Правда, мысль о переселении в эту пропахшую старухой квартирнку внушала Андрею почти животный ужас, но, в конце концов, его жена и дочка не будут мотаться по чужим углам. А в той квартирке можно ремонт сделать. И батюшку пригласить – помолиться, покадить, водичкой святой побрызгать...

«Да все нормально будет... Нервы у меня никуда, да, это есть. Урыл бы гада, как того конягу, не будь он Настасьестепанны сынок... Во детишечки! «У матери отсужу!»... Надо бы расписать его как следует, чтоб другим nepовадно было. А и распишу!»

Тут Андрей вспомнил, что так и не посмотрел почту.

Первое, что он сделал, ввалившись в кабинет утром, – кликнул на сообщение, глядевшее на него с экрана обиженным красным глазком. Было оно небезынтересным.

– Валь, а где наш ведущий детектив? – спросил Андрей в микрофон местной связи.

– Стасик на задании. Найти его?

– Нет, раз работает, не надо. Но как появится, пусть сразу зайдет.

– Он, Андрюша, в районе, – терпеливо разъяснила Валя.

– Ага... Ну ладно. Это не срочно.

«Это не срочно. Но это интересно».

Михал Юрич переслал ему любопытное сообщение. Не сделать ли самому? Криминальная составляющая была там постольку-поскольку – ну, подрались муж с женой на почве ревности, и что? Интересным было другое – возраст ревнивца и объекта ревности. Обоим было за восемьдесят.

– Михал Юрич, а как бы мне в тюрьму попасть? – спросил Андрей в ответ на ласковое «Да, сынок?».

Борода издал невнятный звук, но быстро сориентировался.

«Ведь знал, что напугаю старика... Гад я, гад!»

– Оценил темку, да?

– Оценил. Я сам хочу пойти. Тем более Стас на задании.

– А, ну давай... Подойдешь ко мне?

«Во, второй год я здесь обретаюсь, а в тюрьму так и не попал... Даже как-то неудобно. Но пришел долгожданный момент!.. Надо хоть с любимой женой попрощаться».

– Анюта, как дела?

– Еще не родила, если ты об этом. – Анна хихикнула.

– Это хорошо... Продержись, пожалуйста, до вечера – я тут в тюрьму решил наведаться... Ладно?

– Куда?!

«Ох, зря это опять... Похоже, она испугалась всерьез».

– Да интервью у старичка одного взять хочу, а он в тюрьме. На обед, наверное, опоздаю, сразу ужинать приду.

– Хорошо, но не задерживайся.

– Ну, достала она меня! Достала! Изменами своими... Ведь с каждым, с каждым!

Одет был преступник в старый свитер крупной вязки и линялые молодежные джинсы.

Разглядев арестанта, Андрей изрядно удивился – Михал Юрич сказал, что ревнивцу, бросившемуся на неверную супругу с кухонным ножом, было под девяносто. Но выглядел несостоявшийся убийца Терентьев чуть ли не моложе его тестя, который еще не вышел на пенсию. Подтянутая фигура, гладкое, свежее лицо – уже месяц сидит, а еще румяный. Хоть снова жениться. И снова бешено ревновать жену... Андрей уже начал сомневаться в верности добытых Бородой фактов.

– А, простите, сколько лет вашей жене?

– «Жене»! – потряс головой преступник. – Жена называется...

– Нет, а все-таки? Это важно – для точности.

– Да вот зимой восемьдесят лет отмечали... Гостей пригласили! А она – сидит и подмигивает всем, глазки строит... Даже сыну родному – это как?

– Сыну? – не понял Андрей.

– Да, приезжал же... Я еще когда за ними это заметил! Когда Сашка только из армии пришел. Надо ж ей было такое удумать – сына родного соблазнять? А? Как ни придешь – они сидят в уголку и шушукуются. И шу-шу-шу! И шу-шу-шу!..

– Что в этом такого – мать с сыном общаются? Это же естественно.

– А как я зайду – сразу замолкают и – шнырк! – расходятся. Это естественно? Я спрашиваю – это естественно?!

Старик, будто дикобраз, периодически выбрасывал в окружающее пространство колючки злой, отчаянной энергии. Видно было, что страдает... Искренне страдает. Обманутый, опозоренный муж...

– Возможно, это оттого, что вы неадекватно реагировали.

– Это они неадекватно... Чтоб родная мать родного сына соблазняла, а?!

– Да с чего вы решили-то? – с трудом сдерживая раздражение, спросил Андрей.

– Да видно же! То по головке погладит, то обнимет... Ему двадцать, ей сорок... Молодого захотелось!

– То есть, если я правильно понял, вы ревновали жену к вашему общему, родному сыну?

– Да какая здесь ревность-то! Ты что, парень?!

Терентьев вскочил и заметался по комнате для допросов. Молоденький милиционер-дежурный, стоявший поодаль, тоже встрепенулся. Андрей сделал жест рукой – я на стреме, расслабься.

Старик стал нервно ходить по допроске, где им разрешили поговорить. Мрачное помещение с одним маленьким окошком, почти под потолком. Три шага туда, три шага сюда. И какой-то неуловимый, мерзко-кислый запах.

– Ревнуют-то красивых, видных, а бабка моя – она всегда страшная была, – продолжил монолог подмосковный Отелло. – Я специально на такой женился – думал, никому не нужна будет, гулять от меня не станет, как другие... А она хуже любой крали оказалась! Чуть я за порог, она – готово дело! – пошла по мужикам!

– И что – много желающих находилось? С учетом ее, как вы говорите, непривлекательной внешности, – спокойно уточнил Андрей.

– Да толпами ходили! С утра до ночи! Эх!.. Что там говорить!

Андрей мельком переглянулся с охранником. Тот был явно в замешательстве, даже зарумянился в душной атмосфере допроски. Наверное, нечасто такие «преступники»

встречались.

– Всю жизнь мне испохабила, проститутка!

Терентьев крепко приложил худыми кулаками по столешнице. Любимый Андреев зверек диктофонной породы слегка подпрыгнул, но остался стоять, преданно косясь на хозяина красным глазком. Они помолчали.

– А ты ведь мне не поверил, парень, – покачав головой арестант.

– Откровенно говоря, господин Терентьев, нет. Точнее, я не понимаю, как это все может быть на самом деле. Я еще могу понять, что сравнительно некрасивая женщина пользовалась успехом в молодости. Но в таком преклонном возрасте?... Я просто не представляю себе мужчин, тем более в большом количестве, желавших, так сказать, вступить в интимную связь с пожилой дамой. Может, вы поясните? Тогда б я понял и, возможно, поверил непорядочности вашей супруги. А?

Терентьев глядел в пространство, горько вздыхал, сжимал и разжимал кулаки. Пауза затягивалась.

– Так что, господин Терентьев? Как вы объясните такой необыкновенный успех пожилой, непривлекательной женщины?

– Не зна-а-аю, – выдавил из себя Отелло и, кажется, прослезился. – Я сына родного из дома выгнал из-за нее...

– Как? – встряхнул головой Андрей.

– Да тогда же, давно... Когда он из армии вернулся... Не мог их разврата терпеть. А все она!..

«Ой, дедуля, ну ты же и псих отпадный! Жизнь твоя закончится в тюремной психушке, и поделом! А бабулю твою мне жалко».

– Да почему ж вы не развелись с ней? – почти перестав сдерживать дикое раздражение, спросил Андрей. – Расстались бы, и страданиям конец.

– Ага, конечно! – зло, исподлобья глянул на него Терентьев. – Чтоб она вообще направо и налево гуляла?! Ну уж нет... Я ее специально с работы снял, чтобы она дома сидела, соседей просил приглядывать... Я ж на двух работах, чтоб денег хватало. А она все равно – чуть я из дома... Что – не веришь?

– Откровенно, эта история представляется мне неправдоподобной. Знаете – если женщина хочет изменить... Она всегда найдет способ сделать это так, чтобы муж не знал. Кстати, еще вопрос, если позволите...

– А? – В покрасневших глазах Терентьева мелькнул огонек.

«Думает – поверил и посочувствую? Ну нет... Не люблю старух, но таких стариков-извращенцев люблю еще меньше».

– Хотя бы один случай измены вы наверняка засекли? Ну так, между нами, мужчинами... Застали, к примеру, жену в постели с другим. Поймали?

– Это нет, – криво усмехнулся Терентьев. – Как ни старался – нет!.. Даже морду толком набить ей было не за что... Правильно ты говоришь, хоть и молодой. Они это умеют, ох умеют! Как ни старался, не смог поймать! Хитра же была, стерва! Всегда сухой из воды выходила!

«Ох, про это не надо!»

– Никак поймать не мог, – стонал Терентьев, – всю жизнь на это положил...

– И что – не жалеете? Что жизнь на такое потратили? – уж вовсе не скрывая иронии, ухмыльнулся Андрей.

– Глумишься? – махнул рукой в его сторону Терентьев. – Я в камеру хочу!

Милиционер дернулся, стукнул в дверь, та открылась, но арестант резко обернулся на пороге.

– А вот где твоя жена, ты знаешь?

– Знаю, – пожал плечами Андрей. – Дома.

– Уверен, да?

– Я в себе уверен, господин Терентьев, – сказал Андрей, тоже вставая.

Старик хмыкнул – ну-ну, давай, верь дальше.

– И она у меня, кстати, редкая красавица.

Тихо всхрипнув и не попрощавшись, старик исчез.

«Да, в камере такому самое место... Хотя палата в закрытой психушке подошла бы не хуже».

– Ну как, товарищ корреспондент, побеседовали? Все хорошо? – бодро, даже радостно осведомился начальник тюрьмы, плотный головастый майор. – Вид у вас... не очень. Не хулиганил?

– Нет, но редкостно неприятный тип оказался. У меня самочувствие – будто я вагон угля разгрузил.

– Да, я заметил... Хоть и недолго общался. Заметил...

– Но за предоставленную возможность спасибо.

Андрей с усилием развернул плечи.

– Я вам благодарность объявлю через газету. Ладно?

– Ну, если так положено, – развел руками явно довольный майор.

– Да... А чем у вас здесь пахнет, не скажете? Очень специфический запах.

– А все места заключения так пахнут. Все, как одно. Трудно сказать почему, но это так. Я переодеваюсь, чтобы домой эту вонь не таскать.

«Это, наверное, какой-то фермент страха и отчаяния, который выделяют все попавшие сюда люди. Интересно у специалистов спросить», – размышлял Андрей по дороге.

Появляться дома в таком состоянии не хотелось.

– Валь, Оксану разыщи, пожалуйста, – прямо с порога попросил Андрей.

– Ага, хорошо. Ты чё такой? – по-свойски спросила Валя, поскольку в приемной никого не было.

– Жуткого типа интервьюировал. Расстарался Борода, ничего не скажешь. Или отвык я от практической работы?...

Через десять минут в дверь стукнули, в кабинет просунулась рыжая Ксанкина голова.

– Вызывали?

– Да, Оксана, войдите, присаживайтесь.

Девушка села, положила перед собой блокнот, с готовностью посмотрела крапчатыми глазами навывкате.

– Ксан, пожалуйста, разыщите в стационаре горбольницы некую мадам Терентьеву, пожилую даму – ее муж убить пытался...

– Муж – пожилую?! – подпрыгнула девушка, похоже, даже радуясь. – Молодой, что ли? Наследства дожидаться не мог?

– Нет, они люди небогатые, ровесники. Возьмите у нее по возможности небольшое интервью – мне бы хотелось понять, что держит женщин рядом с гнусными типами. Понятно?

– Ну да. – Оксана попыталась сдержать улыбку, но не смогла. – «Что держит женщин рядом с гнусными типами» – моя тема! Еще с «Мимозы».

– Замечательно, – тоже невольно улыбнулся Андрей. – И если удастся, найдите психиатра или психолога, лучше судебного, чтоб высказался по поводу патологической ревности.

– А бывает непатологическая ревность?

– Ну, наверное, – опять усмехнулся Андрей, вспомнив попытку Терентьева заразить его своим недугом. – Вот вы и выясните. Это через номер пойдет, но лучше не откладывать.

Дома Андрей был вовремя, вроде успокоился. Но Анна заметила: что-то не так.

– Да ничего особенного не случилось, Анюта... Полуубийца этот отвратным субъектом оказался. Как все злодеи в принципе... А так – ничего.

Он все-таки рассказал ей за ужином про встречу в допроске.

– А ты меня ревновать не будешь? – кокетливо осведомилась Анна, словно почувствовала что-то.

– И не подумаю, – выпятил губу Андрей. – Я свое отревновал. Куда ты теперь от меня денешься?

– Ах вот как! Расслабился и успокоился, значит?

– Ага... А зачем тогда вообще жениться? Чтоб было где и с кем расслабиться.

– Ну-ну... Я это запомню! – погрозила Анна пальчиком.

Потом они сидели в гостиной, смотрели какое-то шумливое бестолк-шоу и комментировали идиотизм происходящего. Уже поздно вечером Анна мимоходом заметила, что дочка перестала «гулять по животу».

– А что? – всполошился Андрей. – С ней... что-то не так? Может, врача вызовем?

– Да нет, нет, – махнула рукой Анна. – Все в порядке. Извини, если напугала. Это значит, она уже на выход готова и силы копит.

Андрей нарочито вздохнул.

– Ну ты, если что, сразу мне или Вале звони...

– Не волнуйся. Все будет в порядке. Не в деревне же... Отвезут-привезут.

Наутро Андрея, прямо в коридоре, перехватил посетитель – он как-то ухитрился пройти мимо охраны.

– Это ведь вы про мишек писали, да? – чуть ли не схватил его за рукав мужичок старшего пенсионного возраста. – Я вас по фотографии узнал!

Так, с цепко повисшим на рукаве ветераном, Андрей дошел до приемной. Валя, увидев вторженца, нахмурила брови и стала медленно подниматься из-за стола.

– Ничего, Валентина Николаевна, я побеседую с товарищем.

Мужичка, хорошо подготовившегося к беседе, пришлось завести в кабинет и усадить за стол.

– Очень нам ваша заметка понравилась...

«Можно было обидеться на «заметку» – в другой ситуации... Но ветеранам колхозного строя прощается неосведомленность в журналистских жанрах».

– И у нас в районе мишки бунтуют, ага! Совсем распоясались!.. А дела до этого никому нет!

Они уже чуть ли не в хаты забираются, а сделать ничего нельзя.

– И где эти события имеют место?

Посетитель назвал соседний к северу район.

– А что, нашу газету и там читают? – удивился Андрей.

– Да, да!.. Привозят, если случится... Вот вы бы, товарищ редактор, про нас тоже... Может, хоть кто-то озаботится этим.

Старик буквально поедал его хитрыми, удивительно живыми глазками.

– Видите ли... Раз это не наш район, формально мнение нашей газеты руководство вашего района не интересуется. Спасибо, конечно, за добрые слова, но обращайтесь в свою районную газету. Тогда, возможно, от этого будет какой-то толк.

– Да что там наша газета! – махнул рукой посетитель. – Реклама одна и администрация со своей кодлой... Вот у вас газета так газета!.. Может быть, приедете? Пропечатаете как следует? А то больно косолапые озоруют... Собак дворовых дерут, погребя разоряют. А намерен мишка целый улей в лес уволок.

– Ну да? – неподдельно удивился Андрей.

– Ага! Лапами подталкивает, за крышу ворочает – так и уволок... Пчелки-то, они, пока холодно, квелые, за свое добро постоять не могут. Так и скоммуниздил улей, вражина бурый. А пасека для нашего села – кормилица. Если они повадятся, мы всей деревней лапу сосать зимой будем – не хуже тех мишек.

– Ну, это действительно сущее безобразие, – искренне согласился Андрей.

Он вывел просителя в приемную.

– Валентина Николаевна, запишите у товарища все данные, соберите ему несколько номеров газеты и чаем напоите на дорогу.

Ветеран, довольно крикнув, полез жать Андрею руку. Его ладошка была сухой, теплой и гладкой.

«Поразишься, как простому народу непривычно элементарное внимание... Пять минут сердечного разговора – и он уже счастлив».

– А вот, молодой человек... – Старик как-то сник, внимательно глядя Андрею в глаза. – Не знаю даже, как сказать... Говорят, у вас в газете парень один работает... Ну, может с нечистой силой сладить, помочь народу... А? Его нельзя ли нам прислать?

– Не понимаю, о чем вы, – досадливо тряхнул головой Андрей. – Нечистая сила – это не по нашей части. Мы стоим на четких материалистических позициях. Дайте секретарю ваши координаты, я решу, как вам помочь. Медведи – это серьезно. А с нечистой силой – это в церковь.

Андрей перехватил хитрый Валин взгляд и намерился вернуться в кабинет, но вдруг услышал:

– Граждане, а где здесь объявление можно подать?

– Здесь, но по четвергам, – ответила Валя.

– Ох, а сейчас прямо нельзя? Мне далеко, не с руки еще раз ездить.

Валя подняла глаза на Андрея. Тот кивнул.

– Ну ладно, давайте, что там у вас.

Невысокий, крепкий мужичок прошел в приемную и сел. Одет он был в недешевый цивильный костюм, но к одежке этой явно не привык. Андрей ушел к себе, но оставил дверь открытой, чтобы слышать разговор.

– Текст готовый есть? – деловито осведомилась Валя.

– Нет, я думал, вы мне поможете... Я как-то не очень по этой части. А?

– Валентина Николаевна, Зою вызовите, – громко сказал Андрей. – Пусть возьмет информацию у товарища.

Ему почему-то показалось, что у дядьки есть что-то интересное. И не ошибся.

– Ну, вот я и хочу это сооружение, ну, что ли, в аренду отдать... Пусть бы там музей сделали или что-то навроде гостиницы. Интересно же!.. Эпоха холодной войны и все такое. Иностранцев бы привозили. Всё доход – и мне, и в казну. Я наподобие такого видел по телевизору. В Литве, что ли? Только мое чудо-юдо подземное куда забористее.

Андрей не усидел за столом, вышел, встал в дверях кабинета. Борец с медведями ушел. Зоя-рекламщица сидела рядом с Валею и писала что-то в блокноте. Андрей уловил Валин взгляд – давай присоединяйся. Вроде тут не только на рекламное объявление тянет.

– Мне кажется, – сказала она, – Николай Александрович, есть смысл послать к вам нашего корреспондента и сделать более информативный, чем простое объявление, материал. Вы как?

– А это дорого будет? – насторожился мужичок – никак, разводят на деньги!

– Это будет стоить так же, – терпеливо объяснила Валя. – За рекламное объявление вы заплатите по нашим обычным расценкам, а информационный материал – это уж наши хлопоты. Реклама такого размера очень дорого стоит, а кто-то из наших ведущих корреспондентов... – Валя еще раз посмотрела на Андрея, – приедет к вам и сделает большой репортаж. Хорошо?

– Хорошо, – задумался рекламодатель. – Если по той же цене, то хорошо.

– Это ты меня ангажировала, что ли? – поинтересовался Андрей у Вали, когда посетитель, немного озадаченный, ушел.

– Ага, поедь, посмотри, что он там у себя на участке нарыл, – хмыкнула Валя. – Может, в этот номер успеешь.

Андрей молчал, напряженно думая.

– Или пошли кого-нибудь. Но по-моему, это твой материал – если я что-то в работе соображаю.

– Да я сама съезжу! – предложила Зоя. – Я же тоже нормально пишу.

– Давай я тебе лучше мишек поручу? – ухмыльнулся Андрей, представив себе

упитанную, румяную Зою, к которой, ворча от вожделения, присматривается пара-тройка тощих, в прошлогодней свалывшейся шерсти шатунов.

– Ка-какие мишки?! – чуть испугалась Зоя.

– Расслабься, – махнул Андрей рукой. – Если хочешь, завтра к этому бункеровладельцу вместе поедem. Хочешь?

– Да, – не очень уверенно согласилась Зоя. – Хотя в четырех стенах не сидеть.

– Значит, завтра! Валь, машину, маршрут и Диму. И чтоб к девяти все как штык!

«Наверняка девчонки будут обсуждать мою адекватность, – подумал Андрей, прикрывая за собой тяжелую дверь. – А что – для будущего отца я, по-моему, неплохо держусь... Вот и в соседних областях мою газету читают, ходоки двинули... Вполне на уровне».

Наутро Андрей с Зоей и шофером Димой выехали в район, через северную окраину. Быстро промелькнули одноэтажные пригороды, пошли поля, очистившиеся от скудного в этом году снега. Эти поля летом будут производить на свет местный эксклюзив – сладкий, но редкостно слезоточивый лук, лиловый, как турецкая сирень. Лучок действительно был хорош, особенно с селедочкой, хотя и в полтора-два раза дороже обычного, желтого. Когда-то Андрей клятвенно обещал маме, что осенью привезет его так много, как сможет. Но пока не расстарался...

Через полчаса они заезжали в усадьбу к луковому барону. Коль скоро Борода попросил его взять у Николая Александровича дополнительную информацию, пришлось для начала интервьюировать по вопроснику.

– А зачем это? – опасливо осведомился Николай Александрович, когда они пили чай.

– Ну, мы ведь «Крестьянская газета» называемся, правда? Нам надо знать, что за люди нас читают в сельской местности, каковы их интересы... Вы нас выписываете?

– Нет, только покупаем – когда в городе кто-нибудь бывает.

– А почему?

– Не доставляют сюда газеты. Мы пробовали... Не доставляют. Деньги берут, а потом ищи-свищи.

– Во-о-от! Еще одна горячая тема! – «обрадовалась» Зоя, делая пометки в блокноте. – Мы с этим разберемся.

Кажется, хозяин наконец поверил в их искренность.

– А теперь, Николай Александрович, поведайте нам о вашем открытии. – Андрей включил диктофон. – Как и когда вы обнаружили бункер на своем участке?

– А так и обнаружил... Я землю эту, можно сказать, не глядя покупал. Почва здесь везде неплохая, цена сходная – дома же здесь не поставишь, далеко от города. Ну и купил. А на гражданских картах, сам прикинь, парень, такие объекты не отмечались. И в кадастровом плане соответственно не было ничего такого. Вот... А когда стал понемногу расширяться, я на этот люк и наткнулся. Даже не я, ребята, которые землю поднимали. Зацепили крышку трактором, открыли – а там! – Фермер схватился за лоб. – Ходы-переходы!..

Двери, помещения!.. Верись – до сих пор электричество подведено, лампочки горят и вентиляция действует! А?... Да поехали, сами увидите.

«Ох, увидеть-то увижу... А рассказать кому-то смогу?» – с сомнением вздохнул Андрей.

– А вы сами туда спускались? – уточнил опасливо Андрей, когда они садились в винтажный фермерский уазик. – Дима остался в редакционной машине – прикрывать пути к отступлению.

– А как же, – солидно уверил фермер. – Сам все обходил, осмотрел... Не видел, разве говорил бы?

«Ну, раз он живым ушел, может, нам и свезет».

– И когда же это сооружение законсервировали? – поинтересовалась Зоя.

Она была одета в камуфляжную форму и башмаки с высокой шнуровкой – типичная

боевая подруга.

– Ну, как мы с американцами дружить взасос начали – видимо, тогда. Других предположений нет. Вы журналисты, вы и выясните. Мое дело заплатить.

– Тоже верно, – деловито согласилась Зоя.

Видимо, к местной достопримечательности ходили довольно часто, от однополосной грунтовой дороги к видневшейся в полукилометре опушке леса вела узенькая, в один след, стежка. По обе стороны от нее расселись четкими рядами грядки, пока пустые.

– Здесь вы лук сажаете? – спросил Андрей.

– Здесь... А он уже сидит. Не взошел еще просто. Холодно.

«Останется время, надо будет спросить, какой лук бывает... Озимый, яровой и этот... перелетно-гнездовой».

Они подошли почти к границе леса, начинавшегося за неширокой полоской кустарника.

– Вот тут-то мы его, родимого, и обнаружили.

Николай Александрович указал на слегка заглубленную круглую металлическую крышку метр с чем-то в диаметре, с металлической ручкой.

– Вот, если ее землей присыпать – в двух шагах пройдешь и не заметишь, а?... Ну-ка, господин журналист, давай вдвоем! И р-раз!

Крышка банки с тайнами отпала, смачно плюхнувшись в грязь.

– Что, спускаемся? – предложил луковый барон.

– А нас того, – усмехнулся Андрей, – никто там не закроет? Шутки ради?

– Да нет!.. – беззаботно отмахнулся фермер. – Ну, если и закроет? Жена ж знает, куда я пошел, побеспокоится. Давайте я первый. Там лесенка, но она небольшая, потом ступени. Первый пошел!..

Фермер нырнул в зев колодца.

– Так, Зой, – сказал Андрей, – ты сейчас – я замыкающий, о'кей? Руку дай.

– Как пожелаете, Андрей Викторович, – улыбнулась Зоя и, забавно отклячив аппетитную попку, полезла в заброшенный филиал преисподней.

Услышав из глубин бодрое Зоино «Третий пошел!», Андрей слегка удивился. Он постоял, собираясь с духом, десять секунд, и, осторожно прощупывая ногами перекладыны – не рухнуть бы! – стал спускаться.

Колодец действительно оказался неглубоким – метра два с половиной, потом шел узкий – только чтобы разойтись вдвоем – коридор с некрашеными бетонными стенами, по которым змеились по три в ряд черные провода. Дневной свет сюда почти не проникал, но фермер, видимо, успел включить чудом пережившее все власти и правительства освещение. Под потолком коридорчика неярко, но вполне ободряюще горели лампочки в металлических каркасах.

– Вы не пытались выяснить, Николай Александрович, может, законный владелец у этого сооружения есть?

– Я хозяин – раз на моей земле стоит, – пожал плечами фермер.

– Никто своих прав не заявит, когда мы это в прессе опубликуем? Не опасаетесь такого развития событий?

– А пусть!.. Мне чужого не надо. Пусть приходит, выкапывает все, забирает... – Он ехидно усмехнулся. – Или выкупает у меня по рыночной стоимости. А так – полное мое право освоить это хозяйство по собственному усмотрению.

– Так, – согласился Андрей. – Все справедливо.

– Тогда пошли дальше.

Они спустились по бетонной лестнице еще метра на два вниз. Коридоры здесь были пошире и повыше, под ногами скрипела серая цементная крошка.

– Странно как, – поежилась Зоя. – Нас здесь не ждали...

– Здесь-то не приветливо, а вот некоторые помещения вполне даже удобные.

Эти «помещения», не все, но некоторые, запирались на большие, чуть ли не в метр

диаметром, тускло блестящие колеса, у других были просто металлические двери.

Хозяин подземного дворца потянул ручку одной из них. Дверь, натужно скрипя, отворилась. Он прошел внутрь и включил свет. Там оказалось нечто вроде казармы с тесно поставленными двухэтажными койками, столом на металлических ножках. На всем лежал тонкий слой пыли.

– Должен ли я понимать так, что это сооружение – бомбоубежище? – спросил Андрей, не слыхав ком охотно проходя внутрь.

Уж больно много фильмов было посвящено придуркам-маньякам, которые загоняли легковых гостей в подобные сооружения, а потом сладострастно наблюдали за их мучениями и последующей моральной деградацией.

– Да наверное... Ясно, что рассчитано на длительное пребывание людей. Мой сынок говорит – здесь здорово играть в этот... ну, когда друг в дружку краской стреляют?

– Пейнтбол? – подсказала Зоя. – А что – клево. Только тут, по-моему, свободы для маневра маловато. Тупики везде...

– А вот и неправда твоя, девушка, милая! – хитро усмехнулся хозяин. – Тут эти шустики освоились, такие переходы нашли!

– Ну, вот вам и плодотворная бизнес-идея, – развел руками Зоя. – Так и напишем.

Появилась надежда тут же закончить осмотр лабиринта, а в статье просто заинтриговать потенциальных гостей возможностью нагнать себе адреналину, бегая с краскопультом по сумрачным коридорам. Не тут-то было...

– Ага! – обрадовался барон. – Я об этом тоже думал! Тут еще такое есть!..

Он буквально вытолкнул Андрея из дортуара, где, вероятно, так и не ступила нога сонного военнослужащего, и еще битый час таскал по подземным переходам.

– И что – связь до сих пор работает? – удивился Андрей, когда они дошли до помещения, в котором находились какие-то необъятные пульта со старомодными, намертво впаянными в пол вращающимися креслами.

– Нет, это нет, – чуть заметно расстроился Николай Александрович. – Уже техника другая, не состыкуется с современной, наверное.

– Пробовали? – меланхолично поинтересовался Андрей, из вежливости рассматривая темно-зеленую панель пульта с давно не горящими лампочками.

– Я нет, а детки пробовали. Ничего не работает.

«Стоокий Аргус в полной отключке. Занятный образ».

– Ну, может, к лучшему, – вздохнул Андрей.

– Почему это? – поднял брови Николай Александрович.

Андрею стало веселее – экскурсия по предбаннику ада явно шла к концу.

– А вы представьте, что тут где-то красная кнопка притаилась, а? Действующая, невыключенная... И кто-то из приятелей вашего сына в нее – тык!

– А ракеты – пух! – Зоя подпрыгнула, изображая стартующую ракету.

– Ну, вы, ребята, и скажете тоже! – зябко повел плечами фермер.

– А что? – совсем развеселилась креативная Зоя. – На этом зашибенный аттракцион построить можно. Кто первый до красной кнопки доберется, тот и выиграл. Как идея?

– Да, нажал кнопку – получил приз, – слегка разомлел кандидат в Хароны.

– А вот и нет, – погрузился Андрей. – Выиграет тот, у кого хватит ума ее отключить – раз и навсегда. Вне зависимости от того, придет он первым или последним. Выиграет тот, кто на кнопку не нажмет.

Парадоксальный ход явно понравился благоразумному землевладельцу.

– Да, это правильно. Это вы хорошо придумали.

«Но именно поэтому в этой игре никогда не будет победителей... Кто же откажется от редкого удовольствия – эдак походя забавать маленькую, победоносную ядерную войну?»

– Ага, а тому, кто все-таки запустит ракеты, вручается утешительный приз – противогаз и таблетки с йодом, – продолжила метать перлы Зоя.

– А почему с йодом? – по-детски наивно спросил Николай Александрович, выпуская их

из командного пункта.

– Их для защиты от радиации принимают, – объяснила Зоя. – Здесь никаких складов не осталось? Медикаментов? Продовольствия? Тушенки семидесятого года издания?

– Нет, такого не было. Чисто было везде. Все, что можно было унести, унесли.

– Все уже украли до вас? – уточнил Андрей.

– Ага! Точно! – Фермер весело расхохотался. – Ох, вы, я смотрю, и шебутные! Подметки на ходу режете...

– Мы ж газетчики, нам положено, – кокетничала Зоя.

Андрей почувствовал, что только-только начал осваиваться в подземелье, а уже надо было вылезать наружу. Сделал он это с облегчением.

Хозяин, которому Андрей под конец тоже понравился, поволок их обедать. Провожая, фермер попытался сунуть ему в ладонь тысячную купюру. Зоя, к счастью, ушла к машине.

– Ох, это совсем лишнее, Николай Александрович, – застонал Андрей, вовсе такого не ожидавший. – За угощение спасибо огромное, но это... нет.

– Ну ты ж время тратил, лазил!.. Вон, куртку намазал.

– Это моя работа. А куртку почистить не проблема.

– А я, может, хочу, чтоб ты все это для меня получше расписал, позагвоздистее! Ну, не обижай меня! Это тебе премия за хорошую работу.

– Я и так все добросовестно делаю. Да, а когда ваш сиреневый лук поспевает? Мне мама наказала привезти.

– Это в августе. Приезжай – я тебе целый багажник за так накидаю!

Тысячу фермер ему все-таки всучил.

– Чего ты такой растрепанный? – спросила Валя, когда он в шестом часу ввалился в редакцию. – Куртку в чем-то белом испачкал.

– Байки в склепе слушал. И даже сам сочинял.

– Вернулся? – На пороге приемной появился Борода. – Ты куртку испачкал.

– Угу, – ответил Андрей, закипая. – Это в подземелье. Скажите мне, Михал Юрич, с точки зрения вашего личного опыта – как могло получиться, что посреди чистого поля люди находят командный бункер или бомбоубежище, которое никто не охраняет, никто не консервирует, которого нет на карте? Которого вообще как бы и не существует?

– А оно там действительно есть? – Михал Юрич уставился на Андрей поверх слезших на нос очков «для близи».

– Ну да, есть. Если только я не бредил весь день. У Зои спросите, если не верите. Она тоже весь день со мной бродила. Или бредила...

– Ну, не знаю... Надо подумать. В перестроечной неразберихе чего не случилось!

– Ты домой? – спросила Валя, тоже явно собираясь на выход.

– Да, куда ж еще.

«Если еще и Анна скажет мне про куртку, я взорвусь!»

* * *

Приходя домой, Андрей давно отпирал дверь своим ключом, чтобы не беспокоить жену. Анна, слыша, как открывается дверь, громко спрашивала: «Андрюшик, это ты?» И несмотря на явное отсутствие логики – а кто ж еще? – ему это нравилось. Хоть ждет кто-то...

Андрей сунул ключ в скважину... дверь мягко поддалась. У них не заперто? Больно кольнуло за грудиной... Он уже вошел в прихожую, а звонкий голосок не звучал. За окном светились синие мартовские семерки, но квартира была темна и, похоже... пуста?!

«Ну, Терентьев, сволочь, гад, извращенец!!! Накликал... Жену увели!!!»

Холодея от предчувствия и приволакивая обмякшие ноги, Андрей заковылял в гостиную. Нелепо, бессистемно пошарив по стене, зажег свет.

В гостиной явно присутствовали следы поспешного бегства. Запашной байковый халат,

в котором ходила Анна, выросшая из всего, чего только можно, скомканным валялся на диване. Андрей почувствовал, что наступил на что-то пружинисто-мягкое – это был пластмассовый флакончик из-под лекарства.

В спальне открытый шкаф смотрел на него, издевательски высунув язык – какая-то розовая тряпка торчала из стопки белья...

«Украли, опять Анну украли! Но кто? И зачем?!»

В мозгу, даже не словами, стремительной чередой образов промелькнул сценарий похищения – русалка соблазняет земного мужчину, беременеет от него... А потом ее, уже на сносях, крадут водяные сородичи – чтобы оставить новорожденную русалочку себе... Ну да – русалка не хочет возвращаться в свое богопротивное состояние, ее уводят силой... Вот-вот!

«Недосмотрел, не уберег!.. Звонить в милицию... да... А будут они мне помогать после всего, что я им наделал? Сомнительно... Ах да – глянуть на кухне?»

На кухонном столике лежал листок бумаги.

«Я поехала рожать нашу дочку. Целую. А.»

Сердце оторвалось, упало, но вернулось на место, упруго отскочив от диафрагмы.

«Точно!.. Родичи поганые за девочками моими пришли!.. Надо действовать!»

Андрей бросился назад, натываясь на мебель, но потом сообразил, что не ведает, куда надо идти, дрожащими руками нащупал мобильник, подозрительно молчавший уже часа три.

«Сломался, что ли?»

Но верный друг выдал ему несколько пропущенных вызовов – с их домашнего телефона, с мобильного Анны – точно тогда, когда он гулял по подземелью.

«Уй, блин! – сжал кулаки Андрей. – Я в бункере перед Зойкой изошрялся, потом щи фермерские жрал, а тут!..»

Сотовая связь против доперестроечного железобетона оказалась бессильной.

«Так – успокоиться, подумать, где Анна и что с ней? Кто здесь без меня побывал?»

И тут, как ушат холодной талой воды из родного озера всех местных русалок, на него обрушилось – Анна элементарно в больнице!.. Какие к чертовой бабушке озерные родичи, лешие-водяные?! Почувствовала, что начинается, не дозвонилась ему, сама вызвала скорую или маму и уехала в роддом! «Пентхаус у меня сорвался конкретно...»

Телефон Анны был выключен, телефон тещи не отвечал.

«Надо просто ехать в больницу... А я-то?! Во удумал, во удумал!»

Отдельную палату, эксклюзивное обслуживание, весьма дорогое, они оплатили еще зимой, значит, с Анной, если ее довезли, должно быть все в порядке.

Машина во дворе, ключи... Да где ж ключи – только бы не в редакции! Связка обнаружилась в кармане куртки.

– Да, Полевая Анна у нас.

Холодная волна, так и плескавшаяся у самого подбородка, наконец схлынула, оставив после себя противную мелкую дрожь.

– И... что с ней?

– Пока нет. Старается. Утречком узнавайте, папаша. Телефон круглосуточный.

– А к ней сейчас нельзя?

Регистраторша глянула на него поверх очков.

– Нет. Вы же не заявляли желания лично присутствовать?

Он только помотал головой. В свое время Андрей ужасно боялся, что Анна ему предложит присутствовать при родах и отказаться будет трусливо и постыдно. Но заманчивого предложения от любимой женщины не поступило, за что Андрей был ей невероятно благодарен.

– Ну, завтра так завтра, – выдавил из себя. – Подождем, раз такое дело.

«А завтра будет первое апреля... Улет! Кому скажешь – не поверят!.. Но себя я уже разыграл по первой категории».

– У вас куртка в чем-то белом, – заметила регистраторша, это прозвучало вежливой

просьбой пройти на выход и не путаться под ногами.

– Я прямо с работы, – промямлил Андрей, собираясь с силами.

Дама за парашютом глянула на него – как, ты еще здесь? – и Андрей на мягких, разъезжающихся ногах направился к выходу.

Да, ну и ночка у него впереди!.. Что там с Анной, как она, думать было страшновато... Но ведь врачи, сестры – за все же заплачено? Как будто это что-то гарантирует... Ну да, жена у него молодая, выдержит...

«И ведь никого не убил, а?!» – подумал Андрей, яростно вытряхивая перед подъездом злополучную куртку.

... Анну и дочку, маленький сверток с красненьким личиком, Андрей увидел только на следующем день. То, что сверточек – ребенок, им – не сказать собственноручно – но все-таки лично изготовленный, никак не укладывалось в голове. Андрей смотрел на Анну, которая улыбалась и, указывая на него пальцем, что-то говорила сверточку. Личико дочки сморщилось, и даже через стекло Андрей услышал недовольные, скрипучие звуки. Анна пожала плечами – знакомство пока не состоялось. Извини, любимый.

Дальше, за стекло, его не пустили. Это хорошо, что не пускают, утешил он себя. Хотя сразу дочке не занесут. А потом, он просто не знал, как себя вести.

В редакции к его приходу уже купили шампанское, дамы и девицы лукаво переглядывались, мужики колотили Андрея по спине и советовали быть мужчиной.

«А я этого не доказал?! Или раскис от счастья и выгляжу неадекватно?»

Работать как-то не получалось, и Андрей с некоторым огорчением отметил, что посетителей в его приемной нет – разошлись сразу после мини-банкета и не вернулись. Это о чем-то говорило?... О том, что коллеги «вошли в положение» и оставили его в покое. Ну ладно. Это простительно и временно.

Официальное знакомство с наследницей состоялось в конце недели. Андрей был наконец допущен «за стекло».

Положенный букет роз, купленный, правда, Валец, колот пальцы даже через целлофан. Андрею не хотелось, чтобы кто-то присутствовал при его встрече с женой и дочерью, и он тактично отказался от чьего-либо общества в виде тещи с тестем или коллег, даже самых любимых.

... И вот он, тихо, чтобы не напугать малышку, стукнул в дверь палаты, осторожно приоткрыл ее. Анна полулежала в кровати и смотрела на него молча и почему-то тревожно. Рядом с ней стояло что-то похожее на металлический сервировочный столик со стеклянной столешницей, застеленной снежно-белым одеялом. Ага, вот она, их дочка! Но...

То, что увидел Андрей, резко, как защелкнувшимся карабином, приковало его к полу.

Детишек было двое.

Да, их было именно двое! Два сверточка, почти одинаковые по размеру. Личики у младенцев были красненькие, с плотно закрытыми, будто опухшими глазками.

– А-кх-х? – выдавил из себя Андрей, попытавшись указать пальцем на свертки.

Букет, свинцово потяжелев, потянул к земле – Андрей едва успел его подхватить, исколот руки в кровь.

Да, но какой из сверточков – их ребенок? И откуда взялось дополнительное счастье? Бонус от руководства роддома? Реклама повышения рождаемости – роди одного, другого получишь в подарок?!

– Андрей, я сейчас все тебе объясню, – сказала Анна, садясь. – Прикрой дверь, пожалуйста. Он был такой жалкий, – утирая слезы, говорила Анна тихо, – ты себе не представляешь. Никому не нужен, в старье какое-то завернули... Это на первом этаже, на бесплатном. Он даже плакал едва-едва. Я в киоск спустилась, и вот, случайно... Он будто меня ждал!

– Угу... И ты не смогла пройти мимо, – констатировал Андрей, обернувшись на деток,

которые мирно спали, ни о чем, видимо, не беспокоясь.

Теперь Андрей знал, что сверток поближе – это его дочка Маня, а второй – это некий Ванечка, мамашу которого привезли чуть ли не с улицы. Она оставила новорожденного, слегка оправившись от родов.

– Если ты против, я могу сразу переехать к маме, – не глядя на него, сказала Анна.

– О господи! – воздел к небесам руки Андрей и, уронив их, хлопнул себя по коленям.

Дочка заскрипела и слегка завозилась, недовольно сморщившись.

– Тише – они только заснули.

– Извини, – понизил голос Андрей и взял Анну за руки. – Вещи такие говоришь – уши вянут конкретно... Раз ты так решила, значит, решила. Воспитаем, не проблема. Я ж говорил – будет хоть с кем коньячку в старости дерябнуть. А, братан? Ты как?

– Скажешь тоже, – поморщилась Анна.

Но тут, словно услышав его слова, сверток Ванечка открыл беззубый ротик и, вытянув верхнюю губку забавным клювиком, смачно зевнул.

– О! – почему-то ужасно обрадовался Андрей. – Слушает батьку, а?

– Ну да, – все еще нерешительно подтвердила Анна.

– Хорошо – видно, что небалованный... А как там с этими, с формальностями? Мне чего-нибудь подписывать надо?

– Да мама договорилась... Записали как близнецов. Медики только рады были – чтобы не возиться. Здесь редко отказнички бывают.

– Ага... То есть твои уже в курсе. А как моих дезинформировать будем?

– Можно сказать – второго на обследовании не заметили! – радостно приподнялась Анна. – Так бывает при двойне.

«Все обдумано, решено и сделано без меня, – безнадежно подумал Андрей. – Да, перед материнским инстинктом целые армии отступали».

– А как с коллегами драгоценными разберемся?

– Ты начальник, ты и разбирайся, – откровенно прыснула Анна.

... Дочку поддержать Анна ему не разрешила – она сама этого толком делать не умела. Общение с наследницей ограничилось тем, что Андрей слегка надавил пальцем свертку на брюшко. Девочка недовольно закричала, чуть приоткрыла веки, за которыми мелькнули голубые пленочки, и опять заснула. Приемыш спал крепко, окончательно успокоившись за свое будущее.

Остаток дня прошел в смятении чувств. Раз Анна этого сиротку решила взять, отговаривать ее было неразумно – мало ли как это отразится на ее самочувствии. И на их отношениях. Чуть обидно было вспоминать, как она, хоть и вскользь, предложила ему отказаться от нее и от родной дочки... Удумала ведь! Или у нее были сомнения в его душевных качествах?

«Ну ладно – что с девчонки в таком положении спрашивать? Тем более – первое апреля високосного года! Парень здоровый, значит, все будет в порядке. Вырастим как своего! Маньку станет защищать, как подрастут. Хорошо хоть, та девчонка тройней не разродилась...»

Через неделю, когда зрелая, солнечная весна уже вступила в свои права, Анну с детишками надо было забирать из больницы. О неожиданном пополнении Андрей никому из коллег не рассказывал – тянул до последней минуты. Но когда сотрудники, вооружившись букетами-конфетами, собрались у него в приемной, чтобы ехать выкупать родильницу с приплодом, Андрей, покрывшись холодной испариной, сказал:

– Так, дорогие коллеги, минутку внимания... Тише, я сказал!

Все примолкли, удивившись окрику.

– Чтоб ни для кого как обухом по голове не было...

Андрей увидел, как мелькнул испуг в глазах Михал Юрича и слегка отвисла челюсть у Вали.

– В настоящее время у нас с моей любимой супругой Анной некоторым образом двое детей...

По небольшой толпе пробежал рябью легкий шум: «Ка-ак?!»

– Да, – твердо сказал Андрей. – Дочь Мария, как планировалось, и Богом посланный сын Иван. Прошу принять как должное, не вопить и не приставать с расспросами к Анне.

«Ко мне желательно тоже!»

– Ну дела-а! – протянул изумленный Костик, оглядываясь на сотрудников. – Это как это?

– Так и никак иначе, – жестко продолжил Андрей. – А если кто-то – через три, через пять, десять лет, вспомнит об этом событии, вслух и не к месту, будет иметь дело лично со мной. Это понятно, Дудыкин?

– А чё «Дудыкин»? – обиженно выпятил губу Костик. – Чего всегда «Дудыкин, Дудыкин»? Заедем по дороге, еще пару бутылок купим, и все дела. Дудыкин сам отец-герой. Он все поймет как надо!

– Значит, поехали, – примирительно сказал Андрей. – Такси грузовое у входа.

Толпа сотрудников не спеша развернулась и, невнятно бубня, потекла к выходу.

В редакционной машине на заднем сиденье с Андреем ехал Борода.

– Ну ты мне-то скажи, что произошло, а, сынок? – тихо спросил Борода, делая сочувственные глаза.

– Да Анька мальчика брошенного пожалела. Его девчонка какая-то родила и оставила... Ну, Анята случайно мимо пробегала и прибрала к рукам. Его даже никто не хватился. Представляете? Нет пацана – и не надо.

– Да ты что?! – скорбно покачал головой бывший главный. – Нет, в наше время такого не было.

– Ага, пока она не заявила, что хочет его записать Маньке в братишки, никто и не трепыхнулся, что ребенок пропал.

– Н-да... Золотое сердце у Анечки, золотое! – Похоже, Борода прослезился.

– А я что – хуже? Меня как вы в данной ситуации трактуете?

– Ну, ты ж у нас богатырь, защитник страждущих по определению, – развел руками Борода.

Церемония в больнице прошла шумно. Известие было переварено еще в дороге и никак на праздничное настроение не повлияло. У них с Анной дома все по-быстрому выпили шампанского, потом пришло время кормить младенцев, и гости, выказав понимание, потянулись на выход. Маргарита, уходя последней, задержалась в дверях и, обратив на него взгляд блекло-серых глаз, прошептала:

– Я так вами восхищаюсь, Андрей Викторович! Я так восхищаюсь!

– Да ладно, Марго, – махнул он рукой. – Спасибо, конечно, но от меня здесь почти ничего не зависело. Все решили практически без моего участия. Я только подчинился мнению большинства.

– Нет, ну все равно... Это поступок!

«Значит, либо Анна сама выдала конкретику, либо все догадались, откуда взялся Ванька. Хоть кто-то восхищается мной без дополнительных напоминаний. Уже хорошо».

Жизнь начала меняться сразу и прямо на глазах. Анна устраивала детей на новом месте, Андрею пришлось, обжигаясь, мыть после гостей жирные от крема тарелки и осторожно полоскать хрустальные бокалы, шаловливо выskalзывающие у него из пальцев.

В глубине квартиры послышался трубный Ванькин плач – Андрей сразу понял, кто подал голос. Ванятка требовал «сваво, кровного», то есть молочного, напористо, с явным сознанием правоты. Маня только подтягивала, выпевая что-то нежное, неизбывно женское, с подтекстом.

Теперь главным для Андрея было на работе вести себя так, словно ничего особенного не случилось, и не превратиться в вечно невыспавшегося, безбашенного Костика номер два. А ведь тот наверняка станет гундеть, что Андрей стал дважды отцом из зависти к нему.

«Будет вякать – урою мерзавца!» – подумал Андрей и тут же почему-то вспомнил, что его поклонница Маргарита так и не сделала пасхальный материал.

«Чем слова разные говорить, работала бы лучше... Но это потом. Сейчас – справиться бы с ситуацией. Особенно – внутри себя».

– Ох, Андрюшик, а ты хлопчешь тут!

Анна, переодетая в домашний костюм, вошла в кухню.

– Должен же я облегчить тебе бремя материнства, – сумрачно отвечал Андрей и выключил воду.

В квартире вдруг стало совершенно тихо. Даже дети смолкли – видимо, Анне удалось заключить с ними договор о временном прекращении рева.

– Я ужасно люблю тебя, – как-то грустно сказала она.

– Ну, что мне тебе ответить по существу, – вздохнул Андрей, поспешно вытирая руки.

От Анны пахло как-то непривычно... Как от свежей сдобной булочки – ванилью, что ли. И еще молоком.

В понедельник, в состоянии средней невыспанности, Андрей явился на работу.

– Ну чего, юный папка? – спросила Валя радостно. – Привыкаешь?

– А чего? – махнул Андрей рукой как можно беззаботнее. – Словно всю жизнь так жил. Кормления-купания... Нормально.

Надо было начинать верстать пасхальный номер, он открыл папку с текущими материалами. Повесть о бункере, которую он наваял между походами в роддом, ему понравилась, что бывало достаточно редко. Главное, он не помнил, как и когда этот материал делал. Ну, не важно... Но Марго так и не расстаралась написать о монастыре и грядущих праздниках.

Андрей нажал на клавишу громкой связи:

– Валь, Богданову кликни ко мне.

Марго появилась почти сразу – будто ждала вызова под дверью.

– Маргарита, я не вижу вашего материала. Что-то не так? Присядьте.

Марго была одета в кофточку без рукавов и с воротником под горло – как Шэрон Стоун в «Основном инстинкте». К ее полным рукам это никак не шло.

– Да, я хотела с вами посоветоваться, – деловито начала она.

– Советоваться, Маргарита, надо было две недели назад, когда я вас спрашивал.

Она смахнула с лица радостную улыбку, даже чуть отшатнулась.

– Сегодня, надо полагать, материал сделан не будет? – не слыша ответа, продолжил Андрей.

– Нет, ну, он, в общем, сделан... Я только... Я другой материал делала.

– Так, Рита, сейчас вы пойдете к Валентине Николаевне, скажете, что я посадил вас на разбор писем читателей – у нее там завал работы.

– Это что – в наказание? – поджала губы Маргарита.

– Считайте как хотите. Что найдете интересного – сходите и побеседуете. Сделаете подборку.

– А это – про Пасху?

– Что уже есть готового – мне в папку, сейчас же. Я сам доделаю. Съезжу в Голубинский и доделаю.

– А можно мне?...

– Что еще? – изображая невероятную усталость и безнадёгу, произнес Андрей.

– Ничего. Можно идти?

Андрей кивнул, хотя очень тянуло рывкнуть: «Не можно, а нужно!!!»

Он набрал номер домашнего телефона.

– Ань, ты как? Я сейчас по работе в Голубинский двину. Матушке что-нибудь передать?

– Ой, погоди... Сейчас, сейчас...

Андрей услышал плач – кажется, Манин, потом что-то упало и покатилося. Жизнь была ключом.

– Ну, ты ей все расскажи как есть или как считаешь нужным. Спроси – можно у нее там их окрестить... А то уже пора.

– Окрестить? – удивился Андрей.

– Ну да. А как иначе? И спроси – может она у нас крестной стать? И привет большой, и благословения для детей спроси.

«А как я его повезу, если дадут? В багажник оно поместится?» – чуть было не ляпнул Андрей, но промолчал.

– А, хорошо. Все сделаю. Целую всех в розовые носики.

Эту фразу Андрей слышал от мамы, давно, когда та общалась со своими детными подругами. Кстати, нормальный предлог пригласить родителей познакомиться с внучкой. Пышные крестины, с хорошим обедом... А то уже неудобно становится.

... То, что у его родителей внуков оказалось вдвое больше запланированного, сказать сразу он не решился, а выдать рослого Ванятку за ловко утаившегося от врачей в невеликой Аниной утробе брата-близнеца не удастся. Парень нагло объедал сестру и уже за первую неделю перерос ее. Тот, кто не знал, что Андрею он не кровный сын, точно подумал бы – растет такая же коломенская верста. А Манечка – она была в маму, берегла фигурку и кушала очень умеренно, больше спала, чуть похныкивая во сне, словно о чем-то мечтала.

* * *

– Ну, первый срок, в какой младенцев следует крестить, вы уже пропустили, – сказала матушка, сочувственно выслушав Андрея. – Теперь примерно через месяц.

– А почему? Я хотел своих пригласить поскорее – они хотят с внучкой познакомиться.

– Тут Страстная неделя вклинивается, потом, раз вы не записались, очередь большая будет. А вы как раз на праздник Победы крестить будете.

– Да? – почему-то обрадовался Андрей. – Это нам подходит. Даже здорово... А вы нас окрестить не можете? Аня очень просила.

– Этого она просить не могла, Андрей, – мягко возразила игуменья. – В монастырях не крестят, тем более – женщина. Она, наверное, имела в виду духовных восприемников, крестных?

– Ну да, наверное... Я как был невеждой в данном вопросе, так и остался. А крестной-то вы у нас будете?

– Да, это с удовольствием. Но еще и крестного отца надо. Есть у вас кто-то на примете? Только не кровный родственник.

– А... Михал Юрич вас устроит в этом качестве? – неожиданно для себя спросил Андрей.

– Михаил Юрьевич – очень достойный человек, – ответила игуменья, и это можно было считать согласием.

– Что это у вас, матушка, позвольте узнать? Профессиональный зуд одолевает.

Перед игуменьей лежали стопочками распечатанные конверты. Мелькнула мысль – поздравления к каком-то юбилею или празднику. Но Пасха же нескоро?

– Это пожертвования и прошения от верующих и даже неверующих, судя по незнанию элементарных вещей. Просьбы разные. Ну, скажем, отслужить за упокой – за здравие в монастырях редко служат, и еще часто за взыскание.

– Взыскание? – озадачился Андрей, вспомнив по аналогии «взыскание алиментов».

– Есть такой обычай – если хочешь найти пропавшего без вести, разошли по двенадцати монастырям денег, сколько не жалко, хоть по рублю, если больше нет, закажи сорокоуст по пропавшему. Если человек жив, он вскорости объявится, если нет – даст весточку, как и где погиб. Может, во сне явится, может, кто-то от него придет.

– Да? – Андрею в его размягченно-благостном состоянии слушать о таком было неуютно, но это была богатая тема. – И много заказывают?

– Да уж немало – с нашей-то обстановкой.

– Разве? Вроде поспокойнее как-то стало.

– Это как сказать. Если открытой войны нет, не значит, что все хорошо. Очень много людей пропадает. И пропадают чаще других молодые мужчины...

– Неужели? – не смог не перебить Андрей. – И находят их потом?

– Да, хотя далеко не всех. Недавно одного мужчину с Северного Кавказа вернули, еще с той войны родные искали. Другого в больнице сосед случайно нашел – в диспансере соседнего района обнаружил. Тот после аварии память потерял. Могу письма показать.

– Нашим читателям это было бы интересно.

– Пойдемте – если у вас лично ко мне все... Вот, сестра Варвара этим занимается.

Ему кивнула девушка в платке, что-то набивавшая на компьютере.

Варвара отксерила несколько писем на «взыскание пропавших», подарила складничек – картонную гармошку с иконками с одной стороны и молитвами на обороте, и Андрей откланялся.

«Ну, не фонтан я, конечно, наработал, больше личными делами занимался, – думал Андрей по дороге домой. – Но на полосу хватит. Письма Богдановой спихну – с ее фамилией только этим и заниматься. Не справится – выведу за штат. Нечего зря деньги тратить на повременку».

Сильно подозревая, что обеда у Анны он опять не дожидается, Андрей заехал в «Макдоналдс» взять что-то «навынос из окошка в стене» и поехал в редакцию.

По дороге на редакционно-коммунальную кухню его перехватил буквально искрящийся радостью Борода.

– Ты кушать, сынок? Пойдем – я тебе аппетит подниму, а?

– Да я как бы его отсутствием никогда особо не страдал, – ухмыльнулся Андрей.

– Ага, но все равно. Пойдем, дорогой!

Андрей прикрыл за собой дверь, засунул гамбургер в микроволновку и приготовился слушать новости.

– Ты помнишь тот скандал, который учинил сын нашей благотельницы?

– Забыл как страшный сон.

– А, это хорошо... Но этот мерзавец все-таки подал в суд – на родную мать, а?

– Это по нашим временам идет за хорошую новость? Какие же тогда плохие?

– Ты слушай!.. Иск у него, представь себе, приняли!

«Хрен редьки не слаще... Издевается Борода, что ли?!»

– Ага! – радостно возгласил Михал Юрич, только руки от восторга не потирая. – И пошлину от него приняли – ох, не маленькую! Иск-то ведь миллионный, да... А когда этот супостат спросил у своего адвоката, какие у них шансы, тот ему – бац! – да никаких почти. Как того «истца» кондрат не хватил – почему!.. зачем тогда за дело брались?!

– Ох, эти адвокаты... Никогда их не любил – по определению.

– Вот, а адвокат ему так, через губу – вы наняли, я и взялся. Это моя работа, и свой гонорар я отработаю, не волнуйтесь, все будет по закону. А дело – если безнадежное по сути, так и есть безнадежное.

– Угощайтесь, Михал Юрич... И чего у нас в сухом остатке?

– Тот кинулся исковое заявление отзывать, а ему – поздно! За три дня можно, но они уже прошли. Дело принято, день-час назначен. Он опять в крик – зачем принимали? Знали ведь, что дело провальное! А секретарь ему так спокойненько: нам же тоже зарабатывать надо. Вы подали иск, мы его приняли. Судитесь на доброе здоровье.

– Ага – «Зачем нужны на свете дураки?»... Чаю попьем?

– За такое и водочки хлопнуть не грех!

– На работе?! Никогда!.. А суд уже был?

– Завтра будет. Но это не имеет значения. Отклонят иск за ничтожностью. Пять минут,

и крандец.

– Ага, давайте Стаса туда пошлем. Пусть этот крандец документально регистрирует. Информацию ему дадите?

– Да я и сам схожу. Доверишь?

– Вам не по чину, Михал Юрич. Пусть молодняк бегаёт. Вы потом подправите, если надо будет.

Борода, пыхтя горячим чаем, ещё посокрушался над современными нравами, и они разошлись по кабинетам.

– Андрюш, тебе тот дедуля обзвонился – который на медвежьих проказы жаловаться приходил. – Валя подняла на него жалостные глаза. – Ждут тебя очень.

– Ну, ты ему мою ситуацию объяснила? Что я был временно недоступен? Психологически?

– Да, он, конечно, очень сочувствует, но поскольку проблема не снята, даже обостряется, они всем селом очень хотят тебя видеть.

– Ладно, ещё будут звонить – скажи, номер очередной сдадим, и я в конце недели приеду, наведу шороху.

Ещё не дойдя до кабинета, Андрей придумал – а не взять ли с собой в поход того дядьку, который прикармливал мишек в заповеднике? Он вроде контактен...

Марго Богданова положила ему в папку «Текущий номер», кроме заметок про монастырь и приближающуюся Пасху, ещё и сделанный по собственному дамскому разумению «спек»¹ – психологический очерк о теще, которая несколько лет откладывала грошики из пенсии, чтобы «заказать»... собственного зятя. Убивнице было за семьдесят, зятю – сорок с лишним, единственный их общий потомок, внук и сын, учился в десятом классе. И тут, наконец, у дамы собралась требуемая сумма... При передаче её киллеру пенсионерку повязали... Объяснила она свой порыв тем, что зять заел жизнь её единственной дочери. Пожилой муж заказчицы пребывал в глубокой депрессии, робко предполагал, что «у Юлечки, должно, того... по возрасту... с головой плохо».

«Да что ж такое в мире деется?! – мысленно зарыдал Андрей. – Это что ж за люди-то? То дед столетний с ножом на жену идет, то бабуля киллера для отца единственного внука нанимает... Кто-нибудь кого-нибудь в этом мире искренне любит?!»

По сути, материал-то был неплохой, да и заметки с клироса были совсем не дурны. Непонятно, отчего девчонка не довела все до конца – будто нарочно нарывалась на скандал... Пасхальную тему надо было доработать немедленно, а материал про слетающих с катушек дедков и бабушек придется отложить до после Пасхи – как-то не вяжется такое с благостным пасхальным настроением. К тому же Андрей обнаружил комментарий психиатра, добытый Оксаной. Вместе с его собственным материалом образовался хороший разворот – «Весеннее обострение».

Андрей собрал всех психов в один файл и отправил Бороде с припиской: «Построите всех, Михал Юрич? Заранее благодарен. А. ».

Зазвонил городской телефон.

– Андрюш, а я щечек из кислой капусты наварила, – послышался голосок Анны.

– Да ладно, – будто бы не поверил он.

– Правда. Придешь? А мы покажем, как за мамин пальчик держаться научились.

«Вот такая у меня теперь жизнь», – подумал Андрей, проходя мимо Вали и показывая пальцем в потолок – «я к себе».

– Привет передавай – всем троим.

Эта новая жизнь, кажется, вошла в привычную колею. Анна, когда он приходил с работы, демонстрировала ему достижения близнецов, хотя каждый преуспевал в своем.

¹ Спек – (сокр. от Speculation, *англ.* измышление) – незаказной творческий продукт, который автор создает на свой страх и риск, а уже потом ищет на него покупателя. (*Примеч. авт.*)

Маняша быстро выучилась открывать глазки. Ванятка в основном наедал пузо, а когда однажды Андрей, щелкнув его по выпиравшей округлости, сказал: «Ну и разъелся же ты, братан!» – разразился таким обиженным ревом, что с кухни прибежала Анна, долго мальчика утешала и не разговаривала с Андреем до следующего утра.

Со второй медвежьей охоты Андрей привез добычу – пару трехлитровых банок солнечно-желтого, засахарившегося меда. Его утешили, сказали, что засахариться может только настоящий, насквозь натуральный медок.

А обнаглевших медведей от пасеки и деревни удалось отвадить – специалист-медовед Потапов продал терпящим от разбоев какое-то средство, кое требовалось по мере надобности разбрызгивать по периметру охраняемой от захватчиков территории.

– Это мое ноу-хау, – ответил Потапов на вопрос Андрея. – Состав – коммерческая тайна.

– Ну, Михал Михалыч, я параллельное производство налаживать однозначно не буду, – усмехнулся Андрей, радуясь, что они выехали на асфальт и машину перестало мотать по метровой глубины колеям сельской грунтовки. – Вы мне просто про механизм воздействия расскажите. Это же вам бесплатная реклама.

– А, да... Так можно. Это имитация запаха крупного самца – как он сам метит свою территорию. Молодняк отпугивает надежно – не полезут, побоятся получить лапой по загривку.

В голосе Потапова слышались несвойственные ему нотки смущения.

– И какой процент надежности у этого самецкого «одеколона»?

– Ну, семьдесят-восемьдесят.

– А на кого падают оставшиеся проценты? – едва сдерживая ехидство, продолжал допытываться Андрей.

– Ох, и настырный ты парень, Андрюха! – покачал головой Потапов, прибавляя на асфальте скорости.

– Работа такая, Михал Михалыч! Так что там с процентами? Поконкретней!

– Самок течных он привлечь может, – неохотно, чуть хрипло сообщил Потапов.

– Ка-во-о?! – прыснул Андрей. – Больше конкретики, больше!

– Самок, медведиц то есть... Если в окрестностях есть самки без детенышей, которым приперло беременеть...

«Ох, слова-то какие! Весенняя песнь!»

– ... то их эти метки могут привлечь. Но они в этот период для людей не опасные! Не агрессивные. Даже наоборот – аппетит теряют. Им бы только...

– Ага, все понял! Улет!.. А... на женщин этот медвежий дух никак не действует? Не проверяли?

– А тебе-то зачем? – довольно усмехнулся Потапов. – Ты ж говоришь, семья у тебя хорошая, близняшки родились.

– Ну, это на будущее... Мало ли... Может, из близких кому-то помочь придется.

– А ты их мне подгоняй – отолью канистру-другую! Только чур – ответственность на тебе!

– Ладно, лишь бы помогло!

Так, балаболя на грани благопристойности, они добрались до медвежьего заповедника. Андрей пересел в свою машину и укатил домой, где не был три дня.

Прошла Пасха, настоящая. Как по сценарию, всю субботу лил дождь, а к утру развиднелось. Анна повздыхала, что не может пойти ко всенощной, но куда деться от детишек?

Разворот «Весеннее обострение» про обуявшую подмосковных ветеранов темную душевную смуту вызвал бурю эмоций. Читатели, будто в эпоху развитого социализма, письменно благодарили «дорогую редакцию» за своевременно поднятую проблему и охотно

рассказывали о соседях и родственниках, по которым навзрыд плакал местный психдиспансер. Правда, на судьбы самих героев публикаций это никак не повлияло. И ревнивец, неверная супруга которого уже вышла из больницы и, надо полагать, в отсутствие неусыпного мужнина надзора с утроенной энергией принялась за разврат, и старушка, заказавшая зятя, сидели в СИЗО в ожидании решения собственной участи. Обоих, кстати, признали вменяемыми, но суда, скорого и справедливого, все не было.

– А! – махнул рукой Стасик на предложение Андрея пойти и разобраться в причине задержки. – Начальство пошлет – я, конечно, пойду, но я и так знаю, в чем там дело.

– И в чем? – поинтересовался Андрей.

– А подержат обоих годик-полтора, пока родные, которых дедки гнобили, от них отдохнут, потом дадут обоим по условному сроку – как раз по тому, который они отсидели, и распустят по домам помирать. Вот и весь сказ. Хочешь, поспорим?

– Не хочу. Противно. Но ответственность за страницу криминала с тебя никто не снимал.

– А я что? Я сделаю. Человек по натуре порочен, преступен и низок. Значит, работа у меня будет все-гы-да-а!

– Утешил, Стас, нечего сказать! – недовольно фыркнула Ксанка.

– А ты, Оксаночка, не огорчайся, – едко заметил Стасик. – Сексуально вожделеть люди тоже будут всегда. И ты – на этой теме конкретно – без куска хлеба не останешься.

– В нашей газете сексуальные темы не муссируются, – заметил Андрей. – Оксана ведет рубрику «Перейдем на личности», и, кстати, очень удачно.

Андрей выразительно посмотрел на тихо просидевшую все планерку Маргариту.

– Что у нас имеется по письмам читателей, Рита?

– Ну, так... Жалобы на маленькие пенсии и высокие цены, – пожала плечами Марго. – Текучка. Трэш. Ничего интересного.

– У меня складывается впечатление, что некоторые наши любители-внештатники плодovitее, чем профессионалы на окладе, – произнес Андрей веско.

В кабинете повисло напряженное молчание. Даже Стас и Костик придержали обычное остроумие.

– Нет? Я не прав? – подтолкнул ситуацию Андрей.

Марго, не поднимая глаз от полированной столешницы, начала потихоньку потягивать носом.

– В чем дело, Маргарита? Что за творческий застой? И когда он закончится?

Девушка, уже откровенно всхлипывая, вскочила из-за стола и выбежала из кабинета. Коллеги, проводив ее ошалелыми взглядами, повернулись к Андрею.

– Так, я чего-то не понимаю... Я что – излишне требователен? Груб, авторитарен?

– Да нет, – нерешительно ответила за всех Валя. – Просто у Риты проблемы. Личные.

– Вам, Валентина Николаевна, – устало вздохнув, произнес Андрей, – лучше других известно мое отношение к влиянию личных проблем на работу. Мне в свое время никакие личные проблемы не мешали давать полторы-две полосы в неделю. С битой мордой, случалось, ходил – не припоминаете? И вообще, работа – лучший антидепрессант. Я не прав?

Валя пожала плечами и ничего не ответила.

– Ну, Андрей Викторович, неправомерно сравнивать себя со слабой девушкой, – не слишком уверенно сказал Борода.

– У журналиста нет пола, Михал Юрич, вы это знаете лучше всех. И нет мелких тем – есть мелкие журналисты.

– Опять задается Полевой, – чуть слышно пробормотал Костик, но Андрей решил не реагировать.

– Хорошо, решим с Богдановой в рабочем порядке. Есть ко мне что-нибудь?... Если нет – всем спасибо, все свободны.

Сотрудники как-то поспешно выбрались из-за стола.

– Валентина Николаевна, задержитесь, пожалуйста.

Валя развернулась от дверей, а еще Андрей поймал встревоженный взгляд Ксанки. Дверь закрылась.

– Валь, присядь, пожалуйста. Что вообще происходит? Я что – как-то по-хамски себя веду? Что это за публичное слезокапство?

– Ну, – замылась Валя. – Знаешь – есть вещи, которые замечают все, кроме тех, кого они напрямую касаются. Как раз тот случай.

– И чего я не замечаю? Ну, говори, говори... Мы же одни.

– Андрюша, все уже в курсе, что Марго от тебя без ума, а ты вот так...

– Без ума-а? – чуть ли не подскочил Андрей. – Это в каком смысле?

– В обычном – влюбилась. Сам знаешь, как это бывает. Умный, красивый, высокий, успешный... От тебя все девчонки балдеют, но с Ритой вот... особенно тяжело.

– Ох, блин, во не свезло-то! – Андрей повел плечами, пытаясь скинуть тяжко-липкую, совсем ненужную ему новость.

– Да, не повезло девчонке, – грустно согласилась Валя.

«Девчонке»? Да я себя имею в виду!!»

Андрей вскочил и принялся ходить между столом и окном, выходящим на Московское шоссе.

– Она же знает, что я женат, дети у нас растут... И вообще – я занят выше крыши! У меня на глупости ни времени, ни сил нет – на что она рассчитывает? Логика какая в таком поведении?

– Логика! – всплеснула руками Валя. – Ну когда это кого останавливало, Андрюш, скажешь тоже!.. Сердцу не прикажешь.

– Хорошо, любовь-морковь – это хотя бы понятно. А к чему эти выходки – недоделки, задержки?... Публичные истерики? Что за поведение?

– Ну, здесь тоже трудно логику найти. Может, думает, ты почаще ей внимание уделять будешь, к себе вызывать, советовать... Вон ты Зою с собой на задание брал – так Ритка потом два дня рыдала.

– Да уж, дамы... Логика по нулям.

«Понятно, почему в свое время Борода меня из Москвы перетянул. От девчонок избавился, а меня взял».

– И что мне теперь с ней делать? Пользы от нее в этих соплях чуть.

– Не знаю, Андрюша, не знаю.

– Может, ты с ней поговоришь – объяснишь, что я семейный человек...

– Да мы уж с ней сто раз говорили – и я, и Михал Юрич...

– А он что – тоже в курсе?! – остановился Андрей посередине кабинета.

– Да все, все в курсе! – досадливо ответила Валя. – Ты один – нет.

Так ни до чего и не договорившись, они расстались, до конца дня Андрей пребывал в каком-то неприятно взбудораженном настроении. Даже работа над следующим номером не слишком заглушила эти ощущения. Словно виноват в чем-то и пытаешься успокоить совесть обещаниями впредь такого не совершать...

А совесть не верит и продолжает укоризненно качать головой.

Незаметно подступил май с прохладными и ветреными первыми днями. Анна напомнила Андрею, что пора крестить деток, и отправила его договариваться к батюшке, в городскую церковь, где они венчались. Там Андрею выдали отпечатанную на компьютере «Памятку о крестинах» с перечислением того, что надо купить и как себя вести. Меньше всего Андрею понравилось условие о хотя бы трехдневном посте родителей и крестных. А еще надо было съездить в столицу и лично пригласить родителей – а главное, сообщить им о фактическом наличии в семье Ванечки. Тот делался удивительно крепким младенцем, с объемным пузом, громким басом и явно – в непосредственном будущем – буйной, черной, прямо цыганской шевелюрой.

– Да, брюнетик у нас Ванечка, – сказала Анна тихо, заметив, как Андрей трогает

пальцем темненькие волосики на головке мальчика.

– Ничего, не беда, – легко ответил Андрей, – у меня мама брюнетка, у тебя тоже мамка темненькая. Ничего криминального. Да, Иван?

Ваня, только что плотно поевший, собирался вздремнуть и реагировать на слова отца не стал.

– Во, видишь? Ему-то все по барабану.

– А какая наследственность у этого ребенка – ты об этом подумал? – в который раз спросила Андрея мама, кривясь от набегавших слез и ломая руки. – Кто его биологические родители?

– Мама, это бесполезный разговор. Ситуация стабильная. Ее нужно только принять. Это наш с Анной ребенок!.. Парень хороший, здоровый, развивается нормально. Вырастет – Маняшку защищать будет. Мне он нравится, смешной такой, забавный, а раз Аня так решила... Основной груз ведь на ней.

– Ну, не знаю. – Мама устала и умолкла, так по-настоящему и не заплакав.

Отец все это время досадливо морщился, переводил взгляд с одного домочадца на другого, не зная, чью сторону принять. Когда мама чуть успокоилась и пошла разогревать обед, отец с явным облегчением опустил плечи и глянул на Андрея – он вообще-то всецело был на стороне сына, но спорить с дамой не стал из вежливости.

Семейный обед прошел почти в молчании, хотя Андрей почувствовал: коли мама уже не так напряжена, отца уговаривать приехать на крестины не придется, а Виталька не в счет – молод пока, чтоб свое мнение иметь в таком интимном деле.

Сами крестины прошли благостно, в праздничном трепете, со множеством нарядных гостей. Церковь, построенная аж Казаковым – нарядная, без явных новоделов в убранстве, – стояла на старинной окраине города, упиравшейся в Москву-реку. Крестил тамошний священник, довольно молодой, невероятно импозантный, в золотом облачении и с зычным тенором.

Маня восприняла окувание в купель спокойно, даже радостно, сразу начала работать ножками-ручками, словно решила поплавать. Кажется, она была слегка разочарована, когда веселье окончилось, едва начавшись, и продолжала бить ножками, пока Анна ее вытирала, заворачивала и передавала бабушке.

«Ну, русалка же природная, потомственная – за версту видно!» – подумал Андрей, довольный пристойным поведением дочери.

А Ванятка воспринял умеренно прохладную святую воду купели как личный выпад. Едва его окунули, он загудел, как маневровый электровоз, отчаянно забрыкался, и только тренированная ловкость батюшки уберегла его от нырка до самого дна серебряной чаши. От его баса качнулось пламя свечей, матушка игуменья, стоявшая тут же, несколько раз поспешно перекрестилась.

«Прирожденный атеист и борец. Весь в меня!» – ухмыльнулся Андрей, делая вид, что почесывает нос.

Ванятка продолжал активно отбиваться, пока ему надевали крестик, и успокоился только на руках у Вали.

Мама Андрея была спокойна и счастлива, никак не показывала, что не слишком довольна возникновением дополнительного внучонка. Потом их ждал богатый крестильный стол в ресторане. Поучаствовать в торжестве не отказался и батюшка, широким крестным знаменем осенивший трапезу – благо день был скромный.

Через полчаса, оставив гостей второго круга доедать угощение, Андрей с Анной, родные и крестные поехали к Полевым домой. Матушка игуменья, споренько благословив кроватку детей и их самих, уехала в редакционной машине к себе, в Голубинский, на вечернюю службу. Потом засобирались и Андреевы родители – хотели успеть в столицу до пробок.

На торжестве присутствовали все их с Анной коллеги – кроме Маргариты, которую

все-таки пришлось вывести за штат за очередное сорванное задание.

Вскорости накатило лето, в меру жаркое. Все в жизни Анны и Андрея вроде бы устоялось. Правда, дома Андрею приходилось не слишком уютно, он задним числом пожалел Костика. Действительно, большую часть не маленькой в общем-то квартиры занимали два небольших существа. В самых неожиданных местах обнаруживались то бутылочки с какими-то белыми веществами, то замурзанные оранжевым баночки – скромных возможностей Анны хватило на два месяца грудного вскармливания, и в обязанности Андрея плавно вошла ежедневная закупка коробок с детским питанием. Дома ему под ноги все время попадали выплюнутые Ванькой на другой конец квартиры соски и просто расшвырянные процессе взросления погремушки. Радовала Манечка, в меру писклявая, деликатно спящая почти всю ночь. Она первая научилась держать головку и лепетать и уже пыталась сесть, держа Андрея за большой палец. Анна утверждала, что это ему кажется.

– Ваньк, лодырничаете? – подзудил Андрей, наблюдая, как парень, скептически нахмутив заметно темные бровки, лежит рядом с сестричкой и не выражает особого желания совершить какой-нибудь подвиг. – Сачок ты, сачок!

Пацаненок собрал ротик в морщинистое колечко, налился красным и напыжился – чтобы в очередной раз грубо попать светлую память Федора Ивановича Шаляпина. Анна ловко выхватила мальчика у Андрея из-под носа и стала его превентивно утешать – папа шутит!

– Какие шутки, а, Мань, скажи? Ведь ленится!

Маня вежливо улыбнулась и невзначай заехала розовой пяточкой Андрею в челюсть. Он едва не прикусил язык и охнул от неожиданности.

– Получил? – мило улыбаясь, поинтересовалась Анна, покачивая все еще гудящего Ванятку.

– Ага... Все тут друг за друга горой, я смотрю. Сговорились!.. А я вроде как на тягловых работах, да? И еще для денег?

– Что вам сказать, Андрей Викторович, уважаемый? Взялись за гуж, не говорите, что не муж.

Да, семья у них получилась несколько патриархальная – он добывал и обеспечивал, Анна блюла очаг. А что может быть лучше? Благодать! Хотя...

Однажды, забежав домой за какой-то дискетой, Андрей застал Анну с детьми дома. Погода на улице стояла хорошая, ребята с утра были здоровы...

– Что случилось, Анют? – ощущая неприятные вибрации диафрагмы, спросил он.

– Да так, – мотнула головой Анна. – Не бери в голову. Ерунда.

– Нет, ты скажи. Я же вижу... Говори, быстро! Мне некогда!

– Да мы гуляли в скверике, а там скандал случился... Я и ушла.

– А ты каким концом к этому причастна?

– Я? Никаким. Женщина одна стала к девушкам подсаживаться, про детей спрашивать, мол, кто у вас, сколько... Ну и одна, даже не мама, а бабушка, налетела на нее – мол, сглазишь! Своих заведи и занимайся, а к моему внуку не суйся! Ну, сцепились, чуть не подрались... Дети разревелись... жуть.

– А к тебе она подходила?

– Нет, не дошла. Я и Юля, подружка моя, сбежали, даже не видели, чем дело закончилось.

– Ну и правильно сделали, – так и не понял всего Андрей. – Ты не расстраивайся. Мало ли на свете придурочных! Может, тебе около дома гулять? А я на вас из окошка глядеть буду.

– Да нет, все в порядке. Та тетка, поди, и не вернется. – Анна попыталась улыбнуться. – Мы покушаем и опять гулять пойдем.

«Вот, надо Стасика и Ксанку проориентировать – пусть посматривают, как у нас в городе с этими делами обстоит, – решил Андрей, возвращаясь в редакцию. – Безопасность

детей – актуальная тема!»

Дела в «Крестьянке» шли очень неплохо. Они стали выпускать цветное рекламное приложение и почти вытеснили с небольшого местного рынка бесплатные газетенки, которые Зоя-рекламщица называла «бомжовыми простынками». Она ловко перебила у них клиентов, напечатала в «Крестьянке» фотографию – на подстилке из нескольких слоев газеток спит оборванный бездомный. Друзей и «Крестьянке», и Андрею лично это отнюдь не прибавило – была даже пара звонков соответствующего содержания от потерявших доходы конкурентов. Но – какой успех без завистников и недоброжелателей?

А потом Андрей злоупотребил служебным положением, поместил фото близнецов в номере, посвященном Дню защиты детей. То есть разновозрастных и разномастных детишек там было на целый разворот – случилась даже пара откровенно кучерявых мулатиков, внуков развеселого фестивального пятьдесят седьмого года. Просто рожицы с подписью «Маша и Ваня, р. 1 апреля 2008 г.» были в центре. Но по размеру точно такие же, как остальные!

... Костик расстарался, битый месяц разыскивая и снимая самых «симпатишных» деток. Один раз бедного фотокора захомутали бдительные старушки – изловили и держали за руки по трое с каждой стороны, не давая вынуть и предъявить служебное удостоверение. Бабули позвонили в милицию, заявили на Дудыкина как на извращенца-педофила, шныряющего с камерой по дворам и фоткающего беззащитных детей.

«Правильно, правильно я тогда ребят наладил на эту тему – интуиция не подвела!» – самодовольно подумал Андрей, утешая обиженного фотокора – Костика вытащил из обезьянника специально отозванный из отпуска Михал Юрич.

Но разворот «На вас смотрит будущее» вышел очень неплохим.

После Михал Юрича в отпуск должен был пойти сам Андрей. На вежливое предложение Анны съездить куда-то и отдохнуть одному он ответил решительным отказом, подозревая очередную проверку его чувств. Но они нашли компромиссное решение – всем вместе, глядя на установившееся июльское ведро, отправиться на дачу к родителям Анны.

За город, в дачно-огородный поселок Лесная Сказка, Андрей отвез семью за неделю до начала собственного отпуска – на свободе ему надо было доделать очередной номер и временно передать дела Бороде.

Лесная Сказка располагалась в сосновом лесу. Тут становилось понятно, что даже их не обремененный промышленностью город не может похвастать чистой атмосферой. Здешний воздух, прохладный, пропитанный смолистой древесной свежестью, входил в легкие сам, по-хозяйски. Добротный тесовый дом Озерных, не особняк, конечно, но с отдельными комнатками для него с Анной и для ребят... Хороший может получиться отпуск, но это через неделю. А пока стоит воспользоваться моментом и... Да нет, никаких интрижек! Сделать какой-нибудь материал – как раньше, шикарно, на разворот, да с философски обобщающим подтекстом!.. Или он не гигант? Что там у нас есть из самотека?

В папку «Отстой» была положена одна история, довольно свежая... Но все равно дурно пахнущая – по определению.

«Ох, по-моему, это конкретный Стасиков хлеб. Не надо объедать коллег», – подумал Андрей и нажал на кнопку внутренней связи.

– Валь, а где у нас Стас обретаётся? На задании, нет?

– Да здесь где-то бегал... Найти?

– Найти и послать!

Валя едва слышно фыркнула, сказала: сейчас сделаем – и отключилась. Криминальный репортер появился быстро, постучал в уже открытую дверь.

– Ага, это я же тебе положил, еще на той неделе. Историйка – улет!

– Чего сам-то не сделал? Твоя тема.

– Ну, я не уверен, – выпятил губу Стасик. – Скорее Ксюшкина – любовь-морковь, страсти-мордасти. Это в большей степени любовная история, чем криминал. Не согласен?

А история состояла в том, что некая девица через вездесущих доброжелателей

прознала, что ее вздыхатель, шофер-дальнобойщик, не теряя времени даром, в путешествиях прижил четырех деток от трех женщин в разных концах столичного региона и даже помогал им материально. «Приданое» жениха показалось девушке излишне богатым, та дала ему от ворот поворот. Шофер не отступился и, возвращаясь из очередного рейса, бродил под ее окном, улещал законным, «с распиской», браком и призывал родить ему еще как минимум двоих сыновей (предыдущие отпрыски тоже были сплошь мальчиками, так что он знал, что говорит). Но девушка, хоть и была не особенно юна, от такого семейного счастья отбрыкивалась рьяно, всеми четырьмя конечностями.

– И чего девушка – симпатичная? – поинтересовался Андрей.

– Да как тебе сказать, – вздохнул Стасик. – Не очень. Но жалко ее и такую. Там фотка есть – до происшествия. Я отсканировал – в «Имиджах» лежит.

Девушка была явно не из красавиц, с грубоватым, широким лицом и тяжелой челюстью, но, видимо, охочий до размножения шофер воцарился и к такой. Когда невеста, в очередной раз, с рабоче-крестьянской прямоотой послала шофера в весьма дальний рейс, он щедро окропил ее из принесенной с собой бутылки.

– Она говорила – все про любовь да про любовь, а тут взял да пивом облил!

Пиво на деле оказалось уксусной эссенцией, которая спустила нежную девичью кожу до мяса, повредила глаз, теперь пострадавшая долечивалась от ожогов на дому. Страстный любовник парился в крохотной одиночке СИЗО – в общей камере ему сразу и квалифицированно наломали по ребрам бывалые уголовники, традиционно не уважающие преступлений против женщин и детей.

– А он все твердит: «Да я женюсь я на ней, женюсь! Только отпустите – так сразу!»

– Девушка что? Заявление забрать не решила?

– А по этой статье что забирай, что не забирай – посадят все равно. Общепасный способ. Но она теперь собирается его ждать из зоны.

– Ну да?! – неприятно удивился Андрей такому повороту сюжета.

– Да, – пожал плечами Стас. – Я с ней по телефону говорил – принять меня постеснялась. А теперь кому она такая нужна, вся в шрамах?

– Выходит, этот подонок своего добился?

– Выходит, так... Девочка спеклась. Так чего с темой-то?

– Так ты же все уже сделал, в сущности. Выплесни на жесткий диск остатки желчи и сдавай. Может, только Ксанка к ней сходит и побалаболит по-девичьи? Но это уже Михал Юрич решать будет.

– Отдыхать едешь, да? – завистливо спросил Стасик, поднимаясь. – Далеко?

– Да нет, – махнул рукой Андрей. – Куда я с таким обозом? Туточки, недалечко.

– Ты совсем как местные говоришь.

– С кем поведешься, от того и родишь. Свободен!

«С этим мы определились. Но для меня что-то есть? Или я никак не участвую в собственной газете?»

Тем, подходящих Андрею по рангу, не нашлось – так, мелочовка – даже для практиканта-второкурсника журфака слабо. Однако уже был первый час дня, а домой на борщик никто не приглашал...

«Пойду-ка я холостяком – по общепиту».

Лето выдалось не жаркое, и летние кафе от обилия посетителей не страдали. Поесть удалось быстро, а в редакцию не тянуло. Можно было пройтись в сторону старого центра города, где когда-то находилось его одинокое жилище.

Центр, насколько позволяла городская комиссия по охране памятников архитектуры и истории, перестраивался. Стоило свернуть в переулок, и тут же обнаруживались невысокие, в три этажа новоделы, слегка стилизованные под модерн начала прошлого века. Их отделяли от мира бетонные заборы, были и добротные, кирпичные гаражи.

Андрея подростки не заметили, потому что были увлечены своим делом, а дело свое они делали при помощи змеино-шипящих баллончиков с краской. Андрей тысячу раз видел

настенные граффити, среди которых иной раз попадались настоящие живописные шедевры, неожиданные, выразительные – «глазастые», как он их определил бы. Общим местом граффити был, несомненно, образ Че Гевары, но как это вписывалось в текущую российскую действительность, Андрей не понимал. Ведь горячая дружба с Кубой плавно сошла на нет?

– Алё, пацаны! – негромко окликнул ребят Андрей.

Шип мгновенно прекратился, подростки, чуть присев от неожиданности, разом глянули в его сторону.

– Поговорить надо. – Андрей и сделал пару шагов в их сторону.

– Сваливаем! – крикнул один из художников петушиным, неустойчивым голоском, и всю компанию как ветром сдуло.

На земле рядом со стенкой остались пара смятых баллончиков и упаковка от чипсов. В воздухе еще висел химический запах.

– Да куда вы! Поговорили бы... – разочарованно протянул им вслед Андрей, но вряд ли они слышали.

«Вот и тема наметилась, – умиротворенно размышлял Андрей, ожидая, когда спасительный «Гугл» выбросит ему ссылки на запрос «графффити». – Хоть без кровавого поноса... Вопрос, как тех воробышков летучих приманить и допросить... Тьфу, приставучая же эта гадость – криминал!»

Читая статьи про настенные росписи всех времен и народов, Андрей обнаружил научное объяснение того, почему хомо сапиенса спокон веку неумолимо влекло зарисовать гладкую поверхность, будь то стена первобытной пещеры, панель в лифте или бетонная ограда новорусского кондоминиума.

Оказалось, человеческая психика не любит гладкой поверхности, как нога – скользкого паркета или обледеневшего тротуара. В живой природе такие пространства встречаются только в пустыне, на высокогорном леднике или в открытом море – словом, там, где человек в общем-то чужой, такая среда к нему в лучшем случае равнодушна, в худшем – враждебна.

«Ага, вот и тянется ручка-то кривая написать что-нибудь эдакое... Если автор этой теории прав, понятно, почему выводятся на стенках не совсем те слова, которые нам всем хотелось бы прочесть. Да, но как нам добраться до этих борцов с дурной визуальной бесконечностью? И куда подевалось наше юное журналистское дарование по прозвищу Серега Павлючок? Сдал он экзамены за девятый класс средней школы?»

Павлючок ответил почти сразу.

– А я думал, вы про меня забыли.

– Сережа, мы с тобой через многое прошли бок о бок. Так что забыть тебя вряд ли получится. Просто у нас с Аней родились близнецы...

– Да-а? – радостно удивился Павлючок. – Парни, девки?

– Девочка и мальчик. И ты, как заботливый старший брат, представляешь, что это за время, когда они совсем несмышленные и беспомощные.

– Да, это круто... Наш-то уже лялякает всюю. А вы чего хотели, дядь Андрей?

– Видеть тебя желаю и задание дать. Можешь? Только это срочно – я в эту пятницу в отпуск ухожу.

– А, хорошо... Я с ранья завтра забегу, ладно?

– С ранья так с ранья, – ответил по инерции Андрей и, кладя трубку, подумал: «Однако прав Стасик – волшебным образом обогатился мой словарный запас за эти два года!»

* * *

Модератор из Павлючка действительно вышел неплохой. В среду Сережа отвел его в укромный дворик старого города, очень похожий на поленовский, заброшенный, заросший бурьяном и так же обильно залитый солнцем. Но собеседник Андрея, старшего студенческого возраста парень, был одет в черное с ног до головы, даже в черной лыжной

шапочке.

– Ну так ведь грязно же. Краска, как ни изгаляйся, все равно летит. Ну и имидж у меня такой... Я по первости, еще в школе, был как бы бомбером и трафаретчиком.

– Расшифруй термины для простой, незамысловатой публики, Гера, будь любезен.

– Ну, бомберы – это те, кто просто для прикола или на спор бегают как угорелые и ставят свои тэги – кто больше наставит и на неприятности не нарвется. Бомбят, короче, так и бомберы.

– А тэг, если я правильно помню, это по-английски «личная подпись, ярлык, метка»?

– Ну да, правильно. Только у бомберов она примитивная, просто черная – так, закорючка. Надрызгал и побежал. Но все райтеры через это проходили. Просто многим на этом месте надоедает, потому что настоящий граффити, со смыслом, с бухты-барахты не нарисуешь.

– А трафаретчик – это следующий этап?

– Типа да. У меня первый трафарет был кот, черный. Отсюда и прикид соответственный. Я этого кота, наверное, раз сто отштукарил по всему городу. А мне мой сосед по парте сказал – ты, как кот мартовский, углы метишь. Мне не понравилось, и я бросил. Зато уж весь город гудел – то ли, говорили, ворожба какая-то вредная, то ли банда «Черная кошка» завелась. Не помните?

– Я здесь только два года обитаю. А следующий уровень у вас какой?

– Ну, – усмехнулся Герка, – это ж не стрелялка какая-то... У кого таланта хватает, тот и проходит. Я свой тэг месяц на бумаге рисовал – просто остановиться не мог, как мне хотелось что-то особенное замутить! Но своего добился!

В этот дворик выходили задними стенами пара старых двухэтажных домов и тылы кооперативных гаражей, так что сам бог уличных художников, если он существовал, велел им устроить здесь что-то вроде учебного полигона. Видно было, что один рисунок вытарчивает из-под другого, кое-где пытались стену замыть под новые рисунки. Словом, неформальная художественная действительность рвалась наружу не хуже нитрокраски из баллончика.

Беседовали они, сидя за побелевшим от дождей дощатым столиком, некогда, вероятно, служившим полигоном для забивания доминошного «козла». Странно, но столешница и узенькие лавочки были единственными незарисованными, даже некрашеными поверхностями в этом дворике.

– А многие, кто тут начинал, потом в серьезные училища пошли, – улыбнулся Гера, пересаживаясь в тень, – в профессионалы, в дизайн.

– А ты как – думаешь об этом?

– Я – нет. Я финансистом буду. Райтинг – это для души. Хотя рисовал я всегда хорошо. Да это ж никуда от меня не уйдет. Если покатит – да, уйду в профи. Гоген вообще в сорок рисовать начал – и как развернулся!

– А откуда эта потребность – рисовать, да еще с риском получить по шее?

– Это амбиции и самоутверждение. Как подросток может о себе заявить? Сказать, что он обо всем думает? Только так.

«Ну, вообще-то не только так... Но прав очень во многом был тот твой одноклассник – это наша, исконно самецкая, страсть к самоутверждению и, как следствие, к разметке прилежащей территории. Что медведь, что кот, что мужик – все одно», – подумал Андрей, но вслух говорить такого не стал.

Но для проверки предположения все-таки спросил:

– А девочки среди райтеров есть?

– Да почти что и нет. Я лично авторитетных девчонок не знаю. Со своими ребятами ходят, да, а чтобы рисовать реально – этого даже не видел, не скажу. Может, маникюр берегут или одежду.

«Наверное, все-таки угадал. Значит, психологических слоев тут по крайней мере два. Общечеловеческий и типично самецкий».

До того как они все захотели пить и проголодались, Андрей успел узнать кучу интересных вещей и новых слов: что «граффи́ти» – это правильно, но для всех, а «гра́ффити» – это неправильно, но так говорят все райтеры. Что есть райтеры – не в России пока, но на Западе, – которые продавали свои «стенки» и по шестьсот тысяч евро, и уже есть любители, планомерно коллекционирующие уличную живопись. Что бомберы тоже бывают разные – особо двинутые могут сидеть в засаде на железнодорожной станции по полночи, чтобы вывести свой тэг на вагоне и отправить его таким образом гулять по стране. Что среди молодежи существует и граффити-туризм – путешествие по городам и мероприятиям со встречами и обменом опытом. Что начинающий граффитчик называется чикокером и его попытка нарисовать что-то поверх более квалифицированной картины понимания в тусовке не встретит. Что считается «низким штилем» портить автомашины – разве только брошенные хозяевами. Там, где это правило не соблюдалось, на райтеров объявляли охоту и автоматом страдало все помавающее баллончиками сообщество.

«Частный случай «общественного договора», – отметил про себя Андрей. – Можем, если хотим».

Андрей закончил материал в пятницу утром, отправил привычно гундящего Костика фотографировать лучшие городские граффити. После обеда забежал принять дела загоревший и посвежевший Михал Юрич. Они сидели, обсуждая редакционную политику на остаток лета – продажа в розницу предсказуемо упала, и надо было как-то откорректировать действия и тираж.

– Андрей Викторович, – заговорила местная связь голосом Вали. – Богданова Маргарита просит ее принять... Алё? Вы меня слышите?

– У меня Михал Юрич, вы же знаете, – пытаюсь скрыть досаду, ответил Андрей.

– У нее материал, – нерешительно добавила Ваня. – Она очень просит.

– Так возьмите у нее материал сами, Валентина Николаевна, будьте так любезны! А в понедельник Михал Юрич посмотрит.

Валя отключилась, а Андрей будто через дверь увидел Богданову, готовую, как у нее водилось, заплакать не по делу и старательно насилующую при этом добрую Валю. Будто провинившийся и стараясь не смотреть Бороде в глаза, Андрей кое-как закончил обсуждение.

Когда, провожая Михал Юрича, Андрей осторожно выглянул в приемную, посторонних там не было. Рабочий день шел к концу, от души отлегло. До вечера нужно было, на ходу читая женину эсэмэску с телефона, сделать покупки да и отправляться на дачу.

«Так, неделя свободной холостяцкой жизни прошла почти без пользы... Хоть отоспался без Ванькиного трубного гласа. Даже побезобразить времени не нашлось, а? Положительный я – просто противно!»

Утром пораньше надо было отправляться в Лесную Сказку – уважать родственников, любить жену и воспитывать детей.

«До чего респектабельное и предсказуемое существование! А мама боялась, что мне здесь плохо будет», – подумал Андрей, засыпая.

* * *

Андрей решил, что в первый день отпуска имеет полное право поспать, никуда не торопиться, и оказался у поворота на Рязанское шоссе около полудня, когда машин было по максимуму. Кроме того, какой-то торопыга неловко притормозил на последнем городском светофоре... Как следствие, образовавшуюся жесткую спайку из трех машин растаскивали минут сорок. Так что за город Андрей попал к двум часам дня, а на грунтовку, ведущую к лесному поселку, – и вовсе в четвертом часу.

Но вот и тесовая двухэтажечка в конце поселковой улицы, где тротуаром служила заросшая лютиками обочина... Андрей с удивлением увидел, что, резко распахнув калитку, к

нему навстречу бежит Анна. Как-то странно она это делала, будто на исходе сил. Андрей притормозил, не доехав до усадьбы десятка метров.

– Андрей, Андрей! Почему твой телефон не отвечает?!

«Ох, черт, я ж забыл его включить! Переполошил жену, недотепа хренов!»

Анна была уже в пяти шагах от машины, он увидел растрепанные, чуть ли не вставшие дыбом светлые волосы, искаженное лицо... Его невключенный телефон вряд ли мог ее так расстроить... Вчера вечером они обо всем прекрасно договорились, и что...

Чувствуя, как болезненный спазм сжимает диафрагму, Андрей поспешно вылез из салона, успел подхватить Анну, буквально свалившуюся ему на руки.

– Господи, Аня, да что стряслось-то?

Что-то внутри него подумало: что-то с родителями. Отец у нее сердечник...

– Дети, дети!.. Маша, Ванечка...

– Да что с ними! Ань, ну по порядку! Ань!

– Они пропали! Пропали! Я только на минуту... и коляска! Она пропала!

Ноги у Андрея обмякли, и Анна при всей ее миниатюрности стала невыносимо тяжелой. Андрею пришлось присесть на капот, чтобы не уронить жену и не рухнуть самому.

– Так, Ань, давай чуть-чуть успокоимся... Может, чья-то дурацкая шутка? Ну откатали ее... Сейчас найдем!

– Да нет, папа весь поселок обегал... Нет коляски!.. Только на минуту в дом вернулась, а ее нет...

Андрей с огромным трудом вдохнул, задержал дыхание и выдохнул. Стало чуть легче, хотя бы физически. Анна тихо плакала у него на плече.

– Так, Аня, давай еще раз и по порядку.

– Прости меня, Андрюшк, прости!

– Да не о том сейчас надо, Анечка... Когда коляска пропала? Сколько времени прошло?

– Не знаю, Андрюшк, не знаю! Прости меня...

– Все, пошли в дом, успокоимся и разберемся.

В душе Андрея все еще теплилась надежда, что пропавшая коляска – даже подумать «пропавшие дети» было страшно – только досадное недоразумение, а тот, кто устроил его жене такое, если выживет, запомнит этот день до конца своей жалкой жизни.

Он повел примолкшую Анну в дом. У калитки на них чуть не налетел взъерошенный, с блуждающими глазами тесть.

– Нет, нигде нет... Как сквозь землю провалилась! Как сквозь землю, – бормотал он.

– Так, я звоню в милицию, – решительно сказал Андрей. – Аркадий Александрович, отведите Аню в дом, пожалуйста.

В последний раз Анна звонила ему тридцать пять минут назад – значит, коляска уже час как исчезла – это по крайней мере.

«Тот, кто это сделал, мог за час, даже пешком и с коляской, оказаться в трех километрах отсюда. Если учесть, что мы не знаем направления, три км – это радиус. Значит, площадь поисков – десять квадратных километров, и с каждой минутой она увеличивается еще на километр... Как бы я ни любил ментов, а без них сейчас не обойтись... Да ведь суббота, лето! Есть у них там хоть кто-то? И трезвый?»

В трубке петюкало минуты две.

«Вот, а ведь везде орут – звоните нам чуть что, звоните! Чего толку звонить, если вы не подходите?!»

– Дежурная часть, лейтенант Ням-ням-нямов, слушаю вас! – редкостно недовольным голосом откликнулся наконец телефон.

– Моя фамилия Полевой, – как можно сдержанней произнес Андрей. – Я хочу заявить о похищении детей.

– А с чего вы взяли, что их похитили? – с плохо скрываемой издевкой поинтересовался лейтенант.

– Потому что их нет уже больше часа.

– Да прибегут, куда денутся...

Андрей понял, что лейтенант сейчас положит трубку.

– Они не могут прибежать, товарищ лейтенант! – рявкнул Андрей. – Им три с половиной месяца от роду! Высылайте наряд, или я... не знаю, что сделаю!

А он и правда не знал.

– Адрес ваш говорите, – чуть более деловито сказал Ням-нямов. – А это не наш участок!

Он был явно рад этому обстоятельству.

– В районное отделение звоните.

«Вот сейчас он точно положит трубку!»

– Я не знаю, как звонить в районное отделение! Я стою один в лесу! Моя жена в обмороке, тесть в предынфарктном состоянии! – остервенело орал Андрей. – Вы позвоните своим коллегам и сообщите им о похищении! Или я позвоню своим коллегам на телевидение, и о вашем бездействии сообщат всей России в следующем выпуске новостей!

– Да хорош орать, мужик! Сейчас сделаю. Разорался тут... телевидение!

На этот раз он действительно положил трубку, но Андрей решил, что дело хоть как-то пойдет. Он подогнал машину поближе к дому, но во дворик заезжать не стал – наверняка скоро придется куда-то ехать. А пока надо было пойти и успокоить родственников.

В доме стоял резкий запах лекарств – ох, и ему бы не мешало триста капель валерьянки!

Анну и тещу с тестем он обнаружил в кухне – там был местный четырехзначный телефон, сейчас его старинный диск остервенело крутил тесть.

– Я в город дозвонился, – поспешно сказал Андрей. – Они скоро приедут.

– Мы по поселку звоним, – ответила Галина Алексеевна. – Может, кто-то что-то видел.

– А, это хорошо... Ань, пойдем поговорим.

– Я не могу, – безнадежно, едва шевеля губами, сказала Анна, сидевшая у обеденного стола.

– Пойдем, ты мне все расскажешь, а я расскажу милиции, когда они приедут. Пойдем, девочка. Соберись.

Анна тяжело поднялась, Андрей подхватил ее под руку, почти вынес в гостиную и усадил на диванчик. Анна уже не плакала, просто съежилась, подняла плечи и смотрела на него загнанными глазами.

– Что произошло – расскажи спокойно.

– Я подумала – ты, наверное, уже сейчас подъедешь, решила выйти на дорогу, встретить... Собрала детей... Они были такие хорошенькие!

Слезы опять навернулись Анне на глаза, но Андрей сжал ее руки в своих, и она продолжила:

– Но решила захватить с собой воды – жарко ведь, вернулась, потом меня мама о чем-то спросила, потом я вспомнила, что не взяла мобильник, – вот, закрутилась... Но это было – десять минут, самое большое... Прости меня, Андрюш, прости!

Анна не выдержала и опять разрыдалась, уткнувшись лбом ему в плечо.

– Аня, никто ни в чем тебя не винит! Если кто-то такое задумал, он бы все равно это осуществил – сейчас, потом!..

– Да, может быть, – чуть встрепелась она. – Вот, а когда я вышла... коляски не было. Я как к месту приросла... Но ее не было!..

– А на улице тогда кто-то еще был? Ну, там, поспешно удалялся, машина какая-нибудь отъехала... Можешь припомнить? Тебя об этом наверняка спросят.

– Ох, я не смогу... Мне кажется, вокруг вообще никого не было. Тихо и пусто... Я не знаю, не могу вспомнить...

– Нет, это придется сделать. Видела ты хоть кого-то?

– Да нет... День же, обеденное время. Да и поселок у нас маленький, народу немного.

«Значит, не было. И отсутствовала Анна не десять минут, а все двадцать, раз тот

мерзавец успел из виду скрыться. Но говорить ей этого не стоит».

– М-да... Кажется, кто-то приехал... Возьми себя в руки, Анна, пожалуйста. Будь умницей, родная! – Андрей встал. – Мы их обязательно найдем. И того, кто это сделал, я лично порву на куски, а куски швырну к твоим ногам!

Анна невесело усмехнулась. Наверное, он был действительно нелеп в своем праведном гневе.

В гостиную уже входил, цепко оглядывая дом, плотный молодой милиционер в сдвинутой на затылок фуражке. За ним шел еще один, похлипче.

– Хозяева! – бодро кликнул плотный. – Милицию вызывали? Гражданин Полевой здесь проживает?

– У вас есть подозрения, кто мог это совершить? И с какой целью? – осведомился Макеев, записав его данные и заявление о пропаже детей.

– Ну, у кого-то могло сложиться впечатление, что я состоятельный человек...

– А это не так? – кривовато усмехнулся капитан.

– Нет. Большая часть того, чем я пользуюсь, принадлежит владелице нашего предприятия. Но...

– Что?... Вы рассказывайте, рассказывайте!

– Недавно имел место один неприятный инцидент... Сын нашей владелицы устроил безобразную сцену, почему-то стал требовать у меня поделить деньги своей матери. Он потом в суд на мать подал.

– После такого от человека можно чего угодно ожидать! – вставила сидевшая поодаль Галина Алексеевна.

– Ничто еще не установлено, – пробормотал Макеев. – Но мы проверим... Если в самом деле имеет место похищение с целью выкупа... Это серьезно.

– Куда серьезнее! – всплеснула руками теща. – Они же крошечные, их кормить надо каждые три часа, поить – тем более, жарко! Господи, что ж это за люди, а?

– Так, ладно, сейчас оповестим посты, дадим ориентировку... Фотографий детей у вас, конечно, нет?

– Почему «конечно»? – отчего-то обиделся Андрей.

– А так обычно бывает – пропал ребенок двенадцати лет, а на фото – когда ему три года – поди узнай. Полтинника жалеют карточки сделать, что ли?

– Аня! – позвал Андрей. – Та газета, с фотографиями, есть у нас здесь?

Анна, будто упавшая внутрь себя и ставшая прозрачной, появилась из кухоньки.

– Вот наши дети, – сказал Андрей не без гордости, сворачивая газету так, чтобы были видны только рожицы близнецов.

– Ага-а, это мы видели, – будто с завистью протянул капитан. – А как... они здесь оказались?

– Так вышло.

– А, – прищурился Макеев, – это никого не могло спровоцировать?

– Да вряд ли, – мотнул головой Андрей, правда не слишком уверенно. – Там даже фамилии нашей нет. И вот их разных сколько – бери не хочу!.. Нет, не думаю.

Капитан задумчиво хмыкнул, взял газету, вышел наружу, к машине, долго говорил с кем-то по трескотливой рации, потом вернулся.

– Посты по району оповещены – так что детки ваши мимо них не пройдут. Мы поехали, а вы будьте здесь... Если поступит требование о выкупе...

Анна вскочила и выбежала из гостиной, мать быстро пошла за ней.

– ... соглашайтесь на любые требования и немедленно сообщите по этому телефону. Мобильники не отключайте.

Капитан вышел. Андрей услышал, как отъехала машина, и на какое-то время в доме стало тихо – только в кухне сипел чайник.

День, в одночасье застывший вязкой, топкой трясинной, все же шел к вечеру. Телефоны молчали, а если и звонили, то по ошибке. За окнами уже было сумеречно, а через окружающий лес пробивались стрелки низких оранжевых лучей. Андрей почувствовал, что, весь день просидев в доме, тем не менее дико устал и проголодался.

«Хоть бы чаю родичи драгоценные предложили!»

Вероятно, это была психическая реакция – неукротимо поднимавшаяся из глубины души досада на не усмотревших за одной-единственной коляской родственников. Втроем не могли углядеть, дачники-неудачники!

Андрей с трудом встал и поплелся в кухню. Не нальют – сами нальем, не гордые.

«Хотя... Если б я встал пораньше да в пробку бы не попал, приехал бы вовремя, может, ничего и не случилось бы. Да ерунда все это... Сам же Аньку утешал – если кто-то такое замыслил, дело только в сроках исполнения».

У пояса задребезжал мобильник. Родственники, сидевшие у кухонного столика, круто повернулись в его сторону.

– Спокойно, это Михал Юрич, – сказал Андрей, глянув на номер. – Да, Михал Юрич.

– Андрюша, я поражен и растоптан этой жуткой новостью! Как Анечка, как ее мама?!

– Держатся. А вы откуда?...

– Ну, ты же знаешь. Я, как узнал, сразу обратился к моим старым боевым друзьям! Они подключают соответствующие структуры... Почему ты не сказал, что вы с Анечкой – журналисты?

– Да вроде сказал... Или меня никто не спрашивал?... Не знаю. Не до этого было.

– Пожалуйста, сядь и подумай – кто мог желать вам зла? Это очень пригодится в дальнейшем. Я всех твоих подвигов уже не упомяну, дорогой, прости старика.

– Ох, опять вы за свое... Но за совет спасибо. Извините, мне теперь нельзя долго разговаривать.

– Да-да, дорогой, мужайтесь... Я над вашей проблемой работаю.

– Это Михал Юрич, – сказал Андрей, пряча телефон. – Он уже в курсе.

– А кто это? – глухо спросил тесть.

– Бывший главный редактор «Крестьянки», раньше в органах служил. Он Аню очень любит... Обещал помочь...

– Нам помощь не помешает, – вздохнула теща, наливая ему чаю. – Кто ж в самом деле такое над нами учинить-то мог?

Вопрос был явно адресован Андрею, но он решил промолчать – иначе все выльется в ничемное выяснение отношений. Надо сосредоточиться и припомнить всех, кого он невольно – но скорее вольно – обидел за последние два года... А таких, как говаривал братик Виталька, наберется «туева хуча»...

Если некто, помучив их ожиданием и неизвестностью, потребует выкуп – это, несомненно, тот, кому Андрей нанес финансовый урон. Например, кроме неудачливого наследника, ребята, которым Андрей своими разоблачениями прикрыл бизнес по поиску зингеров из цельнолитого драгметалла. Или хозяин «соляной горки», который выплатил государству солидный штраф за вред, нанесенный природе. Хотя, вероятно, это случилось бы и без вмешательства Андрея, но все же. Или те рекламные «простынки», которые потеряли заказчиков из-за того, что «Крестьянка» лихо развернулась с рекламой? Тоже не упустили бы случая поквитаться? Или это для них чересчур круто?

А те менты, которых «Крестьянка» недавно лихо отстебала за подленькую месть строптивым автолюбителям? Они тоже Андрею спасибо не скажут, хотя воровать младенцев... Нет, статья больно тяжелая – им-то известно!

Кроме того, он, главный редактор, морально, да и в глазах неведомого злоумышленника, отвечает за публикации подчиненных. Ох, сколько же «доброжелателей» у него в таком случае наберется! Михал Юрич знал, что говорил... А если учесть, что неведомому супостату могло прийти в голову все, что угодно, круг подозреваемых и количество вариантов местонахождения и участи малышей становятся практически

бесконечными...

Короткую летнюю ночь они всей семьей провели в шатком полусне, ожидая звонков – из милиции или от похитителя, лишь бы хоть что-то определилось. Андрей перевел звонки из их городской квартиры к себе на мобильник. Знают ли коллеги в редакции об их несчастье, Андрей даже не брался гадать... Надо ли их оповещать? Все равно узнают от Михал Юрича... И надо ли сообщить родителям в Москву?

«Не стоит... Помочь они ничем не могут. Только нервы трепать».

Общественность тоже пока ничего не знает, поскольку основные пути распространения информации сейчас в руках у Бороды, а он понимает ситуацию лучше, чем кто бы то ни было.

Завтракали – если можно было так назвать молчаливо-угрюмое пережевывание яичницы – поздно, потому что их все-таки сморило под утро, когда небо над верхушками сосен уже заголубело и пошло белыми перышками облаков.

Телефоны упорно молчали. Заходили проводить и посочувствовать соседи по поселку, их вчера взбудоражил тесть. Андрей, чтобы люди не теребили лишний раз жену и тещу, сидел на веранде, регулярно посматривал на мобильник – есть ли доступность и не села ли батарея. Со времени исчезновения детей прошло меньше суток, а жизнь так изменилась – будто резко и неожиданно свернула с широкой, залитой светом дороги на темный, сырой лесной проселок, а потом еще и застряла в разъезженной, глубокой колее...

Затренькал, подсакивая на плетеном из лозы столике, мобильник. Номер звонившего не высветился. Похититель? Андрей тихо – словно тот мог его слышать – откашлялся и нажал на прием вызова.

– Гражданин Полевой? – послышался неторопливый голос капитана Макеева.

– Да, да! – буквально закричал Андрей, вскакивая.

– Да хорош в ухо орать-то, мужик... Так, сообщаю новости. Вашу коляску видели вчера днем в Полибине...

– Это где? – Андрей прикрыл трубку и прошипел родичам, евшим его глазами: – Коляску нашу видели!

– Это от вас километров семь... Пассажиры в электричке обратили внимание – агрегат больно приметный. А как оповещение по радио прошло, кто-то в милицию позвонил, анонимно, сообщил, что видел молодую женщину с большой ярко-желтой коляской.

– А дети?! Дети что?!

– Дети вот тоже на себя внимание обратили, – капитан даже хихикнул, – кричали сильно, а эта «мать» их успокоить никак не могла. Но раз голос подавали, значит, живы. Пока все. У вас что?

– У нас ничего – никто не звонил, ничего не требовал. Глухо, как в танке.

– Да?... – Макеев был явно разочарован. – Ну, тогда до связи.

Андрей захлопнул панель на телефоне и доложил родственникам, что похожую коляску с детьми видели в электричке на ближайшей к ним станции.

Желтый «кабриолет» они с Анной выбрали потому, что двухместные коляски были либо синие – чисто мальчишковые, либо красные, девчачьи, а смешанные были только темно-зеленые и канареечные. Вот, пригодилось – правильно Андрей тогда настоял на радостном, бьющем в глаза желтом цвете.

– Женщина какая-то... – Галина Алексеевна искоса, изучающе взглянула на зятя. – В поезде... Куда она их везла – в область, из области? Не сказал он?

Анна, к счастью не заметившая многозначительного взгляда матери, повернулась к Андрею.

– Андрюшк, может, мы съездим в это Полибино, поспрашиваем? Может, кто-то что-то еще видел... Пока люди в город с дач не уехали...

Предполагая, что поездка наверняка будет бесполезной, Андрей тем не менее согласился – сидеть здесь пень пнем стало невмоготу, да и Анне встряхнуться было не

лишним. Хоть чем-то заняться и не сходить с ума, медленно, но верно.

Промотавшись полдня по окрестностям и ничего не узнав, вернулись на усадьбу. Из расспросов поняли одно – население осведомлено, что в районе пропали груднички в желтой коляске и их надо срочно спасать... Это было единственной приятной новостью.

Анна, совсем сникшая, пошла умываться, а Андрей, не заходя в дом, позвонил Бороде.

– Как ты, сынок, как Анечка? Есть новости?

– Вроде видели кого-то с коляской, похожей на нашу.

– Да-да, дорогой, я видел сводку происшествий.

«А кто б сомневался?!»

– Это обнадеживает! Народ в курсе – уже хорошо. Работа с населением – это очень, очень важно.

– Да, Михал Юрич... А как вы считаете – мне вдруг в голову пришло – не может эта Богданова, Рита, ну, которую я уволил, быть к этому причастна? Такой вариант как? При коляске какую-то молодую женщину видели. С детьми она обращаться не умела, они вопили – вот пассажиры внимание и обратили.

– Угу. – Борода что-то обдумывал. – Я предложу товарищам эту версию. Это возможно, да. Я позвоню. Они проверят.

Когда Андрей вернулся в дом, теща собирала ужинать – был восьмой час вечера. Анна вышла к столу в темно-синей футболке, с волосами забранными в хвостик на затылке. Ни то ни другое было ей не к лицу, выглядело непривычно и странно.

И следующая ночь прошла в смутной, тяжелой тревоге – вторые сутки малыши были в руках неизвестных, которые непонятно чего добивались... Ну, за выкупом эти ублюдки теперь вряд ли сунутся – почти наверняка они слышали сообщение по радио. Хорошо, хоть ползунки-несмышлениши для похитителей не опасны – какие из них свидетели?! А вот самим малышам были опасны голод, жажда, отсутствие ухода – детки-то городские, балованные. Тем более те милые, беленькие перышки мягко и ненавязчиво предупредили о надвигающейся непогоде. Падавшее атмосферное давление уложило тестя в кровать, навалилось на Андрея еще более мрачным настроением и пульсирующей болью в затылке.

Андрей с Анной спали на первом этаже. В середине ночи оба проснулись от невнятного шума на веранде. Будто кто-то крался по скрипучим, высохшим доскам. Первой, смутной мыслью Андрея было – преступник раскаялся и пришел подкинуть детей... В крайнем случае, наконец, явился, чтобы потребовать выкуп. Но это оказались порывы грозового ветра и первые, тяжелые, как пули, капли дождя. Анна, приподнявшись на локте, прислушивалась к пробегавшим по крыше и стеклам ливневым очередям.

– Ань, это дождь, – сказал, наконец, Андрей, нажимая на ее плечо и принуждая лечь. – Спи, тебе надо поспать.

Эти две ночи Анна ложилась почти одетая и спала на самом краю дивана – словно была готова бежать на выручку детям. Андрей чувствовал, что несчастье их не сблизило – наоборот, разделило. Анна еще несколько раз принималась просить у него прощения за свой преступный недосмотр, и Андрею пришлось даже прикрикнуть, чтобы остановить труднопереносимые стенания. После этого Анна и вовсе замкнулась, угрюмо глядела в пол и регулярно уходила куда-нибудь, чтобы поплакать.

Теперь Анна послушно легла, Андрей придвинул ее к себе, она подчинилась, но отвечать на его объятия не стала.

«Как же это все случилось с нами?... И когда все наладится?»

Они, опять в молчании, не глядя друг на друга, завтракали, когда у Андрея зазвонил мобильник.

– Ну, нашлась коляска ваша, – самодовольно сообщил Макеев. – Вчера вечером еще.

– Да?! А дети, дети-то?!

Андрей невольно вскочил, потом увидел глаза Анны, расширившиеся то ли от радости, то ли от ужаса. Теща, прижав руки к груди, издавала какие-то невнятные звуки.

– Вот с детьми неувязка, – неохотно признал капитан.
– Да говорите же, что за шутки! Где дети?!

– Дети-то...

«Вот кого я задеру первым! Однозначно! Для разминки!»

– Девочка в порядке. Ее те люди, которые нашли, сразу в больницу отправили. Думали, подкидыш, ну и определили.

– Машу нашли! – прикрыв микрофон пальцем, прохрипел Андрей родственникам, выбежавшим на его вопли.

– Да, нашли, – все-таки расслышал Makeев. – Но вот парнишки почему-то нет... Ну, будем искать.

– А дочку где можно забрать? – подавив жуткую, переходящую в судороги дрожь во всем теле, спросил Андрей и снова опустился на стул.

– Горбольница, второй корпус, приемный покой. Документы не забудьте. Свои и на ребенка.

– Спасибо, держите нас в курсе, – выдавил из себя Андрей, нажимая на отбой.

– Ну?! Чего говорят-то? – Тесть, заглядывая ему в лицо, тербил за рукав футболки.

– Коляску нашли еще вчера, Машу отвезли в больницу – как подкидыша, представляете?... Про Ванюшку пока ничего не известно. Ань, собирайся, поедem заберем Маняшу.

– Мы с вами! – торопливо бросила Галина Алексеевна и тоже побежала собираться.

– Как считаете нужным. Но вас, Аркадий Александрович, я все-таки попросил бы остаться. Мало ли... На телефоне побудете. И вообще.

– Да, Аркаша, мы без тебя управимся... Останься, ладно? Тем более плохо себя чувствуешь.

Зрелища встречи Анны с дочкой после двухсуточной разлуки Андрей побоялся не вынести психологически, но и этого не произошло. Когда они с тещей догнали ее на втором этаже детского отделения, в холле, рядом с сестринским постом, Анна уже держала девочку на руках, прижимала к себе, что-то горячо и поспешно говорила толстой врачнице, та качала головой, всплескивала руками. Подходить ближе Андрей побоялся – все еще не верил в произошедшее. Потом Анна сама, оборачиваясь на ходу и что-то рассказывая «женщине в белом», пошла к ним. Лицо у нее было щедро заплаканным, но счастливым.

– Вот, Манечка, вот папа... Бабушка здесь...

– Ну чё, Машк? – спросил Андрей, отодвигая с лобика дочки светлую, мягкую пряжку. – Ты молодцом ведь, да?

Лицо у дочки было какое-то мятенное, недовольное, но вполне здоровое на вид.

– Сказали – все с ней в порядке, – почти прошептала Анна, словно услышав немой вопрос Андрея. – Мы сейчас куда?

– Давай сейчас домой, а там все решим.

– Нет, я к отцу – он же там один, – возразила теща.

– Я завтра утром вас отвезу, – предложил Андрей, когда они уже спускались к выходу. – Переночуете сегодня у нас, а там видно будет.

– Да нет, нет, вы оставайтесь. Я не могу деда одного бросить, он же сердечник. Я как раз на электричку успею. Вы звоните только, что и как.

Дома Анна сразу бросилась купать Машу, а Андрей отправился за детским питанием и продуктами – холодильник перед отъездом на дачу был опустошен и выключен.

Остаться сейчас одному, хотя бы ненадолго, – если в городе это было в принципе возможно, – ему было жизненно необходимо. Кроме того, предстоял долгий обмен мнениями с женой. Надо было по возможности все обдумать и предугадать.

«Если вообще можно предугадать извивы женской логики. Теперь ясно, что мишенью были дети как таковые – точнее, один Ванюшка... Все наши заморочки с выкупом оказались полной шелухой, почерпнутой из дурацких триллеров. Если Маняшку выбросили, как

впопыхах и случайно прихваченную ненужность, дело идет о нашем парне. И решиться на такое могли только его одумавшиеся и вспыхнувшие родительскими чувствами биологические производители или, по крайней мере, один из них, точнее, мамаша. Или родичи, к примеру, типа бабушек, которые решили воспитывать внука сами. Но это маловероятно.

– Чё Маняшка-то? – тихо спросил Андрей, отдавая Анне пакеты.

– Вроде заснула, – так же тихо ответила Анна. – Нервная такая... Ножками все бьет.

– Будешь тут нервной.

Одета Анна была в черную водолазку, радость, которая буквально фонтанировала из ее глаз еще час назад, заметно померкла.

– Ань, не надо этого, а? – довольно громко сказал Андрей, прикрывая дверь в кухню.

– Чего? – не глядя ему в глаза, спросила Анна, засовывая продукты в холодильник.

– Вот этого траура. Найдем мы Ваньку, и мое обещание о разрывании похитителя на части остается в силе. А?

– Я думала, ты не захочешь его искать.

– Уй, блин! – взревел Андрей. – Вот сколько еще я собственной родной жене буду доказывать свое благородство и чистоту помыслов?! Почему меня здесь все время пытаются уличить в какой-то низкой подлянке?!

– Тише, Маня проснется, – почти прошептала Анна.

– А пусть! Пусть! Пусть прямо с детства твердо усвоит, что ее отец – гнусный тип, неспособный на великодушие и высокие порывы!

– Ну, прости, прости меня, Андрюшик! – Анна, наверное, уже в тысячный раз за последние дни заплакала, уткнувшись ему в грудь. – Я подумала, раз это все из-за Ванечки произошло...

«Так, раз и женская логика привела к такому выводу... значит, точно – воровали конкретно Ваньку. Ну, погодите у меня! Доберусь я до вас!»

– ... ты захочешь от него избавиться... Или просто не станешь ничего делать, чтобы его вернуть.

Андрей взял голову Анны в ладони и повернул к себе.

– Ванятка – в любом случае хоть и молочный, но брат нашей дочери, значит, наш родной сын. И мы его вернем во что бы то ни стало. Мы его взяли, откормили, имя свое дали, а тут... Нет, я просто никому не дам себя так опустить!

– Да, да, Андрюшик! Да!.. – продолжала по инерции всхлипывать Анна.

– Главное сейчас то, что ему ничто не угрожает...

– А? – Анна принялась вытирать лицо руками. – Ты о чем?

– Если его крали как такового, то уж намеренно гробить его никто не будет. Правильно?

– Да, но я об этом не подумала... Извини.

– Я от твоих извинений скоро рухну. Чайник поставь. Я кофе хочу.

Анна с готовностью ринулась ставить чайник, а Андрей продолжил рассуждать вслух:

– Девяносто девять процентов за то, что его решили вернуть биологические родители.

– А почему не сто? – поинтересовалась Анна, возясь у плиты.

– Один процент поправки на идиотизм народных масс.

Про влюбленную Богданову Андрей благоразумно умолчал, хотя и ее пока нельзя было изымать из числа подозреваемых. То, что исчез один Ванятка, можно было объяснить просто неудобством – громоздкий экипаж, двое писклявых, избалованных младенцев... Муторно. Как у пианистки Кэт. Кроме того, Богданова не была посвящена в тайну усыновления и могла подумать, что, лишившись сына, Андрей будет особенно остро несчастлив.

– Значит, и будем искать эту его родительницу. Найдем ее – найдем Ваню. Это уже дело техники.

– Лишь бы поскорей, – вздохнула Анна, ставя перед ним чашку кофе. – Ванятка очень покусать любит. Вдруг голодать у нее будет?

«Боится, что парень отвыкнет от нее... К новой «мамке» прилепится. Ну нет, не успеет. Я лично за дело возьмусь... Черт, во отпуск у меня будет, а?! Отпад!»

– И пожалуйста, Ань,ними эту хламидомонаду, а? – попросил Андрей, вставая из-за стола.

– Холодно ведь... И мне так удобно.

– Надень что-то другое – так трудно меня послушать?

– Ладно... Я потом... Хорошо?

Андрей пожал плечами и стал собираться на выход – загонять супостатов, неумно посягнувших на его семью, покой и благополучие. Или не понимают, с кем связались?!

Непогода развалилась на улицах вальяжно, плотно и надолго, заполнив город всепроницающей сыростью. Заметно парило, поскольку земля, дома были еще теплыми и щедро отдавали накопленный жар.

– Как у вас, сынок? – спросил Борода, делая сочувственные глаза. – Как Аня все это пережила? Где она сейчас?

– Здесь, с дочкой. Пока побудем в городе, до прояснения обстановки. Вы насчет Богдановой что-нибудь выяснили?

– Да вот не могут ее найти... Может, и верно ты это проинтуичил.

Борода сокрушенно покачал головой.

– Я хочу этот вариант исключить поскорей, – с трудом скрывая раздражение, сказал Андрей.

– Они работают, работают! Не беспокойся! Другие предположения у тебя есть?

– Ну, те, которые на поверхности лежат... У биологической матери родительский инстинкт заговорил. И еще эти фотографии – угораздило же меня в газете их поместить!

– Ну, фотографии – это как причина маловероятно... Разве узнаешь по ней?

– А дата рождения? Тоже удумал!.. И Ванятка такой приметный, мордатый. Сопоставить несложно.

– Да не казни ты себя так! – досадливо махнул на него рукой Михал Юрич. – Каждый день людьми совершается столько нелепых поступков! Не все же к катастрофам приводят!

«Но в корне каждой катастрофы – чей-то нелепый поступок», – подумал Андрей, хотя вслух говорить этого не стал, дал себе слово больше не скулить.

Иначе он невольно займет место Анны, а Борода будет его утешать, как он сам утешал жену.

– Ты что намерен предпринять? – бодренько спросил Борода.

– Поеду в горбольницу, попробую узнать имя и адрес Ванькиной «мамаши».

– Да-да! Это очень хороший ход! Может быть, все сразу и разрешится... Я в тебя верю, сынок!

«Не думал, что так скоро сюда вернусь, – подумал Андрей, входя в вестибюль второго корпуса. – И где ж это мы тогда призы-то наши получали?»

Вероятно, профессиональная приглядчивость в таких ситуациях не работала.

«Придется рассматривать это как задание. Тема – отказ от младенцев. Цель – узнать, кто, зачем и за сколько. Только так я смогу действовать эффективно».

– Нет, пока главврач из отпуска не вернется, я ничего предпринять не могу. – Медичка средних лет глядела в сторону и чуть покусывала губы. – Да и вообще... Какая-то странная история. Не понимаю, как вам могли так просто отдать чужого ребенка, даже отказного?

– Я тоже не очень хорошо осведомлен, как это произошло. Моя жена подобрала брошенного матерью ребенка. Меня, собственно, поставили перед свершившимся фактом. Я не возражал, вот и все. А потом произошло то, что произошло. Я намерен вернуть своего приемного сына, и я это сделаю.

Собеседница хотела что-то возразить, но Андрей не дал ей даже начать.

– И в данной ситуации мне абсолютно все равно, как оформлялось это событие. Эта «мамаша» тут, у вас рожала, в бесплатном отделении. Значит, документы есть – должны

быть, по крайней мере. Я не собираюсь проводить расследования – я просто хочу, доктор, услышать от вас заветные три слова...

– Какие?! – Она все-таки подняла на Андрея глаза.

– Фамилию, имя и отчество этой горе-мамки. А вы что подумали?

– Ничего я не подумала. И вообще...

– Что – вообще?! – Андрея уже подбрасывало на старомодном стуле с разъезжающимися металлическими ножками.

– Неправдоподобная какая-то история...

– Чем же неправдоподобная? Что мы чужого ребенка взяли? Это случается не так уж редко. Так вы дадите мне сведения?

– Нет, – поджала губы докторша. – Пока главврач из отпуска не вернется...

– Ребенок неизвестно в чьих руках, доктор! Вам за его судьбу не страшно? Вдруг его какая-нибудь психопатка украла?

– Ну, милиция же ищет, – пожалала плечами врачиха. – Найдут.

– А, хорошая мысль! – нарочито обрадовался Андрей. – Спасибо, доктор. Я подскажу им, куда следует наведаться за информацией.

«Скорей всего, у них просто нет никаких документов, – размышлял Андрей на пути домой. – Радые были без волокиты ситуацию разрулить. А сейчас изо всех сил будут скрывать факт нелегального Ванькиного усыновления, потому что мы им заплатили... Но Бороде сообщить надо. Может, нажмет на кого-то».

В редакции царил обычное четверговое затишье – номер сдали, корреспонденты разошлись по заданиям. Борода был на месте. Андрей, будто посетитель, прошел к нему в кабинет.

– Темнят они чего-то, наверняка махинации какие-то скрывают. Или взятки при незаконном усыновлении. Ничего не скажут. Тем более после моего визита.

– Ну, можно попросить товарищей из... э-э, сотрудничающих организаций как-то выяснить этот вопрос, – задумчиво глядя вдаль, пробормотал Борода.

– Да, но пока они будут выяснять, та тетенька всю информацию похерит. А Ванька неизвестно где...

Они в унисон тяжело вздохнули.

– И где мне эту шалаву найти? Как бы, пока суд да дело, парня нашего голодом не заморили. Анята очень беспокоится.

– Ну, сколько он вне поля вашего зрения – меньше недели? Может, пока не очень страшно, а? Ты скажи ей, успокой.

– М-да, пока... Ладно, я пошел. Меня Анна до трех дня отпустила.

– Андрюшик, ты за ребенком присмотришь? – Анна ждала его прямо на пороге квартиры.

– Да, а чего? Ты собралась куда-то?

– Да... Маня спит, кормленная, супчик для тебя на плите. Я тут сбегая... поговорить.

Анна быстро накинула ветровку и исчезла так, что Андрей не успел что-то спросить.

Дочка спала, лежа на спинке, чуть пожевывая во сне ротиком, будто с кем-то неторопливо беседовала, там, в своем сне. У нее отрастали острые, как бритвочки, коготки, и Анна надевала ей на кисти что-то вроде рукавичек – чтоб та не исцарапала себя. Поэтому сейчас, в чепчике и варежках, Машка была похожа на зайчика из блаженного новогоднего спектакля. Впечатление подчеркивала непривычная тишина в детской – Ванька, кажется, издавал звуки даже в глубоком послеобеденном сне.

Дочка, видимо, почувствовала отцовский взгляд, приоткрыла глазки, но решила до конца не просыпаться, снова их закрыла, убедившись, что здесь все свои.

– Я пойду поем, Мань, если не возражаешь, – вполне серьезно сказал дочке Андрей. – Понадоблюсь – зови, не стесняйся.

Дочка не возражала, и Андрей отправился на кухню.

«Так, в роддоме мне ничего не скажут, даже если вернется главврач. Пока приятели

Михал Юрича будут копать по официальным правилам, Ванюшка может и в Америке оказаться. Да и обязательно ли его стырила биомама? Забыл я у Бороды про Ритку спросить!»

Остановившись на полтарелке супа, Андрей позвонил на мобильный замку по связям.

– Да, сынок, я забыл тебе сказать... Ее в городе уже две недели нет, значит, она в этом не замешана. Извини, что упустил.

– Ничего страшного... А где она? – решил все-таки уточнить Андрей.

– На археологических раскопках где-то под Новгородом.

– А, тогда действительно. Хорошо, что эту версию мы отсекли.

Из прихожей донесся шорох. Вернулась Анна, с сырым зонтиком в руках.

– Чего – опять дождь?

– Да он, похоже, кончаться не собирается. Маня спит? Не плакала?

– Да нет, дрыхнет. А ты вообще куда ходила? Поведай супругу и повелителю.

Они прошли на кухню, Андрей вернулся к остывшему супчику.

– С девушкой одной встречалась, с Юлей. Я тебе говорила – мы с ней и с другими девчонками вместе в сквере гуляли... У нее мальчик на сутки старше Мани.

– И чего? – без особой надежды спросил Андрей, ставя тарелку в мойку и включая воду.

– Ну, она задним числом в ужасе... Оказывается, не только на нашем пяточке, и на других те, – Анна судорожно дернула головой, – вроде цыганок, тетка и молодая, по коляскам шарили. Только все подумали, что они украсть что-то хотят, из вещей. Они и милицию один раз вызвали.

– А к тебе она конкретно подходила?

– Нет, я точно помню... Но она, наверное, и не стала бы.

– Почему?

– Так ведь наша коляска для двойняшек, а она, выходит, одного мальчика искала.

Андрей закрыл воду и повернулся к почему-то затихшей Анне. Та глядела на него, готовясь опять заплакать. Губы дергались.

– Ты все-таки думаешь, что мы его не найдем, да? Ты ведь так думаешь?

– О господи, Аня, не начинай сначала! Я ничего не думаю, я просто предпринимаю попытки найти Ваньку! Но я допускаю, что, возможно, он не найдется. Из всех пропавших людей четвертая часть не возвращается никогда! Просто исчезает бесследно – как растворяется! Это печальный, но неопровержимый статистический факт!

Вероятно, Андрей говорил слишком громко – из детской подавала голос дочка.

– Ты Машу разбудил, – с упреком проговорила Анна, утираясь ладонью.

– Ничего, – решительно заявил Андрей, отодвигая жену с дороги. – Я ее разбудил, я ее и укачаю.

Анна не успела ничего предпринять, как Андрей оказался у кровати, подхватил недовольно скрипевшую девочку на руки. Она повозилась, устраиваясь у него на изгибе локтя, и действительно примолкла.

– Вот видишь? Ей просто скучно стало... Не бойсь, Маняш, папа с тобой... А если через три дня эти недотепы из ментовки не вернут нам Ивана живым и здоровым, я начну действовать нестандартными методами.

«Чтоб меня какая-то девчонка обставила?! Шлюшка, которая от не пойми кого нагуляла, со мной тягаться вздумала?!»

– Какими это? – Анна стояла на пороге детской и обиженно глядела на Андрея. – И почему не сейчас?

От этого взгляда ему в который раз стало не по себе. Может, он действительно недостаточно активно разыскивает Ваньку, и Анна думает, что это оттого, что мальчик – приемыш?

– Пока не исчерпаны традиционные методы. Мань, иди к маме, а? Мне позвонить надо. Наша мама хочет срочных мер? Наша мама их получит.

Анна, кажется, что-то спросила, но Андрей уже был в гостинной и набирал знакомый номер, вдруг явственно всплывший у него в памяти.

– А я-то удивляюсь, как это ты про меня забыл? – слегка укоризненно сказала ясновидица, впуская его в квартиру. – Как там Аня все это переживает?

– Она думает, что я не слишком стараюсь искать Ванюшку – как бы он нам не родной, вот я и не активничаю.

– Она сама так сказала? – удивилась Ксения Петровна.

– Практически да. Не заслужил я у нее доверия. Все еще...

– Ну, это ты зря. Она просто от природы такая – тонко чувствующая.

– Ну да... Только с моими толстыми чувствами никто считаться не хочет. А вы... ну так... из общей атмосферы ничего не вычувствовали? Где Ванятка-то?

– Я очень старалась, Андрюша, поверь... Как только объявили по радио. Но...

– Ничего не получилось? Передатчик у Ваньки слабенький?

– Не поэтому даже. Не то. Его... уж очень отдавать не хотят... Прямо как облако серое, непроницаемое на нем вижу – не отдам! Ни за что не отдам!

– Да?... – Андрей встал с кухонной табуретки и, хотя ему не сиделось, опять опустился на пластмассовый квадратик – побегать по этой кухоньке вволю ему никогда не удавалось. – И с чем это связано? Мамаша одумалась и уперлась?

– Ну... да. Но не только это. Есть что-то еще. Больше и тяжелее. Я не могу понять... А в милиции что говорят?

– Говорят, что работают. Варианты отсекают – как щупальца у гидры, вжик-вжик, вжик-вжик. А они снова вырастают, только уже другие.

Они помолчали. Ксения Петровна сняла с плиты чайник.

– Извини, что пирожков нет.

– Да я же теперь семейный, особо не страдаю. Но вы мне сообщите, если что-то выяснится? А то я даже в роддоме никакой информации получить не могу – все как сговорились! Вы правы – точно облаком все накрыто.

– Да? – Рука Ксении Петровны зависла над столом. – А вот в отношении этого богоугодного заведения я тебе могу кое-чем помочь...

На эту встречу Андрей захватил дополнительную кассету – внутренний голос подсказал ему, что можно будет получить не только сведения о Ванюшкиной биоматери, но и еще что-то, для последующего опубликования в родной «Крестьянке».

– Да наши места вообще любовными историями всегда славились, – зябко засовывая руки в рукава вязаной кофты, говорила пожилая женщина, с которой Андрея свела Ксения Петровна. – И случалось, руки на себя от неразделенной страсти накладывали или безобразия устраивали. По-всякому. Иной раз такое бывало!..

Андрей понял, что, пока его собеседница не выговорит определенный минимум, спрашивать ее о чем-то конкретном бесполезно. Ну да ладно – полчаса больше, полчаса меньше – не важно. Хотя... Фельдшерице, отработавшей на родильно-абортном поприще сорок лет, есть что рассказать. Мелькнула мысль: надо было послать вместо себя Анну... Или он ей не начальник?! Но было поздно.

– А с близнецами такой случай был – даже на ваш чем-то похож.

– Да? – поднял брови Андрей – это что, тоже местные реалии?

– Да, парнишке одному, тут, из пригорода, сон один сниться упорно начал – будто он двойника своего на улице встречает. Все такое же – лицо, походка, улыбка, даже прическа. Только тот – черненький. Парень оборачивается к матери и говорит – смотри, я брата встретил. А она ему – какого брата? Никакого брата нет... Мальчик тот смотрит – а и правда. Никого, только улица безлюдная. И так из месяца в месяц. Он даже мать стал просить – роди мне братика. Но та женщина в годах, только плакала и говорила – это сон.

– И сколько же это продолжалось? – спросил Андрей, видя, что собеседница смотрит на

него с немим вопросом – интересно, нет?

– Да пока не вырос парень этот... А как подошел возраст в армию идти, так на районном призывном пункте встретил того «близнеца» носом к носу. Как на зеркало налетел! Только тот черноглазый и темноволосый. А как стали выяснять – у них и дата рождения одна!.. Имена, отчества, фамилии – все разное, а дата рождения одна. Крути не крути, а они – родные братья-близнецы.

– И как же это все объяснилось? – заерзал в неудобно низком кресле Андрей. – Действительно братьями ребята оказались?

– Ага, точно. Сон не обманул! Цыганка одна согрешила с русским – и родила двойняшек. Один беленький, в русского отца, другой черный, в нее, в цыганское племя. В табор вернуться с таким приплодом она не могла, поплакала-поплакала да и бросила их в роддоме – даже бумагу нужную не подписала, неграмотная была. Это уж те ребята сами узнали, когда из армии вернулись. Беленького мальчика русская семья прямо из больницы взяла. А потом молдавские цыгане, оседлая семья, зажиточная, теплицы у них были, через несколько недель узнала как-то и взяла черненького. Невозможно, сказали, чтобы цыганский ребенок в детдоме рос. Своих было пятеро – и этот не лишний.

– А технически – как они узнали, что такой мальчик вообще существует?

– Ой, – махнула рукой бывшая акушерка. – Это у вас в семье все в порядке – полюбили, поженились, ребеночка завели. А таких семей по моему счету единицы были. А теперь и нет почти... Так что среди тех женщин, которые от бесплодия лечатся и долго, и безрезультатно, сарафанное радио очень хорошо работает. Сразу, если здоровый бесхозный ребеночек появляется, слух проходит...

– И что – много таких случаев, когда так вот без документов детишек берут?

– Да много, – пожала плечами собеседница. – Ведь чем старше детки, тем сложнее их пристроить. Пока органы опеки волокититься будут, он уж школу кончит, сирота этот. А тут – оформили как родного ребенка, один отдал конвертик, другой получил конвертик – только побольше чуть, и все довольны. Ребенок в семье, и врач копейки не считает.

– Вы думаете, это правильно? – спросил Андрей.

– Я думаю, что это так и есть. Не имели права врачи двойняшек разлучать? Да, по закону не имели. А кто б их двоих взял? Ну, может, взяли бы, а может, и нет. А тут – двумя несчастными детдомовцами меньше. Не так?

– Да так... Только неуютно как-то – детей бросают, детей воруют... Детьми торгуют. Нехорошо.

– Вот и напишите об этом.

– Напишу обязательно. На вас, как на авторитет, можно сослаться?

– Ну... Лучше не надо. Ксюша мне обещала, что вы меня не выдадите. Хотя... Сейчас-то еще хуже стало – открыто на органы продают. Своих, единокровных! В наше время хоть этого не было.

– Хорошо, я напишу так – фельдшер-акушер, через руки которого прошло не одно поколение местных жителей.

«Что, кроме материала, да и то неполного, я вынес из этой беседы? – подумал Андрей, выходя из подъезда. – То, что существует развитая индустрия торговли новорожденными, и так известно.

Что Анна, по доброте душевной, ввязалась сама и меня втащила в нелепую историю – тоже факт. Н-да, хорошо погулял... Но где Ванятка-то? Вот этого я и не выяснил. Хотя...»

Припарковавшись у своего дома, Андрей позвонил на мобильный Сереге Павлючку.

– Как дела, спецкор? Купаться ходишь?

– Вы чё, дядь Андрей?! – фыркнул Павлючок. – Колотун же зашибенный!

– Да? А я думал, тебе все нипочем... Скажи, Сереж, а ты поблизости нигде цыганского табора не замечал? Ну, там, шатры, повозки. Не видел?

– Нет, не видел... Погодите, я спрошу у пацанов...

Андрей услышал отдаленный гомон голосов.

– Нет, никто не видел, но вот один говорит, что у них по дому две цыганки ходили, в квартиры стучали, просили обноски какие-нибудь. А потом все, что им люди надавали, в подъезде побросали – на себя надеть постеснялись.

– Ну ладно, спасибо и за это. Будь хорошим мальчиком.

Павлючок издал что-то вроде сдавленного смеха и отключился.

– Ну, чего интересного узнал? – спросила Анна, забирая у него пакет с продуктами.

По его лицу она не могла не понять, что ничего принципиально нового и радостного он, вероятнее всего, не сообщит, но и не спросить не могла.

– Я подумал, что, может быть, имел место классический вариант – Ванятку украли цыгане.

– Цыгане? – разочарованно произнесла Анна и отвернулась – не захотела, чтобы Андрей видел ее мину.

– Ну да... Ты же сама говоришь – биомать была как бы черненькая... Вот, а эта дама мне поведала, что когда-то давно одна молодая цыганка оставила новорожденного в роддоме, но его нашли такие же цыгане, ну, разве только покультурнее, и усыновили – именно под тем предлогом, что цыганенок должен воспитываться в родной среде.

Рассказывая такое, Андрей и сам поверил в эту теорию. В самом деле – почему нет? Пока он путешествовал по магазинам, все так и выстроилось. Вполне логично.

– Значит, ты думаешь, Ваню украли родственники?

– Я не исключаю такую возможность. В условиях полной неопределенности вообще пока ничего исключить нельзя – разве только классический киднеппинг с целью выкупа.

Анна слушала его, глядя в пол, словно он зачитывал ей приговор суда. Андрею это очень не нравилось, но он продолжил:

– Ну, а если Ваню своровали не родственники, тогда – соплеменники, что почти одно и то же. А если они тоже действовали через больницу... Вот я и не смог найти концов. Потому что все делалось практически нелегально. Но нас-то, оседлых, что составляет найти? Мы-то ни от кого не прячемся.

– Да... Да! – Анна повернулась к нему, и Андрей впервые за последнюю неделю увидел на ее лице радостную улыбку. – Да, наверное! Но...

«Вот, опять сейчас начнет подозревать, что я не захочу брать его назад – тем более из табора».

– Что – «но»? Серега Павлючок сообщил мне, что по городу бродят цыганки, кланчат деньги и тряпки. Значит, надо узнать, где они загнездились, – и устроить облаву. Думаю, капитан Макеев не откажется? Как ты думаешь?

– Это хорошо бы... Что там за жизнь для маленького!.. Они же все наркотиками торгуют.

– Ну, для ползунка это еще не фактор риска. Ты на этом не заострайся, ладно? Скоро Ванька найдется. Но для борьбы мне нужны силы...

– Да, извини. – Анна отвернулась к плите, где уже клекотал перегревшийся супчик. – А когда, ну, ты...

– Как только, так сразу, – чуть раздраженно ответил Андрей.

Наверное, в атмосфере готовились какие-то капитальные перемены. Невнятно бормотала опустевшая голова, покалывало сердце. Тучи почти истощились дождем, рвались в темно-серые, с белыми краями клочья, которые, задрав носы, лихо неслись на запад. Совсем похолодало.

– Я спущусь в редакцию, – сказал Андрей, наспех пообедав.

Он чувствовал, что, если этого не сделает, Анна просто погонит его пинками – не важно куда... Лишь бы он бежал спасать Ванюшку.

* * *

Михал Юрич был на месте.

– Вы как к цыганам относитесь? – напрямик спросил Андрей.

Борода ошарашенно поглядел на него поверх «лекторских» очочков.

– Ну, как... Гадать на улице они мне давно не предлагают, а позиция органов по отношению к гражданам цыганской национальности... Она всегда была несколько расплывчатой. Да ведь и цыгане разные бывают.

– Ага... А как бы мне узнать, где в районе они кучкуются? Они в городе появились с регулярными подворными обходами. Значит, и табор где-то поблизости... Но объезжать весь район... Обстоятельства требуют иных методов, более быстрых и действенных.

– Ну да... Это надо выяснить. В связи с нелегальным трафиком наркотических веществ передвижения эти должны отслеживаться.

«Ну да – чтоб вовремя мзду собрать. Это-то они на раз-два отследят».

– Ты посидишь еще? Не очень спешишь?

Андрей понял: Борода хочет остаться один.

– Нет, я к себе зайду. Сейчас вернусь.

– Ой, Андрюша! – неожиданно увидела его Валя. – Как дела у вас?

– Да так... Аня с дочкой сидит, никуда не выходит. Говорит, холодно и сыро, а мне кажется, у нее фобия.

– Ну как тут не развиться, – сочувственно покачала головой Валя. – После такого... А что про мальчика слышно?

– Ни-че-го... Я почту посмотрю. Если Михал Юрич спросит – я у себя.

Почта ничего особенного не содержала – так, пару «сигналов от населения». Андрей отправил их Бороде, а в поиск забил слово «цыгане». То, что ему выдал дружище «Гугл», Андрей в общем-то знал, но вот про азиатских люли – было ново и интересно.

Андрей видел этот народец, мелкий, жалкий, голодный, грязный, упорно сидящим на углах и у магазинчиков, в жару и в холод. Они исчезали, когда выпадал снег. Как водится, взрослых мужчин среди попрошаек не было – только темнолицые, хронически недокормленные дети, иногда в одних рубашонках, и такие же темнолицые женщины, замотанные в цветастые лохмотья.

Андрей часто ловил себя на неприемлемых для интеллигентного, цивилизованного человека мыслях – а вот зачем это племя вообще существует на свете? Какова его роль в созидательном процессе? Не лучше ли их всех... Чтоб сами не мучились и других не смущали... Ох, так нельзя! Гуманизм и еще раз гуманизм! Но...

Один раз, давно, Андрей отважился дать червонец мальчонке с отчаянно черными, на пол-лица глазищами. Ох, какая же это была чудовищная ошибка! Вдруг, неведь откуда, появилась целая стая такой же малышни, мгновенно облепила Андрея, заверещала что-то на непонятном, едва ли человеческом языке, протянула к нему грязные ладошки... Некоторые детишки нелепо махали ручонками, изображая, что крестятся...

Андрей почувствовал, что сотня коричневых пальчиков намертво вцепились в борсетку, в которой находились повышенная стипендия, водительские права и паспорт. Он попробовал стряхнуть с себя разбухавшую на глазах массу – не тут-то было! С высоты своего роста он с ужасом увидел, что за детишками на место группового экономического насилия спешно, задирая для быстроты передвижения многочисленные юбки, подтягиваются мамышны попрошаек!

Андрей редко переходил на ненормативную лексику – дома у них это не практиковалось, но какими-то глубинами сознания понял – мирным, почти приличным «блином» он ситуацию не разрулит... Потом, много позже, делая материал о нечистой силе, он узнал: матерная брань изначально была изобретена как охранительная ворожба, а уж потом стала использоваться «для связи слов». Инстинктивно применив тюркоязычные оксюмороны и грубую физическую силу, он смог оторвать от себя липкие щупальца, раскидать жалостно галдящих бабенок и спастись позорным бегством. Добычей попрошаек стали только носовой платок, мелочь из оторванного кармана и та злополучная десятка.

... Обычные таборные цыгане азиатских люли за своих не считали – ввиду их якобы позорного происхождения. Оказалось, кондовые цыгане считают люли плодом позорного инцеста – разлученных в детстве брата и сестры. Лю и Ли, повзрослев, встретились, полюбили друг друга и народили кучу детей. А когда их нашли родители и узрели многочисленные плоды трагического стечения обстоятельств, прокляли своих детей и внуков, и теперь этим несчастным нигде нет приюта... Заработать на пропитание они могут только подаванием – такое вот проклятие.

Эта история Андрею особенно не понравилась. Еще не хватало, чтобы такое случилось с их детьми! Даже если учесть, что Машка с Ваняткой не кровные родственники. Все равно. Природный ли цыганенок Ванька, нет ли, его надо найти. Хотя бы для того, чтобы элементарно воспитать его нормальным человеком.

Забренчал мобильный. Номер определился как павлючковский.

– Да, Серега, слушаю.

– Дядь Андрей, вы про цыганов спрашивали... Они на платформе одной тусуются. Там уже давно поезда не останавливаются, вот они и пригреблись.

– Название скажешь, спецкор?

– Ага, я вам сейчас эсэмэской сброшу.

– О'кей. Благодарю за службу.

– Да ладно... Фигня.

Сообщение, пришедшее через минуту, содержало одно слово, но какое!

– Михал Юрич, можно на секунду?

– А?! – Зам по народным массам испуганно глянул на него. – Да, заходи.

Поспешно поблагодарил кого-то и положил трубку.

– Где этот населенный пункт находится может? – спросил Андрей, показывая Михал Юричу дисплей мобильного.

– Ххя-я, – озаряясь ерной улыбкой, фыркнул Борода. – Это кто ж такое тебе прислал?

– Не важно, – тоже невольно расползаясь по шву, ответил Андрей. – Но я хочу туда наведаться. Очень хочу, правда!

– Как я тебя понимаю, сынок! Я думаю, это либо Лапушкино – но это далеко, уже на границе района, и это нормальный район, либо, скорее, Ладушкино – вот это недалеко, одноколеечка там проходит, в двадцатых годах построенная. А чего тебя там интересует?

– Табор там находится. Хочу съездить и обзреть.

– Да? – удивился Борода. – А мне товарищи ничего конкретно не сказали.

«Какие у кого товарищи!» – почему-то злорадно подумал Андрей.

– Вот, а мне спецагенты сообщили. Возьму Костика...

– Он со следующего понедельника в отпуске.

«Ага, и, пользуясь моим отсутствием, перестал ходить на работу. А кое-кто его не тербит по старой памяти».

– Так это ж со следующего! – хохотнул Андрей. – Валь, Костика мне организуй на завтрашнее утро!

Валя явно что-то хотела возразить, но Андрей сделал вид, что очень спешит на рабочее место – неча покрывать нерадивых работников!

Из кабинета он позвонил Павлючку:

– Серега, а ты завтра проехаться со мной не хочешь? Давно мы по чужим хазам не тырили...

– Чегой-то вы говорите? – даже обиделся Павлючок. – У меня с этим давно крандец.

«А у меня, похоже, нет... Увижу кого-то, на папаненка нашего похожего, – сначала сворую, потом выяснять стану. В крайнем случае потом верну по принадлежности. Возможно...»

– Это я так, дурака валяю... Но ты поедешь? – Павлючок угукнул. – Значит, завтра в десять в редакции.

Уже выходя из кабинета, Андрей вспомнил про давно лежавший на столе под стеклом

картонный складничек – полученный от матушки игуменьи сборник иконок и молитв о пропавших.

«Нелепость, конечно», – подумал Андрей, но вернулся, спешно выцарапал складень и положил в карман куртки.

Конечно, Костик был недоволен поездкой на задание, но вдосталь пожаловаться на плохую погоду ему не удалось. Было по-прежнему прохладно, но небо почти очистилось и стало словно эмалевое, немыслимо густого голубого цвета. Воздух, промытый недельными дождями, казался вызывающе прозрачным.

– Эх, погодка бы установилась, а? – крикнул Костик, втягиваясь на заднее сиденье. – Как там Анютка?

– Кому Анютка, а кому Анна Аркадьевна, – спесиво заметил Андрей, выруливая со стоянки. – Дома Анюта безвылазно. Я фактически по ее заданию еду. Так что смотри в оба.

– Я – чего? Не въезжаю, шеф.

– Поглядывай – нет ли там, куда мы едем, мальцов откормленных... Хотя, может, его уже голодом заморили. Словом – смотри и докладывай. Кстати, всех касается.

– А задание? – поинтересовался Костик.

– И задание блюда. Одно другому не мешает. Там фактура будет богатая. Как ты сам любишь.

Они уже выехали из города к восточной окраине.

– Я тоже в гляделки с этими шустриками поиграю. Вы не беспокойтесь, дядь Андрей, – сказал Павлючок. – Если парень ваш там – засечем.

– Я не хочу машину без присмотра оставлять. Разукомплектуют агрегат туземцы, а он казенный. По очереди рассекать будем.

Пока Андрей с Павлючком шли от шоссе через полосу редколесья, до них долетали звуки, свидетельствовавшие о том, что где-то поблизости обитают люди, – вопили дети, перекрикивались гортанные женские голоса.

– А чё, дядь Андрей, правильно я вас навел – точно цыганята базарят! – гордо заявил Павлючок.

– Я никогда не отрицал твоих потрясающих способностей, Серега. Теперь смотри, и не только на младенцев. Копи впечатления!

На этом полустанке, видимо, давно не приземлялись залетные электрички. Название остановки можно было только угадать, поскольку на деревянной дощечке, чудом сохранившейся над окошком кассы, осталось только четыре буквы «Б. Л_д_____о». Между черными деревянными шпалами вольготно росла трава, платформа кое-где провалилась. Но был отчасти цел крытый кирпичный загончик, в котором некогда прятались от ненастья ожидавшие редких поездов пассажиры, и касса с выбитыми стеклами и следами вырванной из оконного проема решетки. Видимо, ее давно сдали в металлолом вместе с ограждением платформы и лесенкой, вместо которой теперь виднелся шаткий деревянный мосток. Заросли бурьяна подступили к бывшей платформе вплотную, травы и цветы кипрея торчали из трещин в бетонных плитах.

Когда незванные гости подошли к платформе, на ней уже никого не было, вокруг установилась напряженная тишина, нарушаемая только редким покриком какого-то лесного существа.

На платформе, под навесом, располагалась в спешке покинутая лежка – на остатках асфальта был расстелен кусок тепличной пленки, а на нем устроено нечто в виде большой общей постели – продавленные подушки, одеяла с торчащими через дырки кусками грязной ваты. В самом углу было что-то вроде очага. Наверное, это было то, что некогда именовалось буржуйкой – металлическая печка с трубой.

Павлючок, подтянувшись на руках, прыгнул на платформу и заглянул в окошко кассы.

– У них тут штаб! – радостно сообщил он, оглянувшись на Андрея.

– Ты осторожно – а то принесешь домой насекомых.

– А, да... У меня тоже малой.

– Э-ге-ге! – зычно кликнул Андрей. – Выдьте, хозяева, гости пришли!

Никто не отозвался, только смолкла, испугавшись, птица, тоскливо пищавшая где-то вверх.

– Мы не из милиции, мы добрые! Выходите, поговорим!

«Судя по богатству интерьера, эти цыгане к торговле наркотиками отношения не имеют. И осуществить такую операцию, как планомерное похищение младенца, вряд ли могли. Лишний рот здесь явно не нужен. Похоже, личных целей я сегодня не достигну. Но надо хоть материала наскрести».

Последнее, что Андрей сделал для пошедших проводить их до машины обитателей станции Большое Ладушкино, – высыпал в подставленный пожилой цыганкой широкий подол содержимое автомобильной аптечки. Вольный народ взял все – даже резиновый жгут.

– А фактурненько вышло, – вещал с заднего сиденья Костик, просматривавший сделанные снимки. – Лица – улет! А прикид – у-у!..

– У-у-летишь тут, если за каждый снимок я по полтиннику, считай, заплатил.

– Запишешь в накладные расходы, – легко ответил Костик и прыснул. – Как за консультационные услуги, ага!

Чтобы разговорить цыган, Андрею пришлось сначала разрешить им погадать. Поскольку массивное обручальное кольцо и хорошие часы он предусмотрительно оставил дома, тощая цыганка неопределенного возраста, водившая грязным пальцем по его ладони, щедро нагадала ему «счастье с кралеи, каких свет не видал» и грандиозное богатство в ближайшем будущем. Ну, пусть так...

Они уже выезжали на шоссе. До города оставалось километров двадцать.

– Да, дядь Андрей... А то забуду, – с подозрительной интонацией сказал Павлючок. – Это, сдается, ваше?

Павлючок, повозившись, извлек из заднего кармана своих джинсов Андреев бумажник и покрутил у него перед носом. Глаза у Павлючка сияли.

– Дай! – почти выхватил бумажник Андрей. – За старое взялся, греховодник?

– Опять обижаете, – надулся парень. – Это я у того мужика в полосатой рубаше вытянул. Вы и не шелохнулись, когда он у вас его увел.

– Да там и денег уже не было. Хотя...

– Чего? – сунул нос Костик.

– Как деньги исчезли, я тоже не заметил.

– Ага, а они решили и бумажник прихватить, – довольно гоготнул фотокор. – Пригодится!

«А наш-то все равно лучше – цыгана обул!» – усмехнулся про себя Андрей, но вслух Павлючка хвалить не стал.

Главный и не самый радостный итог поездки – Ванюшки в таборе не было. Табор вообще оказался завалаченький – один многодневно не кормленный цыганский барон, с полдюжины клекотливых ледащих теток в платках и с полдюжины ребятишек, чумазых, бегавших босиком, с удивлением взиравших на «больших белых людей». Ни кибитки кочевой, стоящей поодаль, ни нервных цыганских коней, пасущихся на зеленом лужку, – никакой атрибутики.

Входя в квартиру, Андрей с огорчением заметил, что Анна, открыв ему дверь, смотрела не ему в лицо, а на руки. Только что за спину не заглянула – не прячет ли он заговорщицки притихшего Ванятку...

В среду утром Андрей позвонил капитану Макееву. Тот был на месте, но не сразу понял, кто с ним говорит и, главное, о чем.

– Как ведутся поиски нашего ребенка? – сдерживаясь, чтобы не закричать, в сотый раз спросил Андрей.

– Ну, ведутся... Все необходимые инстанции оповещены. Дочку же мы вам вернули?

– Дочку нашу те не взяли, а не вы вернули! – рявкнул Андрей, только не укусив трубку за микрофон.

– Вообще, темная какая-то история, – ехидно заметил Макеев. – Одного ребенка взяли, другого нет... А?

– Да, темная! – вызывающе ответил Андрей. – Вот вы и пролейте свет! Я вас за это в «Крестьянке» воспою!

– Ладно, будет права качать, – выдавил Макеев. – Мне уж фээсбэшники плешь проели – как продвигается, как продвигается... Ищем!

Анна стояла на пороге гостиной, вытирая руки о полотенце, и смотрела на Андрея.

Маня неделю была дома и, похоже, полностью пришла в себя – не плакала и не сучила ножками, словно пытаюсь убежать. Анна утверждала, что девочка очень скучает по братику, хотя это была полная чушь. Еще готовясь стать отцом, Андрей добросовестно, от корки до корки, прочел толстенную цветастую книжищу о новорожденных и помнил, что до шести месяцев дети друг с другом никак не взаимодействуют, не пытаются подружиться и даже играют в одиночку. Скорее всего, Маняшка даже не заметила, что соседнее звено в пищевой цепочке исчезло.

Но про Анну этого сказать было нельзя. Она сдаваться не желала. Смотрела на него большими скорбными глазами...

– Ладно, все. – Андрей хлопнул себя по коленкам и встал. – Сколько у нас там денег на карточке? Тысяч семьдесят?

– Ты что задумал?

– Если этот подлюка даже выкуп с нас спросить гнушается, я сам деньги предложу. Вот подельники и продадут! Или родичи соблазнятся. Или соседи. Не может же так быть – вдруг ни с того ни с сего где-то появляется ребенок. Невозможно, чтобы этого никто не заметил.

Русые бровки Анны грозно сошлись на переносице.

– Да, милая, да! Предложу вознаграждение за сведения, ведущие к возвращению ребенка в семью. Сейчас пойду и в текущий номер поставлю объявление. Лично!

– Предложи сто тысяч – так лучше.

– Как скажешь, дорогая.

То, что он действует в большей степени для спокойствия любимой женщины, Андрей, конечно, сознавал, но ощущение того, что кто-то может вот так, походя, внести разлад в его только-только наладившуюся жизнь... Нет, он найдет Ваньку! Обязательно! Пусть Ванька – жена игрушка, но это его, Андрея Полевого, жена, и ее игрушку никто не смеет тронуть пальцем!

– Михал Юрич, здрасте... У вас на тысячу знаков местечко в текущем номере найдется? – спросил Андрей, открывая дверь замовского кабинета.

– Да, привет, сынок... А что ты хотел?

– Объявление дать. Про Ванюшку.

– Что – опять ничего? – огорчился Борода.

– Если б было чего, я бы еще вчера сообщил – как крестному. Так есть место?

– Конечно! Я пару анекдотов с последней полосы выкину. До обеда дашь текстик?

«Да, краткость – сестра таланта, – думал Андрей, сидя у себя в кабинете за компьютером. – Похоже, мой талант был единственным в семье».

Развернутые, многофигурные, красочные полотна давались ему куда легче. Сочинить текстик, в котором было бы все понятно и не было ничего лишнего, оказалось делом непростым. Но главное – солидная цифра «сто тысяч» была очень выразительна. Она обещалась тому, кто раскроет тайну местонахождения Вани П., появившегося на свет четыре месяца назад и недавно бесследно исчезнувшего... Анонимность и безнаказанность доносчику гарантировались.

Уповать приходилось на то, что какой-нибудь безработный пьяница, просиживавший от выпивки до выпивки на лавочке у подъезда, обратит внимание на появление у кого-то из соседей крупного, трубногогласого младенца, доселе там не наблюдавшегося. Возможно,

позарившись на немалые денсредства, кто-то позвонит или придет в редакцию. Загвоздка состояла в том, что пьяницы газет, даже местных, не выписывают и не покупают. Да и с вниманием у них туговато – если дело не идет о водяре или пивасике.

Но ведь есть еще дорогие, милые, социально активные бабушки у подъездов, на балконах и завалинках! Вот где пригодилась бы их готовность к непримиримой борьбе со злом и неизбывная страсть к многочасовым допросам мимоидущих!

– Готово, сынок? – обрадовался Михал Юрич, когда Андрей, послав текст, позвонил ему в кабинет.

– Если что-то не так – скажите, я приду, обсудим. Я прямо в верстке поправлю.

– Да нет. – По голосу Андрей понял, что Борода внимательно читает текст. – Вроде так все. Может, сначала полтинник предложим? А то поседем нездоровый интерес у населения – телефоны оборвут в редакции, а мы потом по адресам убегаем... Ты как?

– Анна так хотела. Она мучается очень – считает, что виновата во всей этой истории.

– А-а, да. Ладно, я даю в таком виде. – Андрей услышал, как Михал Юрич споро щелкает мышкой. – Да, Анечка очень чувствительная девушка.

– Даже слишком... И скажите верстальщице, чтобы в фототеке нашей карточку взяла. Помните какую?

«Дело сделано, – подумал Андрей и положил трубку. – Завтра тираж отпечатают, в пятницу его прочтут сограждане... Ну, будем надеяться, что прочтут – все ж в отпуске... Ох, какая же вокруг незадача! Все против того, чтобы Ваньку вернули в семью!»

Возвращаться домой не хотелось. Видеть вопрошающие глаза Анны становилось все сложнее. Но можно и должно было набросать материал о таборе – вот и предлог для того, чтобы задержаться в редакции.

Пришла пятница, наступил август. Пакостный високосный год с трудом переполз через вершину холма и устремился к подножию. Установилась в меру жаркая погода.

– Ты не хочешь поехать к родителям на дачу? – спросил Андрей, вернувшись из редакции, куда спускался, чтобы взять пару номеров с объявлением. – Погода хорошая.

Анна, только что просмотревшая последнюю страницу «Крестьянки» с волшебными цифрами «сто тысяч», помотала головой.

– Может, надо было побольше предложить? – подняла она на Андрея горестные глаза.

«Ага, чтоб у половины города башню снесло в надежде хоть что-то с меня слупить!»

– Аня, если у кого-то есть адекватная информация, это вполне приличная сумма. Большая сумма просто взбудетенит людей с неустойчивой психикой.

– Ты так думаешь?

– Я консультировался с Михал Юричем.

– Да? – чуть оживилась Анна. – И он согласился?

– Мы плотно обсуждали этот вопрос, и он предлагал мне снизить сумму. Так ты хочешь поехать на дачу? По-моему, ты уже неделю не гуляла с Машей на свежем воздухе.

– Погода была плохая.

– А сейчас хорошая.

– Мы на балконе гуляем, – буркнула Анна и ушла в детскую.

– О'кей, тогда я тоже на балконе погуляю.

Андрей переоделся в шорты и сел на солнышке с газетой. Мобильник положил рядом.

День прошел в ожидании звонков, хотя Андрей понимал, что реакция на обещание награды наступит не раньше, чем через день-два, – если наступит вообще. С Анной они почти не разговаривали – словно боялись пропустить звонок городского телефона, номер которого тоже был указан в объявлении.

– А что мы будем делать, если никто не позвонит? – как бы невзначай спросила Анна за обедом.

Андрей знал, что рано или поздно она задаст такой вопрос, и заготовил ответ:

– Обратимся в частное агентство, которое специализируется по таким делам.

– А если они не найдут?

Анна сидела уставившись в полупустую тарелку и кусала губы. Андрея это ужасно злило, но он сдерживался.

– Значит, обратимся к экстрасенсам, поедem к матушке в Голубинский, наконец, молебен закажем! Я не понимаю, чего ты от меня хочешь – чтоб я ходил по улицам и пугал мамаш, заглядывая в коляски – нет ли там нашего Ванюшки? Хорошо, я пойду – если тебя это утешит! Но через полчаса меня загребут как извращенца – вот это менты точно сделают с удовольствием! Они, я думаю, про мои подвиги не забыли... А, как? Сделать?

Анна уже всхлипывала, рука, державшая ложку, мелко дрожала.

– Нет, ты скажи!

Тут до Андрея дошло, что в гостиной уже не первый раз звонит городской телефон. Он вскочил и, радуясь возможности не продолжать разговор, поднял трубку.

– Да! – чуть откашлявшись, ответил он.

– Андрюша, здравствуй, – услышал голос Ксении Петровны. – Я тут увидела ваше объявление... Что – милиция ничего не может?...

– Боюсь, она просто не слишком хочет, поскольку дело касается меня лично.

– Да, понимаю...

– А как вы сами – вам никаких сообщений из высших сфер не поступало?

Анна стояла на пороге и жадно прислушивалась к разговору, поэтому спросить у ясновидицы напрямик – как, наш Ванька-то хоть живой, искать его стоит? – Андрей не решился.

– Ну, плохих не поступало... А еще я вот что хочу тебе сказать: я знаю одно место – типа секты, братства. Они берут к себе деток брошенных или беспризорных. Милиция их не трогает, хотя дети там вроде как незаконно находятся.

– Как же это получается?

– А иначе, – Ксения Петровна усмехнулась, – им всем потом, через несколько лет, квартиры придется давать, а кому это по большому счету надо?

– Это правда – кому нужны дети в государстве с вымирающим населением!

– Ох, не говори... Так тебе это интересно?

– Ну да, в принципе... Так или иначе, я туда съезжу.

– Кто это был? – нервно спросила Анна, когда он положил трубку.

– Ксения Петровна. Тебе привет.

– Ну что, что она говорила?

– Дала адрес, где полулегально концентрируются брошенные и бесхозные дети. Я подумал – может, тот, кто крал наших деток, потом решил избавиться и от Ванюшки, и он попал туда? Съезжу посмотрю. Ксения Петровна зря не посоветует.

– Я поеду с тобой! – Анна метнулась вон, на ходу снимая передник.

– Маню с собой возьмем? – не скрывая иронии, поинтересовался Андрей.

– Ну да, – остановилась Анна. – Я с ней в машине посижу.

– Тогда зачем ездить?

– А если ты Ваню не сможешь узнать? Если ты не узнаешь, приду я и...

– А кто на городском телефоне будет? Вдруг у того, кто захочет нам позвонить, мобильного нет?

– Сейчас у всех есть.

– Ладно, тогда собирайся. Только потом не упрекай меня, что я упускаю время или возможности. Ты ведь именно так все это время думала?

Анна стояла, глядя в сторону и безмолвно шевеля губами.

– Хорошо, – наконец глухо проговорила она. – Поезжай один. Только позвони мне сразу.

Выпуская Андрея из квартиры, Анна поцеловала его в щеку – как родственника, не более, и напонила – сразу позвони.

Деревенская улица, то есть дорога с глубокими, заполненными мутной водой рытвинами, была пуста. Кто ж в такой зной на солнцепек выползет, кроме отчаянных добровольцев?

По обеим сторонам улицы стояли домики в три окошечка, за которыми, как помнил Андрей, находилось «зало» – парадное помещение. Андрей вылез из машины и оглянулся. Никого...

«Вот незадача – даже бабульки псивенькой, чтоб ей развернутое интервью дать, и то нет... А уж дорогу до объекта спросить!»

– А вы, товарищ, по какому такому делу здесь стоите? – услышал Андрей голосок, стариковский, с непередаваемой ехидцей.

Он оглянулся. Рядом обрелся и с интересом рассматривал его дедок, крепенький, с загорелым до черноты лицом, в пестрой кепке и пиджаке.

– Я слыхал, здесь типа какой-то общины имеется? Вот мне ее надо бы.

– Да-а? – нарочито удивился дед. – А вы по такому делу туда?

– Я журналист. Хочу посмотреть, нет ли там чего-то интересного.

– Да-а? – с точно такой же интонацией и выражением лица «удивился» дедок и стал, продолжая разглядывать Андрея, суетливо шарить по карманам пиджака.

«Еще пять минут, и дедуля в этом прикиде сварится в мешочек».

– Папироской не угостите? – спросил дед, закончив шарить и бить себя по карманам.

«Так он с меня пошлину взять хотел!»

– Простите, не курю. Так вы не знаете, где здесь община?

– А вы, товарищ, с какой такой газеты будете?

– Из «Крестьянки».

– Да-а? – опять округлил глаза дедок. – А с какой...

– Слушай, парень! – Андрей вовремя заметил приближавшегося к нему мальчишку с выгоревшими до гламурной блондинистости вихрами.

– А? – Тот с готовностью затормозил.

– Где тут у вас что-то типа общины или братства имеется?

– А прокатите меня туда? – прищурился белобрысый.

– Да запросто! Прыгай!

– Уррра!

– Тако же я!.. Я же... того! Ты куда, а? – ус лыхал Андрей горестные стенания старика, едва пробившиеся сквозь утробное ворчание мотора.

– Что это за дед? – спросил Андрей, объезжая очередную рытвину, в которой при желании можно было устроить заезд на скутерах. – Балаболистый – жуть!

– Так это ж Какой-такой!

– Что? – не понял Андрей.

– Так он же все время повторяет: «А какой такой, а какой такой?»

– Это я заметил. Куда нам теперь?

– Да под горку и до леса. А сколько такая тачка стоит?

– Четыре миллиона.

– У-у! – разочарованно протянул пассажир. – У нас в деревне ни у кого столько денег нет.

«Я разве собирался впарить кому-то из аборигенов редакционную машину?»

* * *

Поселением оказался участок на опушке смешанного леса – выгородок, обнесенный забором из вбитых в землю и переплетенных веревками и проволокой березовых кольев. Прямо за оградой виднелись вскопанные участки – очевидно, велось натуральное хозяйство. Андрея заметили сразу, и, когда он, приподняв и отодвинув калитку из таких же березовых

путьев, вступил на территорию, к нему приближались несколько человек. Впереди шел мужчина средних лет с отросшими неровными прядями русыми волосами. В распахнутой почти до пояса рубашке виднелся нательный крест.

– Здравствуйте, православные! – громко приветствовал хозяев гость.

– Здравствуй, здравствуй, здравствуй, – прошелестело по небольшой толпе разномастно одетых людей, в основном женщин средних лет.

Пара-тройка имевшихся в наличии мужиков, судя по настороженному выражению лиц, были здесь явно вследствие неладов с законом.

– С чем припожаловали? – осведомился русский.

– Мне стало известно, что ваше общество оказывает гостеприимство детям, оставшимся без присмотра родителей.

– Да, ну и что? – не без вызова ответил предводитель.

– Вот я и хочу спросить – этого мальчика у вас нет?

Андрей протянул ему газету с объявлением о награде и фотографией Вани.

– О-о, – не удержался русский, увидев цифру. – Нехило... Рассчитываешь получить?

– Я рассчитываю найти ребенка. Так что? Нет у вас этого мальчика?

– Нет, у нас давно новеньких не было. – Он вернул газету Андрею.

– Оставьте себе. Вдруг что-то узнаете. Это неплохие деньги.

– Да они не заплатят! – махнул рукой еще один из подтянувшихся к эпицентру событий, спитой мужичок в татуировках.

– Я заплачу. Это мой сын.

По все увеличивавшейся толпе прокатился ропот, полудикий народец обступил главного отшельника. Газета пошла по рукам, дамы-поселенки сокрушенно качали головами, мужчины сочувственно цыкали.

– Там мои телефоны, можно просто зайти в редакцию – есть адрес, – сказал в заключение Андрей. – Если что-то узнаете и это поможет найти ребенка – заплачу.

– А надежда на то, что эти люди, желая заработать, может быть, найдут какие-то концы, – закончил отчет о проделанной работе Андрей. – У неформалов тоже есть внутренние структуры.

– Но ты точно видел, что там нет Ванечки?

– Ань, я, конечно, понимаю твое состояние, но ты сама себя слышишь?

– А что? Что я должна слышать?

– Как можно видеть то, чего нет?

– Ты просто не посмотрел повнимательнее.

– Аня, там нет детей – тем более маленьких. Самому младшему лет пятнадцать. И это очень-очень бедные люди. Лишний рот им совсем не нужен... – Анна хотела что-то возразить, но Андрей не дал, – а вот сто тысяч были бы в самый раз. Если б был, хоть какой, они бы мне его обязательно предложили.

Анна сидела, не глядя на него, и что-то соображала.

– Кстати – насчет суммы. Ты оказалась права. Это производит впечатление.

– Да? – оживилась Анна, и Андрей впервые за это тяжелое для них время уловил в глазах жены проблески интереса к своей персоне.

И это воскресенье прошло в напряженном ожидании, но редкие звонки были выражением сочувствия дальних знакомых или вовсе не знакомых людей, но не более. Андрей с трудом сдерживался, чтобы не накричать на очередного звонившего, Анна становилась все мрачнее. Возможно, что-то прояснится в понедельник – люди вернутся с дачных участков, с шашлыков, вынут из почтовых ящиков пятничные газеты...

Очередной звонок городского телефона раздался в половине третьего дня в понедельник.

– Товарищ Полевой? – послышался в трубке голос капитала Макеева.

– Да-а? – отозвался Андрей, почувствовав, что капитан чему-то очень рад – ну просто плавится от самодовольства.

Анна, выбегавшая на каждый звонок, стояла с Маней на руках на пороге гостиной и напряженно прислушивалась.

– Вам с супругой надо бы подъехать...

– Да, да! Куда подъехать?!

Анна сделала пару судорожных шагов.

– У нас есть интересные сведения. Но мы не можем без вас. Надо, чтобы вы ребеночка одного опознали.

– Что значит опознали?! – проговорил Андрей возможно глуше, но Анна уже стояла рядом, заглядывая ему в лицо.

– Вроде нашли женщину с ребенком, под ваше описание подходящих. Надо, чтобы вы посмотрели, ваш ли мальчонка, а уж тогда мы произведем изъятие. Так что подъезжайте к зданию РУВД – адрес знаете?

– Знаю – бывал неоднократно.

Капитан хихикнул, но комментировать не стал.

– Мы сейчас будем. – Андрей положил трубку. – Так, Ань, собирайся по-быстрому... Возможно, менты нашли Ванятку.

– А как он, как?!

– Не знаю – это же не точно. Версия.

– Нет, нет! – Анна от радости чересчур сильно прижала к себе дочку, и та недовольно захныкала. – Это точно он! Он!

– Ты давай осторожнее!.. Я Вале позвоню – пусть Маню понянчит. Кто знает, сколько это продлится.

– Да!.. Это ты хорошо придумал!

«Первая похвала за столько дней!»

– Элементарное злоупотребление служебным положением.

– Это ничего, Андрюшик! Это не грех!

«Ох, я б еще о грехах думал!.. А что, если это не Ванька? Как перенесет это Анна?!»

Глаза у нее просто сияли, она металась по квартире, собираясь на выход. Вале, поднявшейся к ним, пришлось пару раз уворачиваться с ее пути – Анна, похоже, не замечала ничего вокруг. Впервые за много дней она подкрасила губы, но на ее побледневшем, осунувшемся лице помада смотрелась неуместным шлепком краски.

– Чего там, в редакции? – для приличия поинтересовался Андрей у Вали.

– Нормально, не переживай. Вместо меня Ксанка посидит, Михал Юрич в курсе.

К широкому двору районного УВД они подкатили в начале пятого. Капитан ждал в кабинете. Еще там находился седой полковник, сидел у торца стола.

– Значит, так, граждане Полевые, – сказал капитан почти торжественно. – По сигналу одного нашего участкового, в селе Кашино, в заброшенном доме, недавно объявилась семья. Две женщины, мать с дочерью, и с ними ребенок грудного возраста. Раньше их никто не видел, под ориентировку подходят. С местным населением общаются неохотно. Чтобы их не спугнуть, надо как-то поделикатнее. Посмотреть, ваш ли пацанчик, нет... А уж мы, если надо, вмешаемся. Если виноваты – не уйдут.

Он выразительно поглядел на Андрея с Анной.

– Мы с женой журналисты. Деликатность – неотъемлемая часть нашей работы.

Андрей держал Анну за руку и чувствовал, как та начала дрожать.

– Да, вот еще один деликатный вопрос, – начал полковник.

– Давайте поедem! – Анна рванулась. – Ну, пожалуйста!

– Вот, а вы говорите «деликатность», – мягко, но укоризненно сказал полковник. – Всю операцию нам сорвете.

– Извините. – Анна села и приготовилась заплакать.

– Никуда эти люди не денутся, за ними участковый присматривает, – продолжил полковник. – Но вы ведь вознаграждение назначили за поимку...

Макеев хмыкнул.

– Ну да, за поимку похитителей и возвращение младенца.

– Да, – сухо подтвердил Андрей. – Рассчитывали на содействие населения.

– А какая вам разница, кто вам ребенка вернет? – Полковник внимательно посмотрел на посетителей.

– Нам – никакой! Никакой! – Анна вскочила и только не поволокла всех троих к двери. – Ну, давайте поедem! Вдруг они что-то заподозрят и убегут!

– Вы как, господин Полевой, согласны с супругой? – пристально глядя Андрею в глаза, уточнил полковник.

– Я всегда согласен с супругой.

– Отлично! – Седой с трудом удержался от того, чтобы потереть руки. – Капитан, командуйте своим людям!

Кортеж, состоявший из милицейского уазика с группой захвата, машины и новенького полковничьего «вольво» с московскими номерами, оста новился на окраине деревни, до которой они по каким-то проселкам добирались почти час. Солнце зависло над сизым маревом, скопившимся у горизонта, тени удлинлись. Поля, лежавшие по сторонам дороги, давно не обрабатывались, заросли бурьяном в рост человека – лето было сырое.

«В таких дебрях спрятаться не проблема, – прикинул Андрей. – Залечь – и в двух шагах тебя не видно!»

Их поджидал участковый, тощеватый, сутулый парень, на узеньких плечах которого погоны смотрелись фанерными щитами. Андрей и Анна видели, как милиционеры, сбившись в стайку, посовещались, потом Макеев двинулся к их машине.

– Значит, так... Предполагаемые похитители на месте, дитенок тоже там – голос подает, – сказал он, наклонившись к окошку с водительской стороны. – Чтоб ситуацию не нагнетать, участковый начнет отвлекающий разговор, а мамаша подойдет, как бы местная жительница, и попробует опознать ребенка. Так нормально выйдет. Группа захвата будет вне прямой видимости, но в случае необходимости вмешается. Согласны?

– Согласны! – воскликнула Анна, напряженно наблюдавшая за событиями.

Она выбралась из машины, хлопнула дверцей и, не обращая внимания на вялые окрики Макеева, почти побежала по пыльной дороге.

– Ох, наделает она нам! – досадливо покрутил головой Макеев и торопливо пошел за Анной.

Пришлось идти и Андрею, на которого вдруг навалились какая-то тяжело-свинцовая немота и апатия. Ноги двигались неохотно, участкового и Анну Андрей догнал уже на единственной здешней улице.

Деревенька была убогонькая, запустелая. Три окошечка, через которые домики смотрели на мир, были заколочены крест-накрест почерневшими досками. Только у одного дома на скамеечке сидели две старушки. Краем уха Андрей расслышал, как старушки попытались снять с участкового показания о цели визита, и с вялым злорадством понял, что им это не удалось.

Избушка, в которой угнездились потенциальные сороки-воровки, была едва видна с улицы за слонового роста пыльной крапивой, уже вывесившей на дорогу бурые сережки. На дворе было пусто, но вид он имел обитаемый – на веревках сушились какие-то линялые тряпицы, на крыльце стояло новое цинковое ведро. Дощатая дверь дома была приоткрыта.

Андрей и Анна, увидев предостерегающий жест участкового, замедлили шаг. Андрей услышал бормотание Анны: «Ванечка... здесь... в этой дыре? Ванечку моего... здесь держать... ну нет!»

«Ох, не завидую я этим несчастным, если Ванюшка действительно здесь!»

Анна смотрела, не мигая, на дворик, по которому не спеша, даже как-то нерешительно,

шел участковый. Ее кулачки с побелевшими костяшками прижались к груди. Участковый еще не дошел до двери, когда на крылечко выскочила, на ходу запахивая халат, немолодая, грузная женщина. В доме заплакал ребенок.

– Это Ванечкин голос... – прошептала Анна, оглядываясь на Андрея. – Это точно Ванечкин голос!

Ванин гундивый, вибрирующий басок было трудно не узнать, но Андрей не успел согласиться, потому что Анна ринулась вперед, грозно ворча, как закипающий чайник. Очень большой и до краев полный кипятка...

Краем глаза Андрей видел, что тетка, встав в проеме двери, не пускает участкового в дом, а он пытается обойти ее то с одной, то с другой стороны. Их беседа переходила на все более высокие ноты, но ни участковый, ни тетка не заметили, как на крылечко взвилась Анна. Она разом смела с пути и милиционера, и опешившую тетку – и исчезла в темноте дверного проема. Потом мимо Андрея пробежали захватчики в бронежилетах и касках, что показалось донельзя комичным – ну, если кому-то чего-то стоит опасаться, так это попасть под горячую руку его разъяренной жены...

Потом был ужасный шум и свалка, хотя, как ни странно, обошлось без стрельбы... В доме что-то звенело и лязгало, падало, стучало, топало... Андрей наблюдал со стороны, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Надо было бежать в дом, помогать Анне и Ванечке, но он не успел, потому что Анна уже сбегала с крылечка, на ходу сдирая с вопящего ребенка какие-то тряпки.

Осознавать происшедшее Андрей начал на заднем сиденье машины, рядом с Анной, которая, как-то ужасно по-бабьи, тоненько причитая, утешала испуганно ноющего Ванечку. Да, это был он – его темненькие волосики, прилипшие к вспотевшему от натуги выпуклому лобу, толстенькие ручки, беспорядочно бившие по воздуху.

Андрей машинально глянул на часы приборной панели. Десять минут восьмого. Они что – приехали сюда двадцать минут назад?! И за эти минуты дошли до противоположной окраины деревеньки, разобрались с супостатами и успели вернуться с ребенком сюда?

«Да, емкие получились минуты, ничего не скажешь».

– Ванечка, не плачь, маленький! Все хорошо, сейчас домой поедem, – уговаривала мальчика Анна. – Андрюшк, может, мы поедem, а? Мне кажется, Ванечка очень голодный. Плачет!..

– Вань, заканчивай концерт, а, братан? А то я прямо здесь рухну, – устало сказал Андрей, погладив одним пальцем крутенький, влажный лобик.

Мальчик вдруг почти смолк и посмотрел на Андрея.

– А, слушаешь отца? – вдруг обрадовался Андрей. – То-то!

– Поедem, а? Там Маня ждет.

Анна завернула мальчика в прихваченную из дома пеленку и вопросительно глянула на Андрея.

– Пять секунд еще, Ань. Ту девчонку, как я понимаю, не нашли...

– Да ладно, пусть! Поедem, пожалуйста!

– Чтоб она через два дня то же самое нам устроила? Или похуже? Я хоть узнаю, что и как. Посиди чуток.

Андрей, не слишком полагаясь на все еще дрожащие ноги, выбрался из машины и вернулся к избушке. Там, что-то записывая на планшете, крутился озабоченный Макеев, участковый стоял рядом с теткой, понуро сидевшей на крылечке.

– Ну, чего там – живы все? – мельком глянув на Андрея, спросил Макеев.

– Живы. А еще кто-то... здесь обитал?

– Обитала. За ней ребята-захватчики побежали... Не догонят, так хоть припугнут, чтоб больше не совалась, а? – только что не подмигнул он Андрею.

– Мне б хотелось... «... за свои кровные...»

– ... быть уверенным, что все преступники находятся под замком и моей семье больше

ничего не угрожает. Мы не сможем жить спокойно, если...

– А ну давай, двигай жопой, сука, шалава! Живо!

Все находившиеся во дворе повернулись на окрик. Откуда-то из-за дома, по заросшим сорняками грядкам бывшего огорода, двигалась колоритная группка. Двое ребят-захватчиков в ка муфляже грубо толкали перед собой худенькую, смуглую девчонку с растрепанными темными волосами, в цветастом некогда платьишке. Она повернула в сторону непрошенных гостей заплаканное, сморщенное лицо, глянула и сразу отвернулась. Нижняя губа у нее была разбита и кровила.

– Давай, давай! – Захватчик подхватил ее под руку и почти поволок через двор.

– Во, а ты, Полевой, расстраивался! – весело хмыкнул Макеев, сбивая фуражку на затылок. – Пымали воровку, орлы наши, на раз! Оп-паньки!

Андрей, не разделяя оптимизма Макеева, решительно пошел за захватчиками. Девчонку, то и дело порывавшуюся бежать, под руки вели к уазу.

Вдруг Андрей увидел Анну. Она стояла рядом с их машиной, с ребенком на руках – видно, не могла отлепиться от него даже на минуту – и, вздернув подбородок, наблюдала, как пакуют в уазик черненькую. Девчонка, заметив Анну с ребенком, попыталась в очередной раз вырваться. Захватчики принялись запихивать ее в машину, девчонка разразилась невнятными ругательствами, почти шипела. Анна, чуть покачивая драгоценный сверток, с презрением смотрела на побежденную соперницу. Участковый вел к уазу и тетку постарше.

– Все! Поехали Ваньку кормить, – сказал Андрей, проходя мимо жены.

Анна подчинилась, и они молча сели в машину. Мимо проехал уазик, Андрею показалось, что за пыльным задним стеклом мелькнуло смуглое, узенькое лицо с отчаянными черными глазами.

– Мне кажется, я знаю эту девчонку, – тихо сказала Анна.

– Весьма возможно, – почти спокойно ответил Андрей, разворачиваясь.

Он оглянулся, чтобы посмотреть, где находится полковничий «вольво», и увидел сосредоточенное лицо Анны.

– Но не могу вспомнить откуда, – пробормотала она.

– Если это действительно Ванюшкина биомать, ты могла видеть ее в больнице. Вы же там одновременно кантовались.

Андрей рассчитывал почувствовать облегчение, эта перемена настроения Анны к худшему его разозлила. Вот, все закончилось, Ваня едет домой. Что за новые проблемы! Пусть с этими голодранками органы разбираются!

– Нет, не то... Тогда бы я сразу вспомнила.

– Она могла выслеживать тебя в городе, потом на даче, вот и попала на глаза. Просто тогда ты не обратила на нее внимания.

– Нет, нет, все не то... Но я обязательно вспомню.

Они уже выехали к шоссе и встали у первого светофора.

– Андрюш, а давай поедem в больницу? – неожиданно предложила Анна.

– Ты что – плохо себя чувствуешь? – оглянулся он.

– Нет... Просто я боюсь Ваню домой везти... после этой грязищи. Можно? Ты с Машей справишься? Мы там... ненадолго.

– Конечно, почему нет... Я уже опытный отец. И Валя поможет.

«Вызову тещу любимую с дачи, в конце концов».

– Да, да, – словно услышала его мысли Анна. – Ты всегда все правильно делаешь.

Андрею не слишком понравилось замечание жены, но события этих дней вообще были не слишком приятными.

Было уже темно, когда Анну удалось определить в платный стационар. Дома Андрей застал Валю, странно, непривычно смотревшуюся в их домашнем интерьере.

– Ох, Андрюш!.. А ты чё один? – спросила она испуганным полусшепотом, когда он

ввалился, едва живой, в прихожую.

– Аня с Ваняткой пару дней побудут в больнице.

– Ох ты! – округлила она глаза.

– Профилактически, – пояснил Андрей. – Мы его с такой помойки вытащили!

Валя суетливо перекрестилась несколько раз, что-то шепча.

– Чего Маня делает?

– Спит, чего ж еще. Время-то десять.

– А я и не заметил... Валь, посиди еще пять минут? Я хоть душ приму.

– Давай, Андрюша, давай! Это уже не в счет. Я Михал Юричу позвоню? Он переживает очень.

Маня крепко спала, аккуратно, но не так, как обычно, перепеленутая. В доме было тихо, только доносился через балкон слабый шум улицы.

Ложась в гостиной, Андрей успокаивал сам себя – все закончилось. Все кончилось хорошо... Или почти кончилось, или почти хорошо. Завтра или послезавтра он привезет домой Анну с Ваняткой, и вот тогда все будет совсем хорошо, как и было. Или даже лучше.

Заснул он, не коснувшись головой подушки.

К Анне его пустили только во второй половине дня. Собственно, это она разрешила ему приехать после двух. Окна дорогой одноместной палаты выходили в парк и были открыты. Анна, когда он вошел, сидела у окна в кресле. Ванюшка, как водится, дрых без задних ног.

– Ну чего – как вы? – наклоняясь, чтоб поцеловать жену в височек, спросил Андрей.

– Ничего, врачи говорят – он только в весе потерял.

– Ну, это-то с его аппетитом быстро наверстаем! – беззаботно махнул рукой Андрей. – Ты сама как?

Анна не ответила, снова отвернувшись к окну. Не похоже, чтобы благополучное возвращение сына ее сильно развеселило.

– Ты сядь, пожалуйста, Андрей. Мне нужно тебе кое-что рассказать.

– Господи, Аня, что опять не так?!

– Не кричи, пожалуйста, сядь.

Андрей взял стул и поставил у окна перед Анной.

– Я вспомнила, где видела эту девушку.

– Ну и что? А я могу сказать, где она сейчас, – в тюрьме. Там ей самое место.

– Я вспомнила, где я ее видела, – будто и не слыша его слов, повторила Анна.

– И где? – пришлось отозваться Андрею, потому что Анна явно ждала этого вопроса.

– Там, помнишь, где ты меня нашел прошлым летом, в тот ужасный ливень...

У Андрея больно заныло под диафрагмой. Давно с ним такого не было.

– Это... там, у реки? Когда на тебя напал тот боров? – пугаясь своих слов, едва выдавил он.

– Да. – Анна посмотрела на него. – Там и тогда.

Наверное, эта ночь для нее была тяжелее всех последних, вместе взятых. Глаза Анны были совершенно безнадежные, обведенные синевой, уголки губ горестно опущены.

– Я же говорила... А мне никто не верил, там была еще одна девушка. Мне показалось, что она была там добровольно или почти добровольно. Ко мне она отнеслась враждебно – будто я незваная гостья.

Анна замолкла, глядя на парк за окном.

– И ты думаешь, эта черная и та девчонка – одно и то же?

– Я уверена. Я вчера, когда ее увидела, сразу поняла, что ее знаю... И вот, точно, все вспомнила.

– Хорошо, и что с того?

– Ну, как ты не понимаешь? Они же там с этим...

Она замялась, не зная, как назвать своего похитителя.

– Ну да, с диким, некультурным бомжом, – чуть иронично подсказал Андрей.

– Да... Вроде они какое-то время вместе жили, даже хозяйство какое-то вели, если можно это так назвать.

– Угу, пещерное.

Анна молчала, по-прежнему глядя за окно.

– Так что ты хочешь сказать, что Ваня – плод любви этой цыганки и того полудикого мужика?

– Ну да, выходит, так... Но не только это.

Андрей встал и принялся ходить между окном и кроватью.

– А что еще?

– Ну, если верить тому, что говорят в народе... то этот...

– ... Пещерный, – не без иронии подсказал Андрей.

– Да... это и есть... тот самый... который у речек...

– Водяной конь, что ли? Оборотень кусачий? Который девушек потрошил?

– Да, да! – Анна закрыла лицо руками и тихо заплакала.

– Ну, дела! – Андрей забегал по проложенному маршруту. – Ты что хочешь сказать, что наш Ванятка – водяной жеребенок?! Будущий оборотень?

Анна, не отрывая рук от лица, кивнула.

– Боже мой, Анна, мы же современные люди! Как можно во все это верить? Смешались в кучу кони, люди... Бред какой-то!

Утомившись от ходьбы, Андрей плюхнулся на стул. Анна, наплакавшись, утерла лицо платком.

– Ты же верил, что я русалка.

– Ну, так это ж очевидный факт. Сырость разводишь – надо, не надо.

Анна невесело усмехнулась. В кровати заворочался и захныкал обеспокоенный Ванятка. Анна глянула на него, привстала, но мальчик, повозившись, успокоился.

– Это он просто решил размяться, – прокомментировал Андрей. – Не знаю, как насчет способностей к оборотничеству, но спит и жрет Ванька по-дикому. Ладно, давай это дело как-то резюмировать... То есть ты считаешь, что тот, ну, допустим, водяной жеребец или какой-то неадекватный гражданин, решивший таковым себя представить, решил обзавестись семьей и потомством... Так?

– Ну, ты же сам автор этой теории. Сам все придумал и расписал, – неуверенно пожала плечами Анна.

– Ну, чего не напишешь, чтоб номер заполнить. Работа такая!.. Хорошо... Значит, он девчонку ту оприходовал до тебя, и она, сдастся, была не против. Так? А тебя тогда зачем своровал? Во вкус вошел, гад? Нашел девушку получше, с образованием, да?

– Некто постарался, чтобы этого уже никто никогда не узнал, – многозначительно глядя ему в глаза, сказала Анна.

– Ага, ну да, – смутился Андрей. – Но тебя он не тронул, поскольку звериные инстинкты подсказали ему, что для его низменных целей ты, по объективным причинам, не годилась – я правильно излагаю? Укладывается это в твою концепцию?

– Это, вообще говоря, твоя концепция, – сухо заметила Анна.

– Без разницы. А эта девчонка чего?

– Ну... – Анна встала и пошла к холодильнику. – Она ведь, если я правильно все поняла, и помогла мне бежать. Отвлекла его, а я сбежала. Меня, видимо, она считала соперницей. Соку желаешь?

– Не откажусь, дорогая. Выходит, она того волосатика любила?

– Любовь зла, – пожала плечами Анна, подавая ему стакан с соком.

– Намек понял, – пробормотал Андрей, допив прохладную гущину апельсинового нектара. – Зна чит, ты считаешь, что эта девчонка родила, причем по любви, от этого чудища болотно-копытного, бросила ребеночка в роддоме, потом одумалась и попыталась вернуть? И этот ребеночек – наш теперешний Богом посланный сынок Ванечка?

– По-другому не выходит, – пожала плечами Анна, забирая у него пустой стакан.

– М-да... Ну и что?

Анна снова села и, наклонив голову, сказала:

– Тебе решать... Я во всей этой истории виновата. Как ты скажешь, так и будет. – Анна судорожно вздохнула. – Если ты не хочешь воспитывать Ванечку, потому что он... он...

– Водяной жеребенок, – не без ехидства подсказал Андрей, и Анна кивнула, все так же глядя в пол.

– ... и ты не хочешь, чтобы он жил с нами, с твоей дочкой... я согласна... отдать его... или... как ты сам решишь...

Анна начала всхлипывать и теребить платочек.

«К таким вещам, как женские слезы и детский крик, мужику привыкнуть невозможно... Наверное, это как-то генетически предопределено».

Андрей вскочил и начал бегать – теперь от двери к окну, мимо кровати с Ваней. Парень завозился, будто вознамерился выпростаться из своего кокона, приоткрыл глазки и подал голос.

«Во, сейчас на меня эта водяная мафия ка-ак навалится! Что я против них?! Пигмей!»

Ванятка вдохнул поглубже, напрягся и издал первую тягучую ноту.

– Иван! – остановился Андрей напротив кровати. – Не смей вмешиваться, когда родители разговаривают!

Тут Андрей заметил, что глазки у мальчика уже не голубенькие, будто затянутые нефтяной пленкой, а черные, осмысленные, и глядят на него серьезно, изучающе. Трогательные слезки, появившиеся на них, мгновенно втянулись назад.

– Вот так! Слушай, что отец говорит!

Андрей повернулся к Анне, которая, чуть приоткрыв рот, наблюдала за их общением.

– Значит, я две недели личного отпуска нахожусь под диким давлением, слушаю твои упреки в бездействии, мотаюсь колбасой по району, по помойкам каким-то, потом отслюниваю ментам двухмесячный заработок – только за то, заметь, что они просто сделали свою работу! А теперь, в завершение всего, должен отказаться от Ваньки под предлогом того, что он – сын мифического чудовища? Мы в каком веке живем, а?

– Мы в России живем, – тихо сказала Анна и вздохнула. – У нас тут местность такая... особенная.

– В таком случае, я – сказочный богатырь, типа бродячего рыцаря, в порядке свершения очередного планового подвига просто обязан воспитать Ваньку настоящим человеком, а не оборотнем или водяным – как у вас, в этой вашей тихой местности, подобное классифицируется? Такое возможно?

– Я не знаю... Но вообще считается, если тебе интересно, что русалка может сделаться обычной женщиной, если выйдет замуж за... ну...

– Нормального мужика, да? Во, значит, я еще один подвиг совершил и даже не заметил.

Мальчик, воспользовавшись паузой, решил вставить словечко. Анна быстро подхватила его на руки и принялась качать, что-то тихо приговаривая. Он мгновенно успокоился.

«Вот, правильно... Ведь чувствуют родство свое водяное, русалочье, а?... Ну точно Ванька жеребенок, хочу я этого или нет... Ишь, как хорошо им вдвоем! Анька Ванюшке, поди, по крови роднее родной матери».

– И как ты себе вообще это представляешь? – поинтересовался Андрей.

– Что? – гундосо сказала Анна, садясь с ребенком у окна.

– То, что мы можем отказаться от Ванюшки.

– Не знаю, – почти прошептала она.

– И я не знаю. Он же нашим родным ребенком записан – даже не усыновленным! Как это выглядеть будет – молодые, здоровые, обеспеченные родители отказались от одного из двух близнецов, потому что не захотели или не смогли воспитывать обоих? На имидже нашей семьи после этого можно ставить крест. И на моем персональном реноме тоже. А?

Тем более историю эту мы сами на весь район раздули.

– Я знаю, знаю, Андрюшик, что я во всем виновата!

– Никто ни в чем не виноват, Аня, перестань! Просто так получилось. Но если б даже, чисто гипотетически, Ванюшка оказался в каком-нибудь детдоме, приюте – не важно, его бы рано или поздно разыскала или эта чернушка, или другие дикие родичи. Если, конечно, признать их существование. Действительно, вырастет каким-нибудь... ух... Нет!

Андрей не нашел нужного слова и, чувствуя, что избегался вусмерть и очень устал, плюхнулся на стул перед Анной. Мальчик повернул головку и посмотрел на него – ну, чего, закончился твой словесный понос, папаша?

Андрей отвел глаза и добавил не без подтекста:

– А тут мы за ним присматривать будем и все попытки встать на дыбы и заржать будем решительно пресекать. Да, сынок?... Так что никто никого никуда не сдает, Аня. И все мы сейчас едем домой! А то через сутки тебя дочка за свою не признает.

– Признает, – тихо, но с вызовом ответила Анна и поднялась.

– Вот единственное, что бы я сделал, – нахмурился Андрей, – я бы, ну так, для порядка...

– Что? – Анна встала, положила мальчика в кроватку и подошла к раковине умыться.

– Наверное, мне бы того... окреститься не мешало.

– А ты разве некрещеный? – удивилась Анна, застыв с мокрым лицом и полотенцем в руках. – Как же мы венчались-то?

– Ну, так и венчались... Мне как-то в голову не пришло.

– Надо же... А почему ты некрещеный?

– Смеешься – я за четыре года до перестройки родился, а папка у меня – проректор центральной партшколы был. Наверное, меня поэтому и нечистая сила не брала, а?

– Вот это уж точно! – прыснула со смеху развеселившаяся Анна.

– А еще б я книгу написал, – блаженно потянулся Андрей, и стул под ним опасно закрипел.

– О чем бы это?

– А про эти местные заморочки. Русалки, лешие, ведьмы разные... Ясновидящие. Старички-боровички...

– А это кто? – удивилась Анна.

– Михал Юрич, кто ж еще?

Кто имелся в виду под русалками, Анна уточнять почему-то не стала.